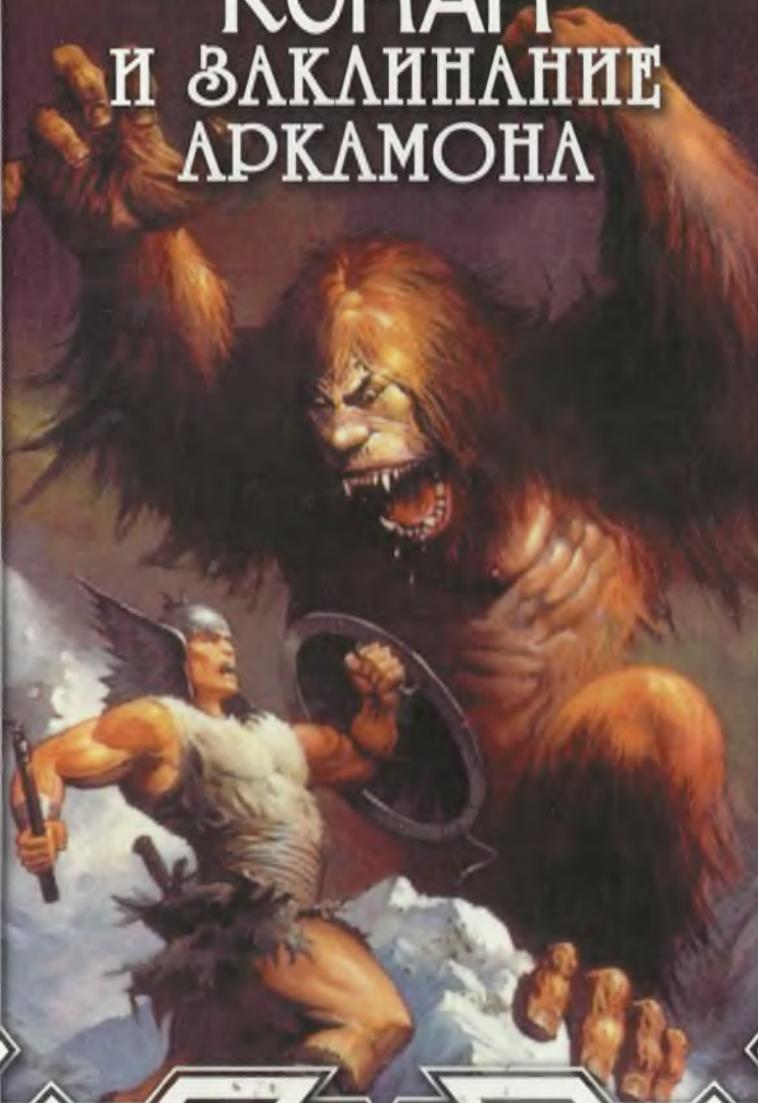

КОНАН И ЗАКЛИНАНИЕ АРКЛМОНА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и ЧЕТЫРЕ СТОЛЫ	КОНАН и Боги ТЬМЫ	КОНАН и МЕН КОДУЛНА	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ	КОНАН и НЕВИТАН НЕЦЕР	КОНАН и ЛЕСНЫ СНЕГОВ	КОНАН и НЕВСКАЯ СЕКИРА	КОНАН на ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ	КОНАН ПРИНИМАЕТ ВОЙ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
КОНАН и КАРСЕЛЬ БОГОВ	КОНАН и ДАР МИТРЫ	КОНАН и НОЧНЫЕ КЛИНКИ	КОНАН и ГРОТ ДАНОМЫ	КОНАН и БЕЗДАО ГРДАЧЕЛО	КОНАН и ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЯ	КОНАН и СЫ ВОЙНЫ	КОНАН и ТАИНСМАН ЗЛА	КОНАН и БИЧ НЕРЛА
10	11	12	13	14	15	16	17	18
КОНАН и ГОРОД ПАВИЛЬОНОВ	КОНАН и ИСТОЧНИКИ СУДЕЙ	КОНАН и СЕРАДЬ АРИМАНА	КОНАН и БАТРОВОЕ ОКО	КОНАН и ПРИГЛАШ ПРОВАНОГО	КОНАН и ВОИНСТВО МРАКА	КОНАН БАРВАР из КИММЕРИИ	КОНАН и РЫЖИЙ ЯСТРЕБ	КОНАН и ГЛАДИФ-ВОДА БЕЗДНЫ
19	20	21	22	23	24	25	26	27
КОНАН и ЗАГОВОР ТЕНИН	КОНАН и КОНЫ БЕССМЕРТИЯ	КОНАН и ВРАТА ВЕДОСТИ	КОНАН и АЗМАЗНЫЙ ЛАВИРИНТ	КОНАН и ПРИСОЕДИ ИДОЛ	КОНАН и ЧАША БЕССМЕРТИЯ	КОНАН и АДЯННОЙ СТРАЖ	КОНАН и ВТОРОЙМ ЧРЕДАМ	КОНАН и АЛТАРЬ ПОВЕДЫ
28	29	30	31	32	33	34	35	36
КОНАН и БИТВА БЕССМЕРТИЙ	КОНАН и ПЛОХИЕМ ПЛОТИ	КОНАН и БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ	КОНАН и ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ	КОНАН и ПЛОХИЦА НЕБЕС	КОНАН и ДРЕВО МИРОВ	КОНАН и КОЛЫЦО ВЛАСТИ	КОНАН и ЗОВ ДРЕВНИХ	КОНАН и ГРОТОК ТЬМЫ
37	38	39	40	41	42	43	44	45
КОНАН и СИЕВ СЕТА	КОНАН и ХРАМ НОЧИ	КОНАН и КОРОЛЬ ВОРОВ	КОНАН и ПОДСВЕЧНИК ОГОНЬ	КОНАН и АЛТЕЙ ЧЕРНОК	КОНАН и КАЛИМО ЗМЕЯ	КОНАН и ХОЛЫН ОКЛАНА	КОНАН и ГОРОНА МИРА	КОНАН и ПОСЛАНИК СРГА
46	47	48	49	50	51	52	53	54
КОНАН и СИДИДЕЕ ЗАО	КОНАН и ЗЕЧАМ ШАДИЗАРА	КОНАН и СКАЗЫ ХАОСА	КОНАН и ЖЕРЦ ТАРИМА	КОНАН и СВОДЫ ДИЛГОН	КОНАН и СВОДЫ МОЛАНЫ	КОНАН и СИДЫРЫ ХАЙВОРИЯ	КОНАН и ВСЛДНИКИ КУРИ	КОНАН и САД ИСЛОДИА
55	56	57	58	59	60	61	62	63
КОНАН и СЛУГА ТУМАНА	КОНАН и БАНК ЗВЕРЯ	КОНАН и ОНДАЛЬ БРАКОНОВ	КОНАН и НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ	КОНАН и СИДЫР АРИОН	КОНАН и НАЛАЯ ПЕЧАТЬ	КОНАН и ТАИЦЕР ПУСТОТЫ	КОНАН и БОГЛАННОК МРАКА	КОНАН и ТОМОС КРОВИ
64	65	66	67	68	69	70	71	72

Дуглас Брайан

КОНАН И ЗАКЛИНАНИЕ АРКАМОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Соe)
Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

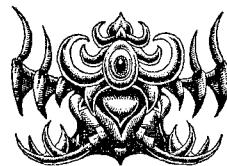
Брайан, Д.
Б87 Конан и заклинание Аркамона /Дуглас Брайан. — М.:
АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2009. — 312, [8] с. —
(Конан).

ISBN 978-5-17-049029-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-118-0 («Северо-Запад Пресс»)

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Соe)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Лазные люди захаживали в кабак Абулется на окраине Шадизара. Самые разные. И воры, и солдаты, и городские стражники, и неудачники, и просто искатели приключений.

И в женщинах здесь тоже никогда недостатка не наблюдалось. Молодые и не слишком, красивые и не очень. Но все они так или иначе готовы были пойти на риск, вступив в общение с всегдастяями кабачка, — и были, в общем и целом, привлекательны и доступны.

Киммериец Конан, беспробудно пьянистовавший там уже вторые сутки, уставился на вошедшую особу так, словно перед ним явилось привидение. Впрочем, Конан оправился быстрее и проще остальных свидетелей разыгравшейся сценки. Киммериец, попросту решил, что все происходящее ему пригрезилось. Нельзя ведь безнаказанно выпить такое количество вина!

Прочие, к сожалению, не могли быть так уверены в том, что перед ними — призрак. Более того, спустя несколько мгновений большинство уже не сомневалось в полной реальности явления.

В кабачок на окраине Шадизара вошла старушка... Не грязная, прожженная бестия, старая ведьма, сводня или подручная работоторговца, — о, нет! Судя по одежде, то была именно почтенная старушка, обитательница уважаемого дома. Какая-нибудь нянюшка или пожилая тетушка из числа небогатой родни.

Она была закутана в длинное покрывало темно-синего цвета. Ткань добротная, хотя веять и выглядела поношенной. Она могла быть подарена старухе, за ненадобностью, кем-то из состоятельных родственников.

Пожилая особа шла, сгорбившись и шаркая по полу сандалиями из хорошей кожи.

В том, что это именно старушка, а не молодая женщина, ради каких-то целей притворяющаяся таковой, легко было убедиться, взглянув на руки, которыми дама придерживала свое покрывало. Сморщеные, покрытые пятнами, потемневшие, как пергамент, — эти руки могли принадлежать только очень старой женщине.

Она остановилась посреди кабачка и немного растерянно огляделась по сторонам.

Абулется приблизился к ней, на ходу обтирая жирные ладони о засаленный фартук. Ни фартук от этого не делался грязнее, ни ладони чище, но Абулетсяу нужно было производить хоть какие-то тепловибрации, дабы продемонстрировать свою деловитость и скрыть растерянность.

— Что угодно? — громко обратился он к старой женщине. И, наклонившись к ее уху, понизил го-

лос: — Что ты здесь делаешь, старуха? Это не место для таких, как ты! Уходи подобру-поздорову, пока тебе здесь кишки не выпустили!

— Кому охота выпускать кишки старой женщины? — удивилась старуха. Она не сочла нужным шептать, подобно Абулетесу, и таким образом содержание их разговора сделалось известным для окружающих. — Я ведь всего-навсего старая женщина, беспомощная и бедная.

— Бедная? — Абулетес насторожился. — Насколько бедная? Если ты не в состоянии заплатить за еду и выпивку, то можешь рассчитывать лишь на кусок хлеба и стакан воды. Я вовсе не такой жестокосердый, как меня тут изображают... некоторые... — Он покосился на одного из наемников, от которого совсем недавно слышал подобное обвинение. Солдат сделал вид, что не замечает взгляда, хотя разговор забавной старухи с Абулетесом многих заинтересовал и позабавил, так что общая болтовня вдруг утихла: завсегдатаи прислушивались. — Но занимаюсь благотворительностью я тоже не могу себе позволить. Не в моих правилах. Да и никаких денег на всю ораву не напасешься — нищих-то пруд пруди, а Абулетес — один.

— Принеси стакан воды, — согласилась старуха. — Хлеба не нужно. В моем возрасте человек ест мало.

В ее речи слышалась та изящная правильность, которая возможна лишь в одном случае: если человек никогда не употребляет бранных выражений и

не коверкает слова при общении с подонками общества.

Старуха определенно начала нравиться обитателям кабачка. Один из них, наемник с изумительно чумазым лицом и жилистой тонкой шеей, которая выглядела так, словно ее обладатель не раз уже избегал петли палача, выразил свою симпатию криком:

— Эй, старая кочерга! Шевели-ка своими трухлявыми подпорками до моего стола — я налью тебе пойла нонажористей воды.

— У Абулетеса и вода нажориста, — захочтал рядом с ним другой, как нарочно, жирный и вовсе без шеи (но такой же чумазый). — Не пей ее, бабка! От грязи да насекомых впору с супом перепутать.

Блестящий глаз, заметный в маленькую щель в покрывале внимательно рассматривал наемников. Затем зашелестел старческий голос:

— Я не понимаю, о чём вы говорите.
— Она не понимает! — Тот самый наемник в восторге хлопнул ладонями по столу. — А? Ты слыхал подобную шутку? — Он повернулся к своему жирному приятелю в поисках поддержки.

Тот только качал головой и ухмылялся, демонстрируя черную дыру там, где у большинства людей зубы.

Старуха повернулась к солдатам спиной и запаркала к столику в углу, где подремывал убаюканный забавным сновидением Конан. Когда она опустилась перед ним на скамью, киммериец открыл глаза. Мгновение он взирал на явление спокойно, убежден-

ный в том, что это — удивительное воздействие на ослабленный пьянством ум каких-то безобидных трактирных чар. (Известно, что каждый хозяин трактира немножко колдун — эта мысль посещает каждого пьяницу на определенном этапе).

— Ты — Конан-киммериец? — обратилась старуха к молодому человеку.

Тот вдруг насторожился. Для видения это было уж слишком! Ни одно видение не рассуждает так разумно и складно. «Ты — Конан-киммериец?» Фраза более чем изящная!

— Я, — буркнул он в ответ. Его синие глаза вспыхнули мрачным огнем. То, что представлялось забавным и необязательным, обернулось обычным трезвым разговором.

— Мне сказали, что ты самый ловкий вор в Шадизаре, — добавила старая женщина. Это не было лестью: она действительно говорила то, что думала.

Взгляд Конана немного смягчился.

— Положим, это так, — отозвался он. — Тебе что с того? Хочешь, чтобы я украл твою девственность?

Шутка показалась ему забавной, но старуха только вздрогнула и плотнее закуталась в свое покрывало.

— Ловкий человек может помочь мне, — сказала она.

— Я работаю за плату, — предупредил Конан.

— Возможно, оплата твоего труда будет велика, — загадочным тоном обещала старуха.

Киммериец негромко рассмеялся.

— Ты, кажется, не поняла, почтенная женщина.

Никаких «возможно». Если речь не идет о том, чтобы обчистить сокровищницу какого-нибудь дворца или утащить алмаз из головы статуи почитаемого демона, то я не признаю ни «возможно», ни «потом».

— Сейчас у меня нет денег, — сообщила старуха. — Если ты добьешься успеха, деньги появятся. Это похоже на ограбление сокровищницы?

— Зависит от того, как много денег у тебя появится.

— Много. — И она вздохнула.

Конан с любопытством глядел на нее. Она казалась ему старой, как Атлантида. Сам киммериец был чревычайно молод, жизнь бурлила в нем, кровь вскипала в жилах, и весь мир, казалось, лежал у его ног. Стоило протянуть руку — и в ладонь сами собою ложились драгоценности, а женщины так и лнули. Стоило ступить на землю — и дорога без всяких усилий с его стороны стелилась ему под ноги.

Удивительно хорошо чувствовать себя молодым, всесильным! Впервые в жизни, кажется, Конан задумался о том, каково это — быть старым. Дряхлым, с трясущимися плечами, с поникшей головой и потухшим взглядом. Как видят мир эти блеклые глаза? Впрочем, нет, глаза-то у старой ведьмы, кажется, зоркие и блестящие. Любопытные — это точно.

Интересно, правы ли те, кто утверждает, будто старые женщины, утратившие силу плодородия, сплошь ведьмы и злодейки?

Конану не слишком-то хотелось иметь дело с таковой.

Но никакой магии в старухе — по крайней мере, в этой, — он не ощущал.

Абулетеc принес в глиняной кружке воды и с выразительной улыбкой поставил перед старухой. Конан тотчас щедрой рукой плеснул в кружку вина.

— Никогда не пей простой воды, особенно в кабаке Абулетеса.

— Меня уже предупреждали, — спокойно произнесла старуха и принялась щедрить сквозь зубы воды, подкрашенную вином.

Абулетеc покал плечами, подмигнул Конану и ушел.

— Ты готов? — спросила старуха.

— Помогать тебе? — Конан усмехнулся. — По-моему, мы еще не все обсудили. Я не знаю ни работы, которую ты желаешь мне предложить, ни оплаты, которую я пожелаю за это взять.

— Меня зовут Эригона, — сказала старуха. — Для начала я должна показать тебе мое лицо. Я понимаю, что ты не можешь иметь дело с человеком, чьего лица никогда не видел. Ты готов?

— Прекрати спрашивать об этом! — зарычал Конан. Старуха вдруг начала выводить его из себя. Если бы на ее месте была юная красавица, Конан не испытывал бы такой жгучей скуки, но старуха с ее непонятным кокетством!.

— Я пытаюсь быть вежливой. Прости.

Конан метнул в нее испепеляющий взгляд, и она осеклась.

Ее руки шевельнулись, покрывало приоткрылось — так распахивается на миг дверь в опочиваль-

ню какой-нибудь распутной графини, чтобы явить поклоннику прелестное обнаженное тело и тотчас спрятать его опять за тяжелыми створками.

Увиденное поразило Конана настолько, что он поперхнулся и отчаянно кашлял несколько мгновений. Старуха с сочувствием смотрела на него, но не предпринимала никаких попыток постучать его по спине или сказать пару слов в утешение.

— Не может быть! — отрывисто бросил Конан в промежутках между кашлем и вздохом. — Такого просто не может быть!

Старуха покачала головой и снова тщательно за-драпировалась в синее покрывало.

— Ты ведь видишь, что это возможно. Я — есть.

— Покажи еще раз.

— Хватит с тебя и одного раза. У тебя слишком нежные нервы. Я надеялась, что варвар окажется более закаленным.

— Что ты знаешь о варварах, несчастная! — огрызнулся Конан. — Мы бываем куда более чувствительными, нежели так называемые «цивилизованные» люди. Разве не цивилизованные владыки четвертуют преступников, сажают их в железные клетки так, чтобы птицы падальщики склевывали их еще живую плоть? Никогда такого не видела? У варваров разговор короткий: если враг — голову с плеч и дело покончено... Покажи мне свое лицо. Я должен к нему привыкнуть.

Старуха опять разверла в стороны края покрывала. Конан возврзился на нее с неподдельным ужасом.

— Впервые вижу такую уродину.

Старуха была не просто стара и дряхла, она была безобразна. Это было само уродство во плоти. Её нос, мясистый и жеваный, в сизых бородавках, нависал над верхней губой. Такие же бородавки украшали и губы — не красного, а какого-то трупного лилового цвета. Кожа ее лица имела землистый оттенок и была покрыта мириадами морщин. Бровей у нее не было вовсе, равно как и ресниц, и Конану не хотелось даже представлять себе, как выглядят ее волосы на голове. Только глаза, темные и внимательные, сохраняли живой блеск.

— Налюбовался? — спросила Эригона. — Надеюсь, ты получил удовольствие.

— Я получил сильное ощущение, — ответил Конан, — которое вряд ли можно назвать удовольствием. Как будто мне в задницу воткнули пучок стрел.

— У тебя богатый опыт, несмотря на молодость, — отметила старуха.

Конан понял, что она смеется! Неужели можно сохранить способность смеяться, будучи такой дряхлой... и такой отвратительной на вид? В это верилось с трудом.

— С меня довольно, — проворчал он. — Спрячь... это. Я недостаточно цивилизован для созерцания подобных... э... вещей. Мне жаль, что ты так выглядишь, — прибавил он, не желая показаться совсем уж бессердечным. — Наверняка у тебя добрая душа и все такое. И ты пользуешься любовью своих близких. Ну, я надеюсь на это.

— У меня нет близких, — сказала Эригона. — И я не пользуюсь ничьей любовью.

— Где же ты живешь?

Этот вопрос, казалось, поставил старуху в тупик. Она молча уставилась на Конана и ничего не ответила.

— Я просто пытаюсь прояснить для себя все обстоятельства, — пояснил Конан. — Если ты хочешь, чтобы я работал на тебя, ты должна дать мне как можно больше сведений. И мне хотелось бы получше представлять себе моего нанимателя, понимаешь?

Она кивнула, но очень растерянно.

— Попробуем еще раз, — сказал киммериец. — Где ты живешь? Учти, мне безразлично, обитаешь ли ты во дворце или под забором в канаве. Я лишь хочу знать...

— Не знаю, — перебила старуха. — Я еще не задумывалась над этим.

— Хочешь сказать, что до сих пор ты не жила нигде? — Конан прищурился. — Судя по твоему виду, ты прожила уже зим девяносто. И все эти девяносто зим ты существовала в «нигде»? Так не бывает. Хоть я и варвар, как ты утверждаешь, но даже меня, даже пьяного, невозможно убедить в том, что...

Он запутался в словах и просто махнул рукой.

Старуха накрыла его руку своей. Киммериец вздрогнул от ее прикосновения. Было такое ощущение, словно древняя мумия дотронулась до него иссущенной конечностью.

— У меня еще не было времени подыскать себе жилье в Шадизаре, — пояснила старуха. — Так понятнее?

Конан кивнул и выпил еще вина.

— Ты пытаешься сейчас убедить меня в том, что прежде ты жила где-то в другом городе, а в Шадизар пришла одна-одинешенька, пешком, и при том не имея здесь ни одного знакомого?

— Приблизительно так... — Она вздохнула. — А что, не похоже на правду?

— Дьявольски не похоже, дорогая. Просто адски не похоже! Клянусь преисподней и всеми ее демонами, ты что-то от меня скрываешь. Осталось понять, что. Будь ты помоложе, я тряс бы тебя до тех пор, пока правда не посыпалась бы из твоих губок, как спелые плоды с дерева. Но, боюсь, если я хоть разок тряхну тебя как следует, ты развалишься — и тогда плакали мои денежки... Кстати, какую сумму ты мне обещаешь?

— Если мы с тобой добьемся успеха, ты получишь двести золотых полновесной монетой, — ответила старуха.

— Боги! — Конан сжал кулаки. — Кого же я должен убить для тебя, чтобы заработать все это?

— Не убить. — Она опять уставила на него свой загадочный взгляд и моргнула, как птица, не меняя выражения глаз. — Убить я могла бы и сама.

— Не сомневаюсь, — пробурчал Конан.

— Давай вернемся к твоему вопросу о том, где я живу, — предложила старуха.

Конан насторожился.

— Мне показалось, ты не хочешь это обсуждать.

— Я не хочу обсуждать способ, которым я добралась до Шадизара. Что касается жилья, то у меня нет ни крыши над головой, ни денег, чтобы эту крышу заполучить.

— Только не говори, что мечтаешь поселиться в этой дыре и что платить за тебя должен я, — пристонал Конан.

— Ты угадал совершенно верно. Сними для меня комнату. Мне необходимо находиться поблизости от тебя. Это облегчит нам задачу.

— Тебе не приходило в голову, что такой постоялец, как ты, вызовет ненужные вопросы? — сказал Конан, целясь за последнюю надежду (в глубине души он понимал, что старуха права). — Люди хотят знать, почему я поселил рядом с собой не молодую, полную сил красотку, а...

— Безобразную старуху, — заключила она спокойно. — Конечно, поначалу многих это удивит, но скоро все привыкнут.

— Может быть, ты целительница? — с надеждой спросил Конан. — Это бы объяснило многое... Говорят, иногда кошмарные с виду старушечки умеют хорошо залечивать раны.

— Нет, — она покачала головой. — Никакая я не целительница. В травах я тоже не разбираюсь, если не считать двух-трех травок, которые кладут в соус. А от вида крови меня тошнит, и я падаю в обморок.

— В обморок? — Конан не верил своим ушам. —

Эригона, в своем ли ты уме? Падать в обморок — привилегия молодых, богатых девиц! У всех остальных на это просто нет времени.

Эригона пожала плечами.

— Уж такая я есть. Итак, я вижу, что мы договорились. Ты снимаешь для меня комнату в кабаке. Абулется и делаешь работу.

— Теперь, надеюсь, мы можем поговорить о работе?

— Нужно найти человека.

— Кром! Неужели я дожил до такого позора?

— Позора? — Эригона удивилась. — Я не посмела бы предложить воину ничего, что могло бы навлечь на него позор. Я хоть и женщина, но разбираюсь в вопросах чести!

— А как насчет моей воровской чести? Украдь, утащить, слямзить, выхватить из-под носа, отковырять да смыться — вот это служит к моей воровской чести. Убить какого-нибудь негодяя — еще одно достойное задание. Но найти!.. А кого я должен найти — за двести полновесных золотых?

— Молодую девушку. Ее звали Майра.

— Кем ты ей приходишься? Прабабушкой?

— Я не желаю это обсуждать! — в тоне старухи вдруг прозвучали резкие, даже властные нотки. — Я твой наниматель. Я сообщаю тебе необходимые сведения. Мои отношения с этой Майрой не входят в число необходимых сведений. Слушай внимательно. Майра — дочь богатых и знатных родителей. Ей было шестнадцать зим.

— Хороший возраст, — перебил Конан невозмутимо. Ему хотелось поставить старуху на место. Не хватало еще, чтобы им помыкала женщина, да еще такая уродливая! — В эти годы любая будущая крокодилица выглядит привлекательно. Что и сбивает с толку иных мужчин...

— Так и вышло, — подхватила Эригона, и Конан поразился тому, с каким изяществом она перехватила нить разговора. — Шестнадцатилетняя Майра была очень хороша. Темные глаза, густые черные волосы, очаровательный ротик... Она особенно гордилась своим ротиком, потому что по форме ее губы напоминали бабочку.

— Что ж, наверное, есть любители целовать распластанных бабочек, прилепленных к женскому лицу, — сказал Конан мстительно. — Лично я предпочитаю что-нибудь более классическое. Лук, к примеру, или луну.

— Как насчет винного следа от донышка кружки? — язвительно осведомилась старуха, указывая на лунообразное пятно на столе, оставленное кружкой.

— Тебе палец в пасть не клади, — фыркнул Конан. — Кажется, мы сработаемся. Продолжай.

— Очаровательная Майра была объектом страсти сразу двух женихов. Оба сватались к ней. Оба — из хороших семей. Одного зовут Аркамон, другого — Рувио. Ты запоминаешь имена?

— Они запечатлеваются в моей памяти так, словно их высекает резец ваятеля.

— Что ж, это лишь подтверждает мое предположение о том, что у киммерийцев гранитные мозги, — вздохнула старуха. — Надеюсь, твой внутренний ваятель достаточно быстр и ловок и успеет до конца луны завершить свой нелегкий труд.

Конан сжал и разжал кулаки. Определенно, старуха превосходила его в остроумии. Так что на этой почве им лучше не состязаться.

— Продолжай, — буркнул он.

— Рувио имел у Майры больше успеха. Она не скрывала того, что предпочитает его Аркамону. Ни девушка, ни ее родители еще не дали окончательного ответа претендентам, но было очевидно, что победителем в этом поединке окажется Рувио.

— Ближе к делу, — сказал Конан. — Кто пропал, Аркамон или Рувио?

— Пропала Майра, если ты еще не понял этого. В один прекрасный день она попросту исчезла.

— Исчезла? — недоверчиво переспросил Конан. — А ее семья? Насколько я понял, она была хороша собой и богата, так неужели ее родня не предпринимала попыток отыскать дочь? Или ее похитили? Такое тоже случается. В таком случае мы пойдем за ними, и обещаю, что отыщу ее. Мне уже доводилось выслеживать такие караваны и отбивать украденных женщин у торговцев живым товаром. Надеюсь, это случилось недавно, и они не успели уйти далеко — и тем более не успели всучить твою красавицу с раздавленной бабочкой на физиономии какому-нибудь похотливому владельцу гарема.

— Она погибла, — сказала старуха.

— В таком случае, зачем ее искать?

— Родные думают, что она погибла, — пояснила старая женщина. — Поэтому и не ищут. Видишь ли, в жаркий день она направилась к пруду, что имелся во дворе дома ее родителей. Ее одежда осталась на берегу, а сама девушка бесследно пропала.

— Они что, не смогли найти собственную дочь на дне собственного пруда? — поразился Конан.

— Ты поймешь, если я объясню тебе кое-что, — сказала старуха задумчиво. — Этот вопрос меня также занимал. Дело в том, что пруд выкопан в очень странном месте. В нем никто не купается. Оттуда берут воду для хозяйственных нужд. Иногда женщины дома приходят на берег и обливаются водой, зачерпнутой кувшинами. На поверхности, в том слое воды, который прогревается лучами солнца, плавают и резвятся маленькие золотые рыбки...

— Ты так подробно рассказываешь, как будто сама там побывала!

— Я и побывала там однажды под видом торговки мазями.

— Ты ведь не разбираешься в травах!

— Именно, — старуха кивнула. — Поэтому я всучила им овечье сало с мелко порубленной петрушкой. Не знаю уж, какое место на своем теле они стали этим смазывать... Какой-нибудь бедняк вполне мог бы приправить этой штукой свою похлебку.

— Возможно, они смазали служанку и съели ее, — с серьезным видом произнес Конан.

Старуха вздохнула.

— Я смеюсь, чтобы не плакать... А ты?

— А я смеюсь просто потому, что мне весело.

— Если бы я была здоровенным мужчиной, верзилой с конской гривой вместо волос на голове, с вот такими ручищами, — сухая лапка коснулась плеча Конана и снова юркнула под покрывало, — с такой улыбкой, как у тебя...

— Не вздумай со мной заигрывать, — предупредил Конан. — Я люблю женщин, но всему есть предел.

Эригона грустно вздохнула.

— Я не заигрываю с тобой, киммериец. Ты мне как правнук. Я восхищаюсь твоими статьями.

— Еще скажи — что я тебе как конь.

— В таком случае — правнук моего коня... — Она засопела, как будто досадуя. — Словом, будь я мужчиной твоих статей, я бы тоже веселилась по поводу и без повода. Но у меня другая участь.

— Послушай, Эригона, ты была молода, хоть и очень давно, и наверняка взяла свое от жизни. Так что не печалься, а лучше вспоминай былое. Это должно тебя утешить. Во всяком случае, так говорили мне старики у нас в Киммерии... очень давно.

Она кивнула.

— Поверь мне, если бы у меня была бурная молодость... — Она осеклась и быстро закончила: — Будь у меня что вспомнить, я бы вспомнила.

— Неужели ты была жрицей-девственницей? — в тоне Конана послышался неподдельный ужас.

— Что-то вроде того.

— В таком случае наверстаем упущенное, — решил киммериец. — Я расскажу тебе десяток моих приключений, а ты уж постараися вообразить, что это были твои приключения.

— На это нет времени, — сказала старуха. — Мы говорили о том, почему родственники Майры не стали обыскивать пруд.

— Насколько я понял, дно пруда представляет собой омут или зыбучий песок, или еще что-то в том же роде?

— Именно. Ты быстро соображаешь.

— Таково свойство варварского ума.

— Остается лишь позавидовать. — Эригона опять приложилась к своей кружке.

Конан с любопытством наблюдал за ней.

— Ты уверена, что не голодна?

— Уверена... Разве что немногого хлеба. Пшеничного, если есть. И чуть-чуть овощей. Хорошо потушенных. Мне нравится с уксусом. Как ты думаешь, у этого Абулутеса есть уксус?

* * *

Эригона не объяснила, откуда у нее самой взялась уверенность в том, что Майра жива.

— Хочешь сказать, что тебе открыли боги? — допытывался Конан. Он припомнил, что она не стала отрицать, когда он предположил, будто Эригона была жрицей какой-нибудь богини.

— Я ничего не хочу сказать... Но пусть будет так. Мне открыли боги. В видении. Тебя устроит такое объяснение?

— Нет.

— Я так почему-то и решила. Конан, Майра жива! Я это чувствую.

Киммериец покусал губу.

— Хорошо. Надеюсь, мы не найдем труп. Или, того хуже, призрак, мстительный и требующий человеческой крови. Потому что если такое случится, я отдам ему тебя. Ненавижу призраков!

— Такого не случится.

И тут Эригона в очередной раз удивила Конана. Она повозилась под своим покрывалом и вдруг сунула в руку киммерийца какой-то небольшой предмет.

— Возьми, это задаток.

— Задаток? Я, кажется, не просил задатка...

Он разжал пальцы. На его ладони лежал искусно сработанный золотой браслет, украшенный так тонко, с таким изяществом, что сомнений не оставалось: вещь очень дорогая.

— Откуда у тебя это?

— Это вещь из дома, где жила Майра.

— Ты украла эту штуку?

— Завидуешь? Можешь всем рассказывать, что обчистил меня. Надеюсь, это прибавит чести к твоей воровской репутации.

Конан только головой качал.

— Ты знаешь о том, что ты — самая большая язва... в здешнем кабаке?

— В таком случае, не завидую хозяину. У него скучная жизнь, если я могу считаться здесь самой большой язвой.

— Жизнь делают интересной не... — начал было Конан, но Эригона прервала его:

— Довольно скалить зубы. Ты берешь браслет?

— Конечно, беру!

— Молодец. Вещь не заговоренная, самая обычайная, только краденая. Поэтому продавать ее лучше не в Шадизаре, а где-нибудь подальше отсюда. Ты понял?

— Да. Все равно спасибо.

Старуха наелаась и побрела к лестнице на второй этаж. Конан пошел следом, делая вид, что все происходящее имеет к нему весьма косвенное отношение. Ему приходилось прикладывать огромные усилия для того, чтобы не озираться по сторонам и не слушать насмешливые возгласы завсегдатаев кабачка. Ехидные замечания сопровождали киммерийца, пока он поднимался по лестнице вслед за старухой и показывал ей комнату, где та могла отдохнуть.

Затем Конан спустился обратно в зал, заказал еще кувшин вина и основательно напился.

***

Как и предсказывала Эригона, скоро в кабачке Абулетеса к ней все привыкли. Кое-кто начал именовать ее «мать», нашлись и такие, кто возомнил, будто она — целительница (раз уж не ведьма) и с охотой воспользовался мазью из овечьего жира и порубленной петрушкой. В знак благодарности исцеленный от синяков и шишек пациент преподнес Эригоне горшочек меда. Лакомство это в тот же ве-

чер. слопал киммериец. Он даже не поинтересовался, откуда мед.

— Я разведал сегодня дом Майры, — сообщил Конан своей сообщнице, облизывая липкие пальцы. — Сад обнесён стеной, но перебраться через такую стену для меня ничего не стоит. В саду все, как ты говорила. Пруд с рыбками, деревья, беседка. Сам дом недурен, но далеко не так богат, как хотелось бы. Создается такое впечатление, что семейство все деньги потратило на сад.

— А что не так с домом? — насторожилась Эригона.

— Фасад довольно грязный, резьба кое-где обвалилась... Впрочем, мне до этого нет никакого дела! — рассердился вдруг Конан. — Лишь бы там было достаточно всяких блестящих побрякушек.

— Будут у тебя побрякушки, — с отвращением произнесла Эригона. — Неужели тебя больше ничего не интересует?

— А что меня должно интересовать? Безутешные родители погибшей Майры? Хороши родители, если так быстро «похоронили» в мыслях свою дочь!

— А что они, по-твоему, должны сделать?

— Хотя бы осушить этот проклятый пруд. Посмотреть, нет ли на дне распухшего, посиневшего, полуразложившегося тельца их милой доченьки. Лицо я именно так и поступил бы.

— Ты отвратителен, — поморщилась Эригона.

— На себя посмотри, — огрызнулся он.

— Нет уж, я желаю спать спокойно! — отозвалась она.

Конан в очередной раз прикусил язык.

— Вот что я намерена сделать, — заговорила Эригона после паузы. — Представлюсь их дальней родственницей. У знатных людей всегда есть какие-то дальние родственники. Скажу, что прибыла из Аренджуна. Они сейчас убиты горем, так что не станут докапываться, откуда я взялась на самом деле. Поселюсь у них. Ты будешь при мне. Мой телохранитель и все такое. Присмотрись к происходящему.

— А ты?

— Я? Я впаду в безумие и буду мирно дремать на солнышке.

— Кром! — проговорил Конан. — Не будь ты так стара и безобразна, я пригласил бы тебя побродить со мной по свету. Да, от такого сообщника, как ты, я бы не отказался. Жаль, что нас разделяют почти сто зим. Сдается мне, в своей молодости ты вытворяла такие штуки, что мне и не снилось, и я с рассказами о моих похождениях кажусь тебе просто жалким.

Эригона не ответила. Она задремала, пустив слюнку из уголка рта.

* * *

Ларен, хозяин дома, удивленно смотрел на гостью, которую внесли к нему в сад на наемном паланкине. За паланкином шагал здоровенный верзила-телохранитель, варвар с лицом разбойника и пройдохи. Ярко-синие глаза телохранителя с интересом оглядывали дом, сад, Ларена, слуг, прибывавших на

суматоху и вертевшихся поблизости. «Как будто ощупывает, — подумал Ларен неприязненно. — Интересно, сколько ему платит старая ведьма, чтобы он занимался таким ненужным делом — охранял этот полуутруп? Наверное, немало!»

— Любезная... э..... — обратился Ларен к гостью.

Та куталась в покрывало и молча моргала.

Конан выступил вперед.

— Мою нанимательницу зовут Эригона, — сообщил он звучным голосом.

Судя по тому, какое бессмысленное лицо сделалось у Ларена при этом заявлении, имя «Эригона» не говорило ему решительно ничего.

Старуха, напротив, заметно оживилась.

— Эригона! — провозгласила она. — Мое имя. А ваше — Ларен. А как поживает милая Нэнд? Такое несчастье, такое несчастье! Как вы только перенесли это, мои дорогие!..

Ее голос дрогнул, но она, словно желая скрыть смятение, забарахталась в паланкине.

— Вытащи меня отсюда! Болван! — закричала она, адресуясь к Конану.

Киммериец, который по настоящему Эригоны и оплатил наемный паланкин, заскрежетал зубами. Тем не менее он не стал нарушать игру и схватил своими могучими ручищами старуху за талию. Она была такой хрупкой, что, казалось, одно неверное движение — и старая женщина переломится пополам.

Конан выволок ее из паланкина, не столько грубо, сколько неловко, и водрузил на ноги. Она по-

трясала головой, пытаясь обрести равновесие и вернуть себе присутствие духа. Киммериец махнул слугам, принесшим паланкин, и те поспешили удалились.

— Невоспитанные скоты! — крикнула Эригона им вслед. Они прибавили шагу. Один из них мельком успел увидеть лицо старухи, и этого хватило, чтобы все четверо только и мечтали оказаться где-нибудь подальше от страшилища.

Ларен вздохнул.

— После гибели нашей... нашей Майры... — он с трудом выговорил имя дочери. Горло у него перехватило, и он зарыдал.

Старуха глядела на него одним глазом, быстро моргая. Затем она заговорила хрипло:

— Я сразу же приехала из Аренджуна, как только известие дошло до нас. Вы, конечно, помните Рэйнды? Одна, бедняжка, овдовела в прошлом году. И вот, когда Мананнун прибыл с притираниями для Ильвары, мы с Киноссой сразу же рассудили между собой, что негоже оставлять родню в беде без родственного участия и поддержки. Я побывала у Эланны — и вот я здесь.

Онасыпала именами, которые ровным счетом ничего не говорили ошеломленному Ларену. Конан восхищался находчивостью своей нанимательницы. Все эти старушачьи речи звучали в ее устах так естественно, что никому и в голову не пришло бы усомниться в реальности Эланны, бедняжки Рэйнды, Киноссы и прочих персонажей. В конце концов, Ларен

рен проникся мыслью о том, что прибытие Эригона — великое благо для всей семьи и что только близкий друг и родственник мог поступить так великодушно.

— Боги, но ведь вы совсем одряхлели, дорогая Эригона! — слабо улыбнулся Ларен. — Как же вы решились на столь трудное и долгое путешествие?

— Разве могут физические немощи служить препятствием в том случае, когда речь идет о моей родне, любезный Ларен! — вскричала Эригона. Этот порыв отобрал у нее остаток сил, и она обвисла на руках у Конана. — Вот мой телохранитель, — пробормотала она. — Примите и его как члена нашей семьи. Если бы не Конан, мне бы не удалось... прижать... вас к груди...

И она, к удивлению всех присутствующих, мирно засопела. Конан понял, что старуха спит. Уснула посреди слова. И при этом — киммериец мог бы поклясться, что так оно и есть! — Эригона не притворялась. Она действительно спала.

Ларен перевел взгляд на киммерийца, и Конан увидел в глазах мужчины сочувствие.

— Давно вы с ней возитесь? — тихо спросил Ларен.

— Пару зим.

— Тяжело вам приходится!

— Она умная, — сказал Конан. — Правда, в последнее время впадает в слабоумие. Кроме того, она страшнее смерти, но это только внешность, видимость. Если привыкнуть, то ничего. А в первое вре-

мя я по ночам просыпался с громким криком, если она мне снилась.

— На все нужна привычка, — согласился Ларен. — Только к одному привыкнуть невозможно: к смерти своего ребенка...

Он снова заплакал.

— Будьте мужественны, — сказал Конан. — Только это вам и остается.

— Я еще держусь, а вот моя жена... Нэнд... Она совершенно утратила рассудок. О нет, она не буйная. Она, напротив, сделалась на удивление тихой. Все ходит, ходит по саду, напевает что-то. Разговаривает сама с собой. И выглядит счастливой! Вы можете себе это представить?

— Могу ли я себе представить счастливую женщину? — переспросил Конан и глубоко задумался. Затем посмотрел на старуху, которая кулем висела в его руках. — Пожалуй, да. Если уж это существо способно смеяться и выглядеть вполне довольной, то, наверное, любое другое — тем более.

— Я не об этом! — воскликнул Ларен и нахмурился. — Я о состоянии моей жены.

— Я ведь не врач и не жрец, — напомнил Конан. — Я телохранитель этого тела. — Он бесцеремонно тряхнул старухой, но та и не подумала просыпаться. — Куда бы мне ее положить? Конечно, она не тяжелая, и я мог бы носить ее на руках повсюду, но это, наверное, вызовет смятение в умах ваших домочадцев.

Ларен спохватился.

— Видите, в каком состоянии я нахожусь! — воскликнул он. — Я забыл свой долг хозяина дома.

— Это ничего, — утешил его Конан. — Я знал одного жреца, так он забыл имя собственного божества. Начал читать заклинание и... забыл. Вылетело из головы. А спустя миг вылетела и его голова.

— Голова? — Ларен попытался улыбнуться. Смысл рассуждений киммерийца совершенно ускользнул от него. — В каком смысле — «вылетела голова»?

— В прямом, — объяснил Конан. — Она вылетела в окно, в то время как тело осталось в помещении. Забавно, правда? Я сам придумал эту шутку.

Ларен предпочел не вдаваться в подробности и просто велел слугам проводить Конана в покой, предназначенные для гостей. Конану досталась весьма болтливая и вертлявая служаночка. Ей не терпелось расспросить этого красивого, интересного мужчина о нем самом и его хозяйке, поэтому она держалась чрезвычайно предупредительно.

— А ваша хозяйка — она кто?
— Дальняя родственница твоего хозяина, милая.
— О! Ей, наверное, сто зиим!
— Да уж не меньше.
— Ну да! А как она на характер? Сердитая?

— На меня трудно сердиться, — сказал Конан.
— Это точно. Вы такой очаровательный мужчина.

Конан оскалился и зарычал, подражая дикому зверю. Служаночка в восторге захлопала в ладоши.

— Я так и думала! Как вас увидела, так сразу и подумала!

— Что?

— Не притворяйтесь! Вы знаете — что!

— Что я оборотень?

— Нет, что вы страстный мужчина.

— Я буду страстным, если ты мне кое-что расскажешь. Кто тут главный?

— Хозяин. Ларен.

— Он, кажется, убит горем.

— Не настолько, чтобы не заправлять всем в собственном доме. От него ни одна мелочь не уйдет, будьте уверены! Вы его с толку сбили, я видела, но это ненадолго. Он уже скоро во всем разберется.

— Он не сумел разобраться с исчезновением собственной дочери, где уж ему меня раскусить.

— Это правда, — девушка лукаво блеснула глазами. — Раскусить такого мужчину под силу только женщине...

— Кстати, о женщинах, — Конан не поддержал ее игривого тона. — Нэнд, жена хозяина. Какая она?

— Тихая. Хозяин думает, она сопла с ума, но она просто... она мечтательная. Ей все думается, что она разговаривает с Майрой. Майра была ее единственным ребенком. У них больше почему-то не рождалось детей. Боги не были благосклонны к Ларену и Нэнд, и тут уж ничего не поделаешь. А когда Майра погибла... Жаль ее. Она хорошая была. — Служаночка на миг затуманилась грустью. — Майра никогда не сердилась, а уж какая насмешница! Мы с ней, бывало, хохотали и хохотали!.. К ней двое сватались. Аркамон и Рувио.

— И как они, симпатичные? — подразнил девушку Конан.

Она надулась.

— За кого вы меня принимаете? Я чужих женихов не отбиваю. Рувио — просто душенька. На вас чем-то похож, только с бородкой. Маленькая такая бородочка, он ее маслом смазывает. От него всегда приятно пахнет.

— Хочешь сказать — потом, сталью, конским навозом, пылью?

— Фи, мой господин, как вы можете такие ароматы назвать приятными! Нет, амброй и мускусом.

— Кром! Какая мерзость!

— Он мужественный. И нравился Майре. Лицо открытое, доброе. Да вы его увидите, поймете.

— Где же я смогу его увидеть? Не на гладиаторской же арене!

— Помилуйте, господин мой, вы все шутите! Господин Рувио гостит в доме. Это наш хозяин, господин Ларен, придумал. И Рувио, и Аркамон — оба наши гости. Как в былье времена, когда они ухаживали за Майрой. Госпожа Нэнд их видит, и ей кажется, будто все как встарь, будто Майра вот-вот войдет в сад и со смехом подбежит сперва к матушке, а потом к батюшке, ну уж а после примется дразнить женихов.

— Стало быть, в доме сейчас гостят оба соперника... — задумчиво повторил Конан. — Интересно.

— Да уж куда интереснее! — служанка наморщила нос. — Оба мрачные, друг на друга волками гля-

дят. Как будто подозревают, что кто-то из них утопил Майру в пруду.

— А что, такое возможно?

— Да чтобы вам провалиться, мой дорогой господин, с подобными предположениями! Мне и самой иной раз в голову лезет... Да я ведь глупая служанка, что на меня глядеть.

Конан остановился и воззрился на девушку.

— Ну вот, я на тебя гляжу.

— А толку-то? — Она с сердцем передернула плечами. — Вот гостевые покой. Извольте.

Они вошли в небольшую комнату, убранную просто, но изящно. Белые драпировки закрывали окна и дверные проемы. Кровать стояла посреди комнаты. Для умывания был предназначен большой серебряный таз в форме раковины.

— Мило, — Конан огляделся по сторонам и явно остался доволен увиденным.

Он уложил Эригону на кровать и заботливо укрыл ее. Покрывало при этом упало, и лицо старухи открылось девушке. Служанка застыла на месте с вытаращенными глазами. Конан резко обернулся к ней.

— Что это с тобой?

— Какая уродина! — прошептала девушка.

— Посмотрим еще, какой будешь ты в ее годы.

— Вы шутите, господин, да разве я доживу до такого возраста! У меня работа опасная.

— Хватит болтать, — строго приказал Конан. — Ты будешь ей прислуживать. Подавать умывание и все такое. А этот Аркамон — он кто?

Разговор изменил свое направление так неожиданно, что девушка не сразу поняла, о чём ее спрашивают. Они покинули комнату, где дремала старуха, и снова выбрались в сад.

— Аркамон — человек неприятный, хотя пахнет от него еще лучше, чем от Рувио. Он какой-то скользкий. Служанки такие вещи сразу угадывают, — сказала девушка со скромной гордостью. — Ну вот, положим, бывают господа, которых всякая служанка охотно приласкает, будь он хоть женат, хоть холост. А бывают такие, от которых бежать хочется...

— Очевидно, не только служанкам хотелось бежать от Аркамона, но и Майре.

— Она ведь ему отказалась, не так ли? — ответила служанка. — А уж Майра знала толк в этой жизни. Можете мне поверить! Она и в мужчинах разбиралась, и в еде.

— А при чём здесь еда? — изумился Конан. С его точки зрения, пища должна быть мясной и обильной, а все остальное абсолютно не имеет значения. — Какая связь между мужчинами и едой?

— Радость жизни! — служанка назидательно подняла палец.

— Радость от того, что мужчина ест?

— Нет, — служанка захихикала и подтолкнула Конана под руку. — Добрая трапеза и хорошие мужчие объятия доставляют почти равное удовольствие. Да не притворяйтесь вы, будто не понимаете, о чём речь! Если женщина хорошо кушает, то и в постели она хороша.

Конан не выдержал и ушипнул служанку за бочок. Она взъигнула.

— Проверить, что ли, насколько ты права?

— Это уж как вам хочется, мой господин... А вот бедняжка Майра — та любила покушать, я к чему веду. Она только цветочный мед не любила. И то — не столько не любила, сколько просто от него чихала. Как поест, хоть немножко, так все, готово дело, чихает целый день, как заговоренная! Такое воздействие на нее оказывал. Вы когда-нибудь слыхали о подобном?

— Трудно, наверное, чихая заниматься любовью с мужчиной, — заметил Конан.

Служанка хихикнула снова, но затем вспомнила о том, что разговаривают-то они об умершей, и снова посерезнела.

— Так я и говорю, она всегда много кушала. И в тот день плотно поела, а после пошла к пруду, чтобы облиться прохладной водой из кувшина — у нас все так делают. Свалилась прямо в пруд, должно быть, и выбраться не смогла. Ее обед прямо на дно утащил, я так это объясняю. Еда в желудке как камень лежит, ей нужно дать время...

— Ясно, — сказал Конан изумленно. Сам он ел, когда удавалось, всегда много, но неудобство от еды пока не случалось.

Служанка поцеловала его и, смущенная собственной дерзостью, поскорее убежала. А Конан принялся бродить по саду. Ему хотелось получше осмотреть пруд.

Однако в десяти шагах от пруда он уловил чьи-то громкие, возбужденные голоса и остановился. Как тень, киммериец метнулся к густым кустам, что росли на берегу, и спрятался там. Ему почему-то подумалось, что лучше подслушать скору незамеченным. Кто бы сейчас ни ругался между собой, при постороннем человеке эти двое не будут столь откровенны.

Конан осторожно выглянул в просвет между листьями. Он сразу узнал по описанию служанки обоих женихов бедной Майры. Рувио был широкоплеч, с темно-русой бородкой, со скуластым, немного простодушным лицом. Его соперник Аркамон казался старше зим на десять. Он был выше, стройнее, но в его бледном оливкового цвета лице угадывалось нечто неприятное, тревожащее. Такие мужчины действительно редко имеют успех у служанок — а уж служанки-то в людях хорошо разбираются!

Голос у Рувио был низкий, немного хриплый — от волнения, надо полагать, а у Аркамона — резкий, пронзительный.

— Я удивляюсь только одному — твоей наглости, — говорил Аркамон. — Как у тебя хватает нахальства оставаться в этом доме!

— То же самое я мог бы спросить у тебя, — возразил Рувио. — Она ведь отказалась тебе, а ты продолжашь изображать из себя ее безутешного жениха. Интересно, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы Ларен признал тебя своим наследником? Жаждешь усыновления?

— А ты разве нет?

— Я? — Рувио горько рассмеялся. — Я любил Майру, вот и все. Мне жаль Ларена и Нэнд. Я пытаюсь немного облегчить их страдания.

— Чем? Тем, что расхаживаешь по их саду с кислым видом?

Аркамон рассмеялся. В его смехе не было ни тепла, ни веселья; это был ледяной, бездушный хохот, который слишком многое сказал Конану, но, кажется, совершенно ничего не открыл Рувио. Парень продолжал горячиться:

— Я любил Майру и до сих пор люблю ее! Но я — человек. Когда закончится срок траура, я сумею начать жить дальше. Может быть, даже когда-нибудь найду себе жену. Кто знает! Встречу девушку, которую сумею полюбить... Я не изображаю из себя «сына» несчастных родителей, как это делаешь ты. Я — их искренний, сердечный друг. И как бы ни сложилась дальше моя судьба, я навсегда останусь их другом.

— Кажется, ты пытаешься сказать мне, что ты — лучше меня? — осведомился Аркамон.

— Ничего я не пытаюсь! Я просто объясняю тебе свое поведение и выражая недоумение касательно твоего. Ты здесь никто и останешься никем.

— Можно подумать, ты здесь — важная шишка! — воскликнул Аркамон. Глаза его вспыхнули дьявольским блеском. — Это ведь из-за тебя она утопилась.

— Что?

Рувио побледнел. Его бородка стала казаться приклеенной к белому лицу. Затем краска медленно прихлынула к щекам Рувио.

— Повтори! Что ты сказал? Повтори! — прошептал он, обращаясь к Аркамону.

Его соперник с деланной небрежностью пожал плечами.

— Только не изображай, будто я сказал что-то ужасное или что-то такое, о чём ты прежде не знал...

— О чём я не знал?

— О том, что она доверяла тебе.

— Разумеется, она доверяла мне, если собирались выйти за меня замуж! — горячо воскликнул Рувио.

— Ты обесчестил ее, мерзавец! Ты лишил ее невинности прямо здесь, в саду! Думаешь, я этого не знаю? — Аркамон надвинулся на Рувио и с ненавистью уставился на него.

Рувио чуть шевельнул плечами.

— Мы действительно были вместе здесь, в саду, но какое это имеет значение, коль скоро до нашей свадьбы оставалось всего несколько дней?

— Свадьба? Ты меня смешишь! — Аркамон снова хохотнул. У Конана мороз прошел по коже при звуках этого отвратительного смеха. Рувио передернуло.

— В моих намерениях не было смеяться тебя, Аркамон.

— Ты узнал, что ее семья далеко не так богата, как ты предполагал. Ты ведь сам сказал ей, что пе-

редумал жениться... В отчаянии бедняжка бросилась в пруд и утонула. Разве не так все было?

Рувио молча размахнулся и ударил Аркамона по лицу. Тот схватил противника за запястье.

— Не смей этого делать! — прошипел Аркамон.

Рувио все так же безмолвно вырвался и накинулся на Аркамона с кулаками. Сверкнул нож.

Конан понял, что пора вмешаться. Он выскочил из своей засады — по счастью, оба врага были так заняты попыткой выпустить друг другу кишки, что не заметили соглядатая и обнаружили Конана лишь в тот миг, когда он вмешался в драку.

Несколько мощными ударами Конан разбросал соперников по сторонам. Сидя на земле, Рувио потирал загривок и ощупывал плечо, на котором остались царапины. Аркамон с хищной улыбкой спрятал нож и первым поднялся на ноги.

— Кого имею счастье приветствовать? — обратился он к киммерийцу.

— Меня зовут Конан, — представился тот. — Я телохранитель одной старой дамы. Родственницы здешних хозяев.

— Боги! — с деланным негодованием вскричал Аркамон. — Неужели старая кочерга тоже претендует на наследство?

— Кто говорит о наследстве? — удивился Конан.

— Он! — хмуро произнес Рувио, указывая на Аркамона.

— Ничего подобного, — заявил Аркамон. — Это Рувио играет здесь с Нэнд в дочки-матери. Точнее, в

сыночки-матери. Отвратительное зрелище. У вас будет возможность полюбоваться на это, дружище.

Он кивнул Конану и удалился.

Киммериец проводил его глазами и повернулся к Рувио.

— Он вас ранил?

— Пустяки. — Молодой человек снова потер царапину на плече.

Что-то сверкнуло на солнце, да так ярко, что киммериец на миг прикрыл глаза. «Неужели почудилось? — подумал он. — Надо проверить!»

— Я помогу вам встать! — объявил Конан, протягивая руку Рувио.

— Благодарю.

Молодой человек схватил протянутую ему руку, и Конан обхватил пальцами его запястье.

— Браслет! — удивленно проговорил он, нащупав украшение, которое мгновение назад привлекло своим блеском его внимание. — Как странно, золотой.

— В этом нет ничего странного, — улыбнулся Рувио. — Богатые мужчины в Шадизаре часто обвешивают себя золотыми безделушками. Наверное, вам кажется это в диковину.

— Да, — сказал Конан. — В Киммерии единственное, что украшает мужчину, — это его меч. Железный, разумеется, а не золотой.

Рувио хмыкнул.

— Ну а мы здесь, кажется, чересчур изнежены.

— Глядя на вас, этого не скажешь, — прищурился Конан.

— Чистая видимость... Впрочем, этот браслет мне дорог вовсе не потому, что он золотой. Взгляните, какая изящная работа. Мне подарила его моя покойная невеста. Я ношу его в память о ней.

— Ясно, — сказал Конан.

Он не стал говорить Рувио, что совершенно такой же браслет вручила ему Эригона. Старуха явно бывала в этом доме и прежде. Браслет она точно украла отсюда. А может быть, в числе ее знакомцев — ювелир, изготовивший эту вещицу? Или же старуха имеет какое-то отношение к смерти Майры?

Конан неловко извинился перед Рувио и вернулся в покой к старухе. Она уже проснулась и встретила своего телохранителя радостно.

— Осмотрелись?

— Да.

— Вам понравился дом?

— Сад понравился мне больше. Кроме того, я видел обоих женихов Майры.

Старуха напряглась.

— Они оба здесь?

— Кажется, хозяин дома рассказывал вам об этом.

— Не помню... — Она потрясла головой и взглянула на Конана испуганно. — Кажется, я и впрямь теряю рассудок... Забываю самые простые вещи.

— В этом нет ничего удивительного, учитывая ваш возраст. Надеюсь, вы успеете найти бедняжку Майру до того, как помрете от старости. Это будет вашим последним — или единственным? — добрым делом в жизни.

— Да, да, — слабо покивала старуха. — Ну так что женихи?

— Говоря коротко, они подрались.

— Боги! Кто-нибудь ранен?

— Нет, разве что Рувио получил пару царапин.

— У Аркамона был нож. Я так и подумала.

— Нет ничего удивительного в том, что у знатного человека при себе нож, — возразил Конан. — И то, что он пустил его в ход, когда пришла нужда...

— Да, но ведь Рувио этого не сделал!

— У меня такое ощущение, будто и вы неравнодушины к Рувио.

Старуха устало опустила морщинистые веки. Видно было, как перекатываются ее глазные яблоки.

— Мужчины как дети, — сказала она. — Они любят игрушки. Старики тоже как дети и тоже любят игрушки...

— Кстати, об игрушке, — заговорил Конан. — Помните, любезная Эригона, тот браслет, который вы вручили мне в виде аванса? Красивый такой золотой браслет? Еще посоветовали не продавать его здесь, в Шадизаре, а потерпеть до какого-нибудь другого города, где эту вещицу никто не узнает...

Старуха молчала.

Конан наклонился над ней.

— И знаете что меня удивило сегодня, пожалуй, больше всего? На руке у Рувио точно такой же браслет.

— Что? — удивилась старуха, но так ненатурально, что даже очень простодушный человек вряд ли позволил бы ввести себя в заблуждение. — Какой

еще браслет у Рувио? Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я говорю о том, что Рувио имеет точно такую же безделушку, что и я. Откуда у него эта вещь?

— А он что говорит?

— Он сказал, что ему подарила Майра. В знак любви. А я думаю, он лжет. Я думаю...

— А я вообще не думаю! — объявила старуха. И запела весьма фривольную песенку, которую наверняка подхватила в кабаке Абулетеса.

Конан попытался еще раз вернуться к разговору о браслете, но тщетно: Эригона либо напевала, либо закатывала глаза и притворялась спящей, либо вдруг начинала хохотать, сотрясаясь всем своим истощенным телом. Последнее зрелище было настолько жутким и отвратительным, что киммериец в конце концов прекратил расспросы и оставил Эригону в одиночестве.

* * *

Завтрак приготовили прямо в саду, о чем Конану сообщила хихикающая служанка.

— Вы спите, мой господин? Сладко ли вам было в опочивальне с мумией?

— Прямо как в склепе, — буркнул киммериец.

— А вы ночевали в склепах?

— Чем я только не занимался в склепах, моя дорогая... Кстати, как тебя зовут? Мы с тобой, можно сказать, близкие друзья, а я до сих пор не выяснил, как мне тебя называть.

— «Дорогая» и «милая» — очень хорошие имена.

— Да, но слишком распространенные. Иной раз крикнешь наугад: «милая» — и бегут к тебе сразу пять служанок, две шлюхи, одна повивальная бабка и одна кошка...

— Не слишком-то вы вежливы, мой господин.

— Есть дела, в которых вежливость просто неуместна.

— Ладно, — служанка сделала вид, что обиделась, но не вытерпела и громко фыркнула от смеха. — Меня зовут Ильвара.

— Как тебя зовут? — переспросил Конан.

— Ильвара... А что?

— Красивое имя, — ответил варвар. — А что?

Она засмеялась и поцеловала его.

— Будите свою мумию, мой господин. Хозяин дома приглашает всех к завтраку. Накрыли в саду, по обыкновению. Дом-то разрушается. Здесь нужно много денег, чтобы все привести в порядок, вот хозяева и придумали: если у них в имении кто-то гостит, накрывать к столу прямо под деревьями. Мол, так роскошней. По мне, какая разница, но господин Ларен желает выглядеть эксцентричным, если уж не в состоянии выглядеть богатым...

Конан пожал плечами и принялся расталкивать старуху. Она с трудом проморглась. За ночь на ее ресницы налипали комочки гноя, так что ей пришлось очищать глаза пальцами.

— Старость скверна, — сказала она, увидев Конана. — А безобразная внешность — вообще проклятие.

Киммерийцу показалось, что эта фраза адресована лично ему, хотя старуха, несомненно, говорила о самой себе.

— Что-нибудь дурное за ночь случилось? — осведомилась она.

— Почему непременно дурное? — удивился Конан.

— Вы что же, никого не обесчестили? — она выглядела недовольной. — Зря теряете время.

— Если верить Аркамону, то это Рувио обесчестил Майру, из-за чего та и утопилась.

— Сущее вранье! — сердито произнесла старуха. — Никто никого не... впрочем, это к делу не относится. Подай мне одеться, раз уж эта бездельница Ильвара ушла.

— Вы знали имя служанки? — удивился Конан.

— Разумеется, она ведь назвала его вам.

— Так вы не спали?

— И вы еще рассчитываете дожить до моих зим? — возмутилась старуха. — С наблюдательностью как у пожилой кобылы и находчивостью как у страдающего одышкой древесного демона? Приятель, либо вы сильно себе льстите, либо крепко недооцениваете человечество...

— Смотрите, как бы вам самой не оказаться в дурах, — проворчал Конан себе под нос. — Вы будете не первой, кто принял меня за глупого и неотесанного варвара.

— Зато я первая, кто сравнил вас со страдающим одышкой мопсом, — парировала старуха. — Спорим, я первая?

— Я не буду спорить.

— Но я первая?

— Лучше надевайте вот это платье... Оно поможет окружающим смириться с вашей внешностью.

Рядом с кроватью лежало принесенное служанкой Ильварой длинное бесформенное платье, разукрашенное бахромой и маленькими самоцветами. Оно было таким ярким и так сильно блестело и переливалось, что невольно притягивало к себе взгляд — и, соответственно, отвлекало его от лица самой старухи.

Старуха выбралась из кровати и спустила на пол ноги. Ноги у нее были как спички, высохшие и коричневые, ногти — длинные, черные, загибающиеся, как у птицы. Конан с трудом подавил отвращение. «Если бы она была, предположим, не человеком, а гарпиеей, я не находил бы ее такой безобразной, — подумал он. — Напротив. Для гарпии она просто очаровательна. Так что следует думать о ней как о чудовище. Об очень симпатичном чудовище».

Он натянул на свою нанимателницу ее блестящий наряд, помог ей спрятать серый пух — волосы — под тонкое покрывало и в конце концов нашел ее вполне привлекательной. Для гарпии, разумеется.

Вместе с Конаном Эригона вышла в сад. Она шагала медленно, наваливаясь на руку своего телохранителя. То и дело она останавливалась и озиралась. Многое в саду представлялось ей интересным, причем чаще всего ее внимание привлекали самые

обычные, невинные предметы, вроде куртины с уже отцветающими цветами или старой скамьи в тени раскидистого дерева.

Наконец они добрались до стола, поставленного на лужайке неподалеку от пруда.

Конан остановился.

— Странное место они выбрали для завтрака! — произнес он. — Набивать брюхо там, где погибла их дочь!

— Возможно, им кажется, что бедняжка Майра незримо участвует в трапезах, — возразила Эригона. — Многие народы, в том числе и дикие, верят, что их дорогие усопшие не покидают род, а остаются навечно и охраняют живых. И во время обеда для них выставляют отдельную миску с едой.

— Не знаю, как дики, — ядовито молвил Конан, — но цивилизованные люди нередко...

Он не договорил. Из-за стола навстречу им поднялся единственный пока сотрапезник — Аркамон.

— Доброе утро, — приветствовал он старуху и ее спутника. — Так неловко вышло! Я пришел первым и сижу тут, созерцая выставленные на стол сладости. Я подобен одному персонажу из легенды, который был проклят ненасытным голодом. Гляжу на еду, но кушать не решаюсь.

— Почему? — удивился Конан. Он плюхнулся на мягкое сиденье, забыв прежде усадить свою нанимателницу (по правде говоря, это не пришло ему в голову) и с интересом оглядел стол.

Эригона устроилась на стуле и вперила взор в

лицо Аркамона. Он беспокойно посмотрел на нее. Она надула пузырь из слюней, потом покачала головой и уткнулась лицом в ладони.

На столе стояли в вазочках цветочный мед и варенье. Кроме того, имелись тонкие сушеные хлебцы, явно предназначенные для того, чтобы обмакивать их в сладости, и несколько разных напитков в кувшинах.

Конан быстро исследовал содержимое кувшинов, нашел разбавленное вино и налил себе в большую кружку. Аркамон, не скрывая любопытства, следил за ним.

— Кажется, боги не обделили вас аппетитом, друг мой? — заговорил он с Конаном.

— Тот, кого боги обделили аппетитом, несомненно, проклят, — ответил Конан.

— Все-таки подождите, пока к столу выйдут другие, — мягко предложил Аркамон.

— Кажется, здесь меня пытаются обучать хорошим манерам? — в голосе варвара прозвучала едва заметная угроза.

Аркамон невозмутимо улыбнулся своей холодной улыбкой.

— Что ж, нет ничего дурного ни в учебе, ни в хороших манерах.

— Я телохранитель, а не учитель танцев, — буркнул Конан. — И не будет говорить мне об этикете человек, который бросается с ножом на соперника, в то время как тот предпочитает обходиться кулаками.

— Очевидно, это как раз тот этикет, который мне не знаком, — отозвался Аркамон. — Этикет кулачных боев и поединков с поножовщиной.

— Устраивая поножовщину, глупо отрицать, что...

Конана прервали: на поляну явились хозяева дома и с ними Рувио, а сзади бежала служанка Ильвара. Щеки ее горели: она, кажется, опоздала или пропинилась и получила выволочку от господ.

Конан впервые увидел Нэнд — мать Майры. Нэнд была одного роста со старухой, может быть, чуть пониже. Румянец на ее щеках увял, глаза потускнели, но на губах постоянно блуждала рассеянная улыбка. Она выглядела как человек, погруженный в тихий транс, почти незаметный для окружающих. Конан сразу проникся сочувствием к этой несчастной женщине.

Ларен пытался держаться бодро.

— Прошу всех к столу! — объявил он, делая приветственный жест. И обратился к старухе: — А вы, дорогая, хорошо ли отдохнули? Вчера вы выглядели чрезвычайно уставшей после долгой дороги. Я не могу выразить, как рад, что ваше родственное участие привело вас под мой кров.

«Неплохо держится для человека, у которого умерла дочь и рехнулась жена, — подумал Конан. — Что ж, сегодня его ожидает еще одно потрясение... Надеюсь, это излечит бедняжку Нэнд».

Конану трудно было представить себе киммерийскую женщину, которая сошла бы с ума таким обра-

зом. Тихое сумасшествие? Никогда! Киммерийцы не могут позволить себе подобной роскоши. Они постарались бы восполнить урон — усыновили бы кого-нибудь... Впрочем, кажется, именно о возможности усыновления и спорили вчера несостоявшиеся женихи Майры.

Конан незаметно вздохнул. Если цивилизованные люди частенько недооценивали «недотепу-варвара», то и сам варвар, хитрый, скрытный и ловкий, нередко недооценивал «цивилизованных неженок».

— А кстати, — брякнул вдруг Конан, хотя никакого разговора за столом пока что не велось и никакого «кстати», соответственно, быть не могло, — ваша пропавшая дочка, Майра...

Ларен поперхнулся.

— О чём вы говорите? — прошептал он, указывая глазами на улыбающуюся Нэнд.

— Я говорю о том, что вы считаете свою дочь умершей, и совершенно напрасно, — сказал Конан. — Это самая большая ошибка, которую могут допустить родители.

— Объяснитесь! — потребовал Ларен, видя, что угомонить бесцеремонного телохранителя старухи не получится.

— Да уж объяснюсь! — сказал Конан.

Краем глаза он видел, как Эригона, взяв хлеб, потянулась к миске с патокой.

— Кром! Нет! — взревел киммериец и, выхватив посудину из-под носа у старухи, швырнул на землю. Патока растеклась по траве.

Служанка Ильвара застыла в ужасе. Она переводила взгляд с Конана на своего хозяина, как бы решая, кого же ей бояться больше.

Ларен встал.

— Что происходит?

— А что? — сказал Конан развязно. — Разве происходит что-то неожиданное?

— Вы перешли все границы, — вмешался Рувио. — Вы должны покинуть этот дом!

— Заткнитесь! — рявкнул Конан. — Ваша дочь пропала, господин Ларен, она пропала, и вы не сумели ее отыскать! Вы даже не сумели понять, что она не умерла!

Ларен задрожал и сел, как будто ноги больше не держали его. Старуха смотрела бессмысленным взглядом то на Конана, то на стол, то на траву, где заманчиво белело пятно разлитой патоки. Потом с хлебом в руке полезла к лужице, чтобы все-таки угоститься.

— Возьмите мед, — сквозь зубы произнес Аркамон. — Где вас воспитывали? Вас учили подбирать с пола?

— Я не люблю мед, — сказала старуха.

Конан испустил громкий боевой клич.

— Конечно, она не любит меда! Рувио! — Он метнулся к молодому человеку и схватил его за плечи. — Рувио! Браслет!

— Какой еще браслет? — пробормотал Рувио, глядя на внезапно обезумевшего киммерийца с откровенным страхом.

— Тот, который подарила вам Майра! Где он?

— У меня на руке, как всегда. Я ведь говорил, что не расстанусь с ним, пока Майра живет в моем сердце.

— Покажите!

Рувио молчал, недоуменно взирая на Конана.

— Снимите его с руки, недоумок! Живо! — ревел Конан. Он бесился, видя, как медлят все эти люди. Они что, не понимают, что теряют драгоценное время? Да, кажется, не понимают.

Конан схватил Рувио за запястье и сам сорвал с его руки браслет. Затем вынул из поясного кошеля свой и швырнул его на стол рядом с браслетом Рувио.

— Видите?

Конан, тяжело переводя дыхание, смотрел то на одного сотрапезника, то на другого.

— Два браслета, — сказал Ларен. — Какое отношение они имеют к судьбе Майры?

— Один Майра подарила Рувио в знак любви. Другой — мне, в знак признательности. Они одинаковы.

— У Майры действительно был такой же браслет, как и у меня... Это были как бы звенья одной цепочки.

— Нечто вроде кандалов, — фыркнул Конан. — Изобретательная девушка.

Старуха размазала слону по щеке пальцем, посмотрела на Конана, склонив голову набок, как птица, и произнесла:

— Бульк!

Конан только отмахнулся.

— Молчи уж!

— Бульк! — не унималась старуха. — А осы-то сдохли.

Конан глянул туда, куда она кивала подбородком. Другие тоже невольно перевели взгляд. Липкая лужица патоки, растекшаяся по траве, вся была покрыта дохлыми насекомыми.

— Что это? — пролепетала Ильвара, отступая назад еще на несколько шагов.

Конан мельком посмотрел на нее.

— Ты можешь уйти отсюда, Ильвара, если хочешь... Но если тебе интересно посмотреть, что будет дальше, — лучше останься. Потому что предстоит кое-что любопытное... И тебе не грозит опасность, уверяю.

— Я останусь, — важно кивнула Ильвара. Впрочем, ее решение мало кого беспокоило.

— Все осы сдохли, — сказал Конан. — Да? Господин Ларен, вы видите дохлых ос?

Хозяин дома только водил головой из стороны в сторону. «Итак, за столом трое безумцев, — подумал Конан. — Хороша семейка!»

— Патока была отравлена, — сказал Рувио.

— Хоть один человек догадался, — фыркнул Конан. — В патоке был яд. А в меду — нет. Знаете, почему?

— Почему?

— Потому что Майра не ест меда.

— При чем здесь Майра? — удивился Ларен. — Вы ведь не имеете в виду жертвы, которые суеверные люди обычно оставляют для дорогих умерших... Конечно, если бы мы хотели приносить Майре загробные лакомства, мы не стали бы подавать ей мед...

— Загробные? — Конан расхохотался. — Майра жива, говорят вам! Она жива, и я могу ее найти.

— Так сделайте это и не морочьте нам голову! — рявкнул Рувио.

— Вы ее любите? — обернулся к нему Конан.

— Вы знаете, что люблю.

— Вы на все ради нее пойдете.

— Да.

— Поклянитесь!

— Клянусь моей жизнью!

— В таком случае, поцелуйте вот эту старуху.

— Что? — Рувио шарахнулся от Конана, как от опасного безумца.

— Вы поклялись! — напомнил киммериец, щуря глаза. — Вашей жизнью. Ну так целуйте ее, или я зарублю вас прямо в саду. Учтите, я в состоянии сделать из одного целого человека две равных половинки. Вы меня поняли?

Рувио медленно приблизился к старухе. Она застыла на месте, как изваяние. Рувио закрыл глаза, чтобы ее не видеть. Конан вытащил из ножен меч и острием подкальвал Рувио под лопаткой. — Идите, идите, герой. Идите, вас ждет ваша возлюбленная.

Рувио сделал еще шаг, наклонился и осторожно прикоснулся губами к изуродованным губам старухи.

Молодого человека передернуло от отвращения... и в тот же миг он понял, что не в силах пошевелиться. Он прирос к своей омерзительной «подруге». Он не мог ни двинуться с места, ни выпрямиться. Его рот так и остался прижатым ко рту Эригоны.

Конан застыл с мечом. Острье меча по-прежнему подкальвало Рувио в спину. Конан хотел было убрать руку, отодвинуть клинок, но... не сумел.

Наполовину встав, на полусогнутых ногах замер Ларен. Служанка пострадала меньше всех — она прижалась к стволу дерева да так и «приросла» к нему. Ей по крайней мере было удобно стоять.

В неловкой позе окоченела и Нэнд. Она как раз обернулась к пруду, в тысячу раз вступая в мысленный диалог со своей погибшей дочерью.

Один только Аркамон чувствовал себя, по-видимому, превосходно.

— Что ж, — молвил он. — Я пытался действовать по-хорошему. Я сватался к вашей дочери, но вы — глупцы! — позволили девчонке самой сделать выбор. И она, конечно, выбрала не того. Что ей этот Рувио? Смазливая физиономия, крепкие руки, небольшое состояние — и безмозглая голова. Идеальный муж, надо полагать! Я был бы ей куда лучшим мужем. С ее деньгами и моими талантами мы могли бы править всем Шадизаром. Но — нет, нет, нет!.. «О, мой Рувио! Навек твоя!» — передразнил он тонким голосом. — Глупости. «Я никогда не буду твоей,

Аркамон! Твои домогательства мне противны!» Дура! — закричал он, повернувшись к Эригоне. — Ты была дурой, и я покарал тебя. О, я не стал убивать Майру. Я не так уж глуп. Я превратил ее в омерзительную старуху. И чтобы она не сумела меня разоблачить, сразу сказал ей: проболтаешься — умрут и мать твоя, и твой отец, и твой жалкий женишок. Все в тот же миг отправятся на Серые Равнины. Но ты, — он с силой ударил Эригону кулаком, но она, погруженная в оцепенение, даже не покачнулась, — все не могла уломониться. Твой ум начал покидать тебя. Старость брала верх. Еще несколько дней — и ты вдала бы в старческое слабоумие, а потом и вовсе бы померла от слабости и болезней. Но ты все это предугадала. Хитрая бестия! Говорю же, из тебя вышла бы отличная жена для колдуна. Ты прогадала. Теперь ты побеждена, Майра. Ты все равно умрешь. Я понял, что ты не сдалась, и решил избавиться от тебя. Но этот верзила, — тут Аркамон метнул полный ненависти взгляд в Конана, — вмешался. Он оказался не так глуп, как прикидывался. Сразу догадался про патоку...

Неожиданно Аркамон замолчал. Одна из ос вдруг вырвалась из липкого плена и с трудом взлетела в воздух. Она уселась Аркамону на голову и внезапно ужалила его в шею.

Яд проник в кровь мага почти мгновенно. Он подавился на полуслове, кашнулся... из его рта пошла черная густая пена, из горла вырвался отчаянный хрип...

Аркамон упал прямо лицом в отравленную лужу и затих.

Оцепенение оставило зачарованных людей. Первой очнулась Нэнд. Она упала бы, если бы ее муж не сумел поймать ее и прижать к груди.

Конан едва не вонзил клинок в спину Рувио, так неожиданно было для него возвращение к жизни. Только чудо спасло молодого человека — и еще быстрота реакции киммерийца.

Однако Рувио постигло такое потрясение, что он даже не заметил грозившей ему смертельной опасности.

Старуха в его объятиях превратилась в молодую девушки. Это была Майра, смешивая, с ямочками на щеках, с хорошенькими губками и темными густыми волосами.

* * *

— Она знала, что я непременно обращу внимание на браслет, — сказал Конан Рувио чуть погодя, когда тело мага было сброшено в пруд, куда последовала и отравленная земля вместе с лужицей патоки и дохлыми осами. — Такую вещь трудно не заметить. К тому же ей сказали, что я... гм... разбираюсь в украшениях и всяких там блестящих побрякушках.

Майра весело кивала.

— Именно так все и было. Я спросила — кто самый ловкий вор в Шадизаре, и мне указали на вас, милый Конан.

«Милый Конан» ухмыльнулся.

— И вот она дарит мне браслетик! А спустя пару часов я замечаю такой же браслетик на руке у молодого бездельника, который носит его в знак своей вечной любви к пропавшей Майре.

Конан подмигнул Рувио.

— Это не могло быть случайным совпадением, не так ли? Но окончательно я обо всем догадался, когда услышал имя служанки.

— А это-то здесь при чем? — смеясь, спросил Ларен.

— Когда госпожа Эригона перечисляла всех знакомых, с которыми якобы обсуждала ваши семейные дела, она назвала имя «Ильвара». Я думаю, она сделала это нарочно. Она ведь знала, что я непременно заведу шашни с какой-нибудь красоткой в этом доме... И, поскольку знала всех красоток, разумно предположила, что этой избранницей станет именно Ильвара. Два намека — и я обо всем догадался. Остальное оказалось совсем нетрудно.. Все вышло бы еще проще, если бы все вы не были такими тугодумами.

— Проклятье! — сказал Рувио. — Я только сейчас сообразил: ведь ты же мог, сам того не желая, меня убить — там, в саду, когда Аркамон нас всех заколдовал!

сем известно, что его величество король Аквилонии Конан ненавидит всякого рода магию. Какие-нибудь целительницы-травницы, которые умеют ставить припарки и лечат простуду травяными настоями, — еще куда ни шло, но заклинания, вызывание духов и прочее каралось у него быстро и беспощадно. Поэтому судья Геторикс некоторое время колебался, прежде чем обратиться к королю за советом.

Геторикс, молодой мужчина с густыми светлыми волосами и аккуратно подстриженной бородой, был назначен судьей всего полгода назад и рассматривал это как большую честь для себя. Перед Конаном он робел, что, впрочем, было естественно: король многим внушал трепет своей массивной мускулистой фигурой, копной черных волос и пронзительными синими глазами.

Это был человек, много переживший, многое повидавший, по-своему справедливый и в иных случаях весьма скорый на расправу. Он был гневлив и в гневе необуздан и страшен; однако тот же Конан умел быть внимательным и серьезным.

Геторикс вошел в зал приемов и поклонился, не доходя десяти шагов до трона, на котором восседал король.

— Говори, — велел Конан. По голосу его величества Геторикс понял, что король утомлен.

— Я в затруднении, — начал судья, — и боюсь вынести несправедливый приговор. А поскольку все смертные приговоры в Аквилонии выносятся именем вашего величества...

— Я знаю. К делу, — перебил Конан. — Не отнимай у меня лишнего времени.

— Прошу прощения. — Геторикс поклонился и отступил на шаг. — Один человек, подданный вашего величества, житель Тарантии по имени Грумент обвиняет некую женщину по имени Коратезия в том, что она колдовством извела его отца, почтеннego жителя Тарантии по имени Грумент-старший.

Геторикс задохнулся и замолчал. Слишком много имен, сведений и эмоций вложил он в эту длинную фразу.

Король сдвинул густые брови, обдумывая услышанное. Затем заговорил:

— Грумент говорит, будто Коратезия извела его отца колдовством?

— Именно так, ваше величество, — поклонился Геторикс. — Ваше величество абсолютно правильно понимает суть проблемы.

— Не вижу никакой проблемы, — болезненно поморщился король. — И не вижу, — продолжал он, повышая голос, — причин беспокоить меня подоб-

ной ерундой! Если Корацезия — ведьма, то ее нужно сжечь! В Аквилонии все смертные приговоры отдаются от имени моего величества, как ты справедливо заметил, почтенный Геторикс. Пусть твоя совесть будет чиста. От имени моего величества ты можешь сжечь эту Корацезию на костре или утопить ее в мешке с живыми кошками — как тебе захочется. Потому что ведьме нечего делать в Тарантии.

— В том-то и проблема, — Геторикс отступил еще на шаг, опасаясь королевского гнева (и не без оснований, насколько он знал по рассказам других).

— В чем? — Конан чуть приподнялся на троне.

— Корацезия наотрез отказывается признавать свою вину.

— Естественно! — фыркнул Конан. — Она ведь трясется за свою шкуру.

— Нет, господин. Она утверждает, что невиновна. Что ей лучше умереть, чем признаться в преступлении, которое она не совершила.

— Вот как? — Конан поднял брови. — Есть ли причина?

— Да, ваше величество. У Корацезии есть маленькая дочь.

— И нет мужа? — проницательно добавил король.

— Именно! Ваше величество глубоко проникает в суть вопроса.

— Не вижу вопроса, — фыркнул Конан. — Все ведьмы рано или поздно обзаводятся дочками, которые никогда не знают, кто их отец.

— В данном случае все обстоит немного по-другому, ваше величество. У Корацезии был супруг, но он умер в прошлом году, — возразил Геторикс. — И женщина не хочет, чтобы ее репутация ведьмы погубила жизнь ее маленькой дочери. Понятное дело, если Корацезия будет осуждена как колдунья, то ее дочери в дальнейшем придется очень несладко. Она будет вынуждена либо избрать это предосудительное ремесло и поступить в ученицы к какой-нибудь бабке...

— Сомневаюсь, чтобы ей удалось сделать это в Тарантии, — перебил Конан.

— Именно, ваше величество. В противном случае, девочка-сирота окажется в конце концов на панели. Поэтому ее мать предпочитает не признаваться в наведении злых чар, которые и привели к прискорбной кончине господина Грумента-старшего.

— Гм, — сказал король.

— К ней применяли допрос с пристрастием, — продолжал Геторикс. — Но она продолжает отрицать свое участие в злом деле. Утверждает, что это наговор.

— Что именно она говорит? — поинтересовался король с деланно скучающим видом. История, которую путано, с лишними подробностями излагал ему недавно назначенный судья, против воли Конана начала его занимать. Ведьмы редко подолгу отрицали свою связь с темными силами. Ведь они, в конце концов, гордятся тем, что злые могущественные духи избрали их, согласились вести с ними разговор и

в конце концов начали совместно с ними творить на земле, среди людей свою волю! А не поделиться тем, что составляет гордость всей жизни человека, — практически невозможно. И наступает такой момент, когда схваченный властями колдун начинает похваляться своими преступлениями.

Корацезия же все отрицала. Даже под пытками, как утверждает Геторикс. И это Конан находил весьма странным.

— Корацезия — красивая женщина, — продолжал Геторикс. — Я не исключаю, что Грумент-младший мог заинтересоваться ею. Надо полагать, женщина отвергла притязания богатого наглеца — вот и мотив для оговора.

— Однако полностью отрицать возможность того, что колдовские чары были наведены, нельзя, — сказал Конан. — Я не стану утверждать смертный приговор для Корацезии, пока не будут представлены доказательства ее вины. Кто нанял ее, если только она действительно совершила то, в чем ее обвиняют? Не из любви же к искусству она околдовала Грумента-старшего! Для нее совершенно безразлично, жив этот Грумент или мертв. От смерти старика выигрывал прежде всего его наследник. Не он ли — истинный виновник случившегося? Не он ли заплатил Корацезии, чтобы та применила злые чары?

— Мы проверяли этот вариант, — сказал Геторикс. — Но оба, и Грумент-младший, и Корацезия, дружно отрицают словор. Вряд ли Корацезия будет жертвовать собой ради Грумента.

— Она вообще отказывается признавать тот факт, что она ведьма, — задумчиво молвил Конан. — Нет, я не стану утверждать смертный приговор. Нужно внимательнее рассмотреть все обстоятельства дела. Пусть женщина пока побудет в тюрьме. А ее дочь доставьте ко мне во дворец. Я не хочу, чтобы с ребенком что-нибудь случилось.

Геторикс поклонился и вышел. Аудиенция была окончена.

Девочку звали Цезония. Когда королевская стража явилась за ней, пятилетний ребенок забился под кровать и наотрез отказывался вылезать наружу, так что Геторикс в конце концов вынужден был встать на четвереньки и вытащить ее оттуда за ногу. Все то время, пока Корацезия находилась в тюрьме — то есть, шесть дней кряду, — ребенок находился один в маленьком домике, что прятался в глубине переулка, как будто стиснутый с двух сторон более богатыми домами: справа — трехэтажным особняком Грумента, слева — массивным домом, принадлежащим купцу из Коринфии по имени Ильва. Кухарка Ильвы, сердобольная старуха, несколько раз заглядывала к Цезонии и приносила ей фрукты и лепешки, а больше никто пока не проявлял интереса к судьбе покинутого ребенка.

Водворяя Цезонию в королевском дворце, Геторикс еще раз подивился своему королю. У Конана хватило времени позаботиться о какой-то сироте, мать которой обвиняют в колдовстве! А ведь это

должно было прийти в голову самому Геториксу. Увы, он слишком недолго находился на своем ответственном посту и слишком сосредоточился на самом деле, чтобы обращать внимание на «несущественные» мелочи.

Девочку поручили заботам дворцовых служанок. Те надарили ей глиняных лошадок с гривами из волос, выстриженных из хвостов настоящих лошадей, куколок с соломенными прическами, платыц; а кроме того, обещали, что с ней повидается сам король. И еще — что мама скоро к ней вернется.

Цезония, разряженная, с липкими от сладостей пальцами, молча играла в свои новые игрушки, а Конан стоял в дверях отведенной ей комнаты и наблюдал. Девочка выглядела совершенно нормальной. Никаких следов дурного обращения или черной магии. Конан знал, что ведьмы часто используют своих детей в магических ритуалах. Дети с их незамутненным, чистым сознанием нередко служат хорошим проводником при разговорах колдуна с подвластным тому духом. Такие дети, если они не находятся под воздействием чар, выглядят тупыми, как бы одурманенными, и почти не интересуются происходящим вокруг. Они пугливы, вздрагивают, если с ними заговорить, у них бледная кожа, черные круги под глазами; они не любят сладкое и вообще почти ничего не едят.

Цезония была другая. Обычный ребенок, любопытный и прожорливый. Конан осторожно вышел из комнаты и прикрыл дверь.

— Следить за ней! — велел он служанке и двум рослым стражам королевского дворца. — Никто не должен пытаться проникнуть к ней! Никто не смеет забирать ее отсюда, даже под предлогом прогулки! Не верить никаким «приказам от короля» — если я захочу видеть ребенка или говорить с ним, я приду лично, а не пришлю посыльного! Ясно?

Безмолвный кивок был ему ответом.

Конан вернулся в свои личные покой и задумался. Что-то в этой истории не давало ему покоя. Что? Неизвестная ему молодая женщина, которая упорно продолжала отрицать свою вину? Брошенная на произвол судьбы пятилетняя девочка?

Нет, другое. Будучи королем, Конан мог исправить положение: он не позволил казнить мать, позаботился о дочери. Но где-то в его столице обитает злой колдун. От одной только мысли о том, что чародейство безнаказанно бродит по Тарантии, у Конана пропадали аппетит и сон.

В конце концов он велел позвать Натизона, своего придворного алхимика. Этот бодрый, довольно ехидный старец занимался преимущественно тем, что разрабатывал различные порошки от блох и тараканов, а также трудился над составами для укладки волос. Конан держал его во дворце уже несколько зим.

Натизон был по-своему предан его величеству. Он явился в Тарантию откуда-то с востока — старик сам не мог в точности назвать свою родину и утверждал, что практиковал в Кхитае, Вендии, Офире и

даже Стигии (Конан подозревал, что все это чистейшее вранье). Старик был жалок и нищ; в первый же день попался на мелкой краже и был ввергнут в тюрьму, где долго прикидывался умалишенным. В конце концов, слухи о безумном алхимике дошли до Конана, а король, который время от времени начинал интересоваться разными диковинами, соизволил посетить Натизона.

Старый жулик понравился королю. Конан почувствовал в нем родственную душу. Неунывающий алхимик перестал ломать комедию и сообщил королю, что умеет составлять различные препараты. Например, чесоточный порошок. Если посыпать им человека, тот будет чесаться не переставая, — отличный способ отомстить неприятелю, не подвергая его серьезной беде. Человек, который постоянно скребет ногтями у себя под мышкой, смешон, а репутация его будет навек погублена!

Конан рассмеялся и велел освободить Натизона. С тех пор потешный алхимик и создавал при дворе свои волшебные снадобья.

Но теперь Конану требовалась куда более серьезная консультация.

Натизон явился на зов своего короля так быстро, как только смог. Он приковылял на высохших, похожих на палки кривых ногах, с достоинством расправил широченную бархатную мантию и поклонился, взмахнув в воздухе длинными редкими седыми волосами, которые тщательно расчесывал и украшал лентами и жемчужными нитками.

— Садись, Натизон, — махнул ему Конан. — Скажи, ты настоящий алхимик или просто шарлатан?

Натизон оскорбился. Его борода встала дыбом, бесцветные глаза выпучились, ноздри хрящеватого носа широко раздулись.

— Неужели у вашего величества не было случая убедиться в том, что мое искусство, отточенное многолетней практикой...

— Да, да, — нетерпеливо перебил Конан, — я знаю, что ты способен смешивать порошки и делать мази от чесотки.

— Мой господин король никогда прежде не спрашивал, шарлатан ли я, — продолжал пыхтеть возмущенный старик.

— Просто раньше мне было все равно, — объяснил Конан. — А сейчас я хочу знать: сможешь ли ты определить, был ли данный человек изведен при помощи порчи, или же его кончина последовала от естественных причин? Только не ври. Если не можешь — так и скажи. Клянусь, это никак не отразится на твоем положении при моем дворе.

Старик пошамкал губами:

— Я мог бы попробовать. Если я увижу, что ничего в этом не понимаю, то так и скажу. Но если я разберусь в деле... То что мне за это будет?

— То же, что и всегда, — сказал Конан, забавляясь. — Сытный стол, красивая одежда, прислуга и возможность заниматься любимым делом.

— Ладно, — сдался старик. — Я попробую. Где этот мертвец?

— В семейном склепе, надо полагать. Это Грумент-старший. Не слышал о таком?

Натизон замотал головой.

— Никогда в жизни. Я прихвачу с собой траву-лиходейку. Если взять ее и поднести к трупу человека, изведенного порчей, она даст знать. Она узнает своих собратьев по злому колдовству и подаст голос. Вот так. — И старик несколько раз тонко вскрикнул, как будто его кололи иголкой.

Конан с большим трудом сохранял невозмутимость. Ему хотелось рассмеяться, несмотря на всю серьезность ситуации.

— Ладно, иди готовься, — сказал король. — Я буду ждать тебя в кордегардии. И оденься попроще — в дорожный плащ и сапоги.

Семейный склеп семейства Грументов находился на окраине Тарантии, где погребали самых знатных и богатых граждан города. За пределами города хоронили тех, кому и при жизни не улыбалась удача. Могилы бедняков в конце концов поглощала земля — они зачастую оставались безымянными холмиками, едва различимыми на поверхности. Другое дело — погребения богачей. Грументы возвели для своих мертвцевцов настоящий дворец — правда, небольшой, но вместительный. Внутри было достаточно места для могил, скамей и столов для поминальных трапез. На стенах даже имелись заранее заготовленные факелы.

— Настоящая крепость! — фыркнул старик-алхимик. — Как мы войдем сюда, ваше величество? Дверь-то заперта?

— А мы попробуем открыть, — ответил Конан и вытащил из-под своего плаща ломик. Являя известную сноровку, он взломал замок и толкнул дверь ногой. Она со скрипом отворилась. — Прошу!

Натизон посмотрел на своего короля с восхищением.

— Стало быть, это правда — то, что про вас говорят, — вымолвил он.

— Про меня много что говорят, — строго ответствовал Конан.

Вдвоем они вошли в склеп, и Конан зажег факелы. Натизон испугался:

— Вдруг нас здесь увидят?

— Пусть видят, — небрежно отмахнулся король. — Я имею право входить куда угодно. Я — король. И если мне захотелось навестить усопшего Грумента — кстати, законопослушного и добропорядочного господина! — то я в своей власти.

— Так-то оно так, но слухи пойдут... — вздохнул старик.

— Приступай к делу, — велел Конан. — Нужно выкапывать труп, или ты обойдешься надгробием?

— Пока обойдусь надгробием, — сказал Натизон, поежившись. — Не люблю я трупы.

— От тебя не требуется, чтобы ты кого-то там любил, — серьезно заявил Конан. — Просто поднеси траву. Давай.

И король решительно скрестил на груди руки.

Натизон пробормотал несколько молитв, обращенных к разным милосердным божествам, после попросил прощения у бедного Грумента, чей прах он намерен потревожить, и вытащил из-за пазухи корень травы-лиходейки. Этот корень представлял собой странную фигурку, похожую на игрушечного человечка, у которого вместо волос растет на голове трава. Ротик человечка был раскрыт, глазки сощурены, ручки растопырены.

— Это трава-мужчина, — объявил Натизон, поднося корешок к глазам Конана и показывая крошечный отросток между «ног» корешка. — Бывают еще женские травки, но они менее сговорчивы. Более лживы.

— Можешь ничего не объяснять, — отмахнулся Конан, отворачиваясь от корешка. — Меня мало занимают подробности алхимических процессов.

— Это не алхимия, — опять надулся старик. — Алхимия есть строгая наука. В алхимии всегда известно, что из чего получится. А это...

Он замолчал, видя, что лицо короля приняло угрожающее выражение, и поднес корешок к свежему надгробию, под которым покоялся прах несчастного Грумента-старшего. Поначалу ничего не происходило. А потом из глубины гробницы послышалось тончайшее пение, и фигурка-корешок шевельнулась в руках алхимика. Раздался тот самый тонкий писк, который Натизон пытался изобразить в покоях королевского дворца. Только звук этот был

куда более пронзительным. Он проникал в самый мозг и терзал его. Конан зажал ладонями уши.

— Я больше не могу выносить этого! — закричал он. — Уходим отсюда!

— Я не могу оставить корешок, — возразил Натизон.

— Делай, что должен, и убираемся, — повторил Конан. — Я знаю все, что хотел узнать.

Он погасил факел и решительно вышел из склепа.

— Подождите, ваше величество, — старик засеменил следом. — Не бросайте меня здесь одного! Я боюсь!

Конан остановился.

— Закрой дверь, — приказал он, — и иди сюда. Что ты должен сделать с корешком?

— Я верну его в землю, — пробормотал старик. — Прямо здесь, возле склепа. Пусть поет и переговаривается с той лиходейкой, что извела Грумента. Им будет, о чём поболтать, пока не наступит осень и корни не сгниют в земле.

Несколько следующих дней его величество был занят другими делами: прибыли знатные нобили из Киммерии, и Конан приятно провел с ними время на охоте и в пирах. Девочка Цезония по-прежнему жила во дворце и не доставляла никаких неудобств ни нянькам, ни своим охранникам. Это был кроткий ребенок, рано узнавший горе и умеющий быть благодарным. Две служанки, приставленные к дочке арестованной «ведьмы», не могли нарадоваться на дитя. Если бы Конан спросил их мнение, они захле-

бывались бы от похвал. Но Конан, как назло, ни о чем не спрашивал.

Больше других страдал от королевского невнимания судья Геторикс. У него появились новые обстоятельства, однако принимать решение без короля — коль скоро тот вмешался в дело — он не осмеливался.

Наконец Геторикс перехватил Конана в коридорах дворца.

Король, навеселе, с оленьей ляжкой в одной руке и кубком в другой, шел с каким-то рослым человеком — судя по всему, одним из киммерийских посланников, — и громко хохотал. Геторикс вырос перед ними, как бледная тень, жаждущая отмщения. Конан остановился.

— Что? — отрывисто спросил король у судьи.

— Прошу прощения, ваше величество, — пролепетал Геторикс, чувствуя себя крайне глупо. Нельзя так робеть перед королем! Тем более перед таким королем, как Конан.

— Ну, — Конан махнул оленьей ляжкой. — Я слушаю! Говори, раз уж подстерег меня здесь.

— В доме Корацезии... Той женщины... Мы еще раз обыскали дом.

— Что вы там нашли? — спросил Конан.

— Одну вещь. Она подтверждает обвинение.

Конан оценил деликатность Геторикса, который продолжал излагать дело иносказаниями.

— Я хочу, чтобы эту вещь принесли в мои покой. Будь там же. И распорядись, чтобы явился Натизон. Ближе к полуночи встретимся там.

Настроение у него было испорчено, хотя он этого и не показывал. Ближе к полуночи король, изрядно пьяный, но все еще с ясной головой, вломился в собственные покой, едва не снеся по дороге двери. Натизон сидел в любимом кресле короля, положив ноги на стол и лениво разглядывая разные безделушки, украшавшие королевскую спальню. Геторикс при виде короля вскочил и поклонился.

Конан небрежно махнул рукой и повалился на свою кровать, которая протестующе скрипнула под тяжестью его тела.

— Что там у вас? — осведомился киммериец. — Показывайте!

— Амулет, ваше величество, — Геторикс протянул королю маленькую золотую вещицу, представлявшую собой несколько переплетенных колец с рубиновым «глазком» в центре.

— Может, это от дурного глаза, — отмахнулся Конан. — Глупость, конечно, но безвредная.

— Нет, это не глупость, а гадость, — заявил Натизон, убирая ноги со стола. — Я посмотрел.

— А, мой знаток черных магических искусств, по совместительству мелкий воришко... — подал голос король, простертый на кровати. — Кстати, любезный Натизон, у тебя почему-то оттопыривается халат на груди. Что ты сунул за пазуху?

Натизон побагровел.

— Ничего. Неужели ваше величество опустится до того, чтобы подозревать своего верного, преданного...

Конан, захочив, одним прыжком вскочил с кровати и схватил хрупкого старика в охапку. Никто не успел и слова вымолвить, как король уже перевернулся Натизона вниз головой и потряс. На пол посыпались золотые флакончики для духов, браслеты, массивные золотые кольца и вазочки из серебра с эмалью изумительной работы.

Затем король поставил старика на ноги.

— Подбери и поставь на место, — велел он, снова отправляясь к постели. — Глупый старикашка! Вздулся надуть своего короля!

— Это привычка, — забормотал, оправдываясь, старик. — Я не могу иначе. Я ведь никому не приношу вреда.

— Кроме себя самого, — фыркнул Конан и заложил руки за голову. — Рассказывай про амулет.

— Опасная вещица. Ею пользуются для того, чтобы сосредоточиться и войти в мир злых духов.

— Откуда ты знаешь?

— Видел как-то раз. Одного мага. Ах, король, неужели ты не веришь своему верному Натизону? — Старик возмущенно затряс головой. — Я знаю, что говорю. Эта вещь нужна для того, чтобы связываться с миром демонов!

— Верю, — вздохнул Конан. — И все-таки что-то здесь не сходится. Казнить эту Корацезию мы всегда успеем. Никуда она из темницы не денется.

— А если она действительно ведьма? — подал голос Геторикс. — Если она собирается с силами и удерет?

— Ее никто ни разу не навестил. Никто не интересовался ее судьбой. И будь она сильна, она давно бы удрула, еще до того, как ее подвергли допросу с пристрастием. Нет, друзья мои, мы не будем выносить поспешных решений. — Произнося сию мудрую фразу, его величество громко рыгнул. — Боги, как я хочу спать... Убирайтесь вон со своими важными проблемами! Убирайтесь, господа! Ваш король будет отдыхать! Никого пока казнить не будем! К амулету приставить охрану... Или знаете что? Поместите амулет в комнату, где содержат девочку... Посмотрим, как они отреагируют друг на друга... И охране скажите...

Затем раздался громкий королевский храп. Судья его величества и придворный алхимик его величества покинули опочивальню.

Господин Грумент-младший, законный наследник Грумента-старшего, вот уже несколько дней испытывал странное беспокойство. Как будто некто не сводит с него пристального взгляда. Кто этот некто? Где он скрывается? Нечто подобное, насколько слышал Грумент, бывает при магической слежке. Невидимый взор, устремленный на жертву через кристалл ясновидения, вызывает такие опущения. Грумент лихорадочно соображал: кому из магов он мог насолить в достаточной степени?

На ум ничего толкового не приходило. Да и с магами он в контакт практически не входил. Тот единственный уже стар и немощен. Да и смысла ему ни-

какого нет подглядывать за Грументом. Грумент его всяко не обидел.

Но ощущение всевидящего ока, устремленного на него, не проходило, и наследник покойного Грумента-старшего терял сон и аппетит.

А человек в сером капюшоне сидел на карнизе соседнего дома, заглядывал в окна грументова особняка и ухмылялся сам себе.

Соглядатая Грумент обнаружил к исходу второго дня слежки и похолодел. Кто мог нанять этого широкоплечего гиганта? Кому выгодно? Неужели у глупой Корацезии есть любовник? Нет, это невозможно. Всем известно, что Корацезия добродетельна и до сих пор хранит траур по почившему супругу. Друзей у нее тоже нет — она в Тарантии недавно.

И все-таки некто заподозрил нечто и нанял шпиона.

Грумент усмехнулся, разглядывая себя в зеркало. — Хорошо же! — произнес он вслух, с удовольствием глядя на то, как шевелятся пухлые губы, отраженные в зеркале. — Если он следит за мной, то ему придется за это ответить! Я не стану разбираться, кто нанял шпиона и для какой цели это сделано. Мне недосуг заниматься такими вещами, когда имеются дела поважнее.

Конан ожидал чего-то подобного и потому не удивился, когда в переулке, ведущем к домам Грумента и Корацезии, столкнулся с тремя безмолвны-

ми фигурами в черном. Они отделились от стены и молча направились к королю. Естественно, его величество не удосужился сделать свои шпионские приключения достоянием общественности, а убийцам и в голову не пришло, что они имеют дело с королем. Если бы они хотя бы заподозрили, что докучливый соглядатай, не спускающий глаз с их нанимателя, — сам король Конан, они ни за что не взялись бы за эту работу. Более того, они бежали бы из Тарантии и долго не показывались бы в столице из опасения, что король доберется до них и, не снисходя до судебного разбирательства, попросту свернет им шею.

Но ничего этого люди в черных плащах не знали. Уверенные в своем превосходстве, они закружили вокруг жертвы, нащупывая под одеждой длинные кривые кинжалы. Завтра в переулке найдут еще один безымянный труп с перерезанным горлом. Одет этот бродяга так, что сомнений нет: состоятельных друзей или родственников в Тарантии у него не имеется. И руки у него не белые, не гладкие — исчерченные шрамами, мозолистые руки бойца, что также говорит о незнатном происхождении.

Нет, опасаться нечего. Конечно, он окажет сопротивление. Но он один против троих. Никаких сомнений в том, кто победит.

У Конана, впрочем, тоже никаких сомнений на этот счет не водилось.

Первый убийца метнулся вперед. Плац его взлетел за плечами, как темные крылья летучей мыши. Конан оскалился под серым капюшоном. Он сделал

едва заметное движение, переместившись в сторону и выкинув вперед руку с ножом. Никто не успел ничего понять — убийца вдруг резко остановился, как будто налетел на невидимую преграду, громко, гортанно вскрикнул, схватился руками за бок и рухнул на мостовую. Двое остальных отскочили в стороны.

В переулке было тесно, и Конан поспешил воспользоваться этим преимуществом. Он прижался к стене дома Корацзии и несколько раз взмахнул кинжалом так, чтобы отогнать убийц хотя бы на несколько мгновений. И когда они отпрыгнули, киммериец быстро, как кошка, вскарабкался на карниз второго этажа.

Его преследователи переглянулись, очевидно, озабоченные этим маневром своей «жертвы». Затем один из них полез за Конаном. Разумеется, это было ошибкой, в чем не сомневался ни король, ни наемный убийца. Но деньги от заказчика получены, и соглядатай не должен уйти отсюда живым. К тому же смерть одного из троих разъярила убийц. Прежде им не доводилось встречать такого отпора.

Конан с усмешкой наблюдал за неловкими движениями своего соперника. Он не собирался мешать ему — пусть лезет. Здесь, на карнизе, шансов у бедняги попросту не будет. Киммериец прижался спиной к стене, на мгновение как будто растворившись в ней — серый плащ на фоне серого камня — а потом неожиданно нанес нападающему сильный удар ножом по голове.

С пронзительным криком тот повалился на мостовую, и когда сообщник подбежал к нему, его товарищ был уже мертв: при неудачном падении он сломал себе шею.

Последний из троих поднял голову и посмотрел на Конана, стоявшего на карнизе. Конан видел в бледном лице городского убийцы страх и ненависть. Эти два чувства боролись в груди наемника.

— Для тебя было бы лучше сдаться, — сказал ему Конан почти дружески.

— Будь ты проклят! — вскричал наемник, размахивая кинжалом. — Спускайся и покажи на твердой земле, какой ты боец!

— Не пожалей потом! — сказал Конан, спрыгивая с карниза прямо ему на голову.

Они повалились вдвоем на мостовую и покатились по камням, норовя пырнуть друг друга кинжалом. Наконец король, более массивный и сильный, оказался сверху. Он прижал руки своего врага к земле и уселся ему на живот. Наемник захрипел, дергаясь всем телом в бессильной попытке освободиться.

— Тихо, тихо, — сказал ему Конан. — Иначе мне придется перерезать тебе горло.

— Тогда ты... должен будешь... разжать одну руку... — просипел негодяй. — И я освобожусь.

— Я удержу тебя и одной рукой, — заверил его Конан. — Лучше отвечай: кто нанял тебя?

И король улыбнулся. При виде этой улыбки наемник застонал, из глаз его покатились слезы. Ни-

когда в жизни он не чувствовал себя таким униженным. Ему доводилось и проваливать дело, и бежать с поля боя, и бросать умирающих товарищев. Но никогда еще тот, кто был намечен в жертву, не сидел у него на животе и не улыбался так уверенно и весело.

— Лучше расскажи мне все как есть, дружок, — посоветовал Конан. — Иначе ты горько пожалеешь.

— Я уже... горько жалею... — всхлипнул наемник. Он был сломлен.

— О чувствах — потом. Сперва о деле. Кто?

— Грумент... — выговорил наемный убийца. — Теперь я вне закона... Ты вынудил меня...

— Да ты и без того был вне закона, — «утешил» его Конан.

— Наемник, который выдает своего нанимателя... навек вне закона... среди своих.

— Тебе недолго ходить среди своих, — сказал Конан. — Позволь представиться: я — Конан из Киммерии, король Аквилонский. Моим именем я арестовываю тебя, дружище, и препровождаю в тюрьму. Попробуй только дернуться, и нож будет торчать у тебя в спине. Ты понял?

От ужаса наемный убийца оцепенел. Он не мог произнести ни слова. Сам король Конан! Не королевская власть страшила негодяя — та несокрушимая мощь, которой, по слухам, обладал киммериец. Этот человек сам по себе может один заменить целую армию. И теперь наемник имел несчастье убедиться в этом на собственной шкуре.

— Ну, ты все понял? — нетерпеливо повторил король. — Дай мне знак!

— Я... понял... — прохрипел наконец убийца. — Я... не побегу... подчиняюсь... мой король.

— Вот и хорошо. — Конан вскочил, освобождая наемника и наблюдая за тем, как тот со стонами корчится на земле.

Наконец ему удалось подняться на ноги. Спотыкаясь и постоянно вздрагивая, он побрел вместе с Конаном в сторону королевского дворца, где в подвалах тюрьмы ждала решения своей участи женщина по имени Корацезия.

Нового узника заперли в соседней камере.

Слежка за домом Грумента прекратилась. Правда, наемники почему-то до сих пор не приходили за обещанной второй половиной платы, но Грумента это не особенно беспокоило. Они еще явятся. Возможно, боятся, что их увидит городская стража, и затаились на время в каком-нибудь логове. Главное, исчез соглядатай в сером капюшоне, а это яснее ясного говорило о том, что поручение выполнено и неведомый шпион убран с дороги.

Оставался еще один свидетель, которому незачем долее испытывать милость Митры. Если под Грументом начинают копать его враги, которые до поры до времени желают оставаться неизвестными, то следует «почистить» за собой. И в сумерках Грумент нанес визит одному убогому старцу, который обитал

на окраине Тарантии, рядом с городскими склепами, где богачи хоронили своих умерших.

Глинобитная хижина лепилась прямо к стене кладбища, и в неярком вечернем свете ее нелегко было заметить. Она как будто выросла из стены, точно прыщ на лице. Однако Грумент уже не раз бывал здесь и знал, где вход. Он не утруждал себя и стучать не стал, а просто толкнул покосившуюся дверь, откинул в сторону рваную портьеру и оказался в крошечной комнатке, еле-еле освещенной тусклым огоньком масляной лампы.

Грумент никогда не понимал таких людей, каким был старик Далза. Тот занимался весьма выгодным ремеслом — тайно практиковал магическое искусство. Кто только ни прибегал к помощи Далзы за те долгие зимы, что алчный старик коптил небо Тарантии! В былье времена, возможно, его услуги и стоили не слишком дорого, но затем он набрался опыта и научился делать вещи, которые другим были не под силу. А после того, как к власти в Аквилонии пришел король Конан и магия вообще оказалась под строжайшим запретом, Далза начал брать дополнительную плату за секретность, и доходы его возросли невероятно.

К нему приходили дурнушки, измученные безнадежной страстью, и влюбленные старики. У него побывали многие замужние женщины, которые легко-мысленно вели себя в отсутствии мужей и желали избавиться от некоторых последствий таких необдуманных поступков. Его услугами пользовались и те,

кому по какой-либо причине требовалось тихо, незаметно и не вызывая подозрений отправить к праотцам в Серые Земли мешающего человека...

К числу последних и принадлежал Грумент-младший. И сумма, которая перекочевала из кошельей Грумента в скорченную ладонь старика, была очень немалой. Далза давно мог жить в богатстве и роскоши, покинув Тарантию и уйдя от дел. Однако он предпочитал заниматься колдовством тайно и никуда из аквилонской столицы не уезжал. Интересно, где он держит свои деньги? Маловероятно, чтобы Далза успевал их тратить.

Старика в хижине Грумент поначалу даже не заметил, настолько тот сливался со своим жилищем. Наконец в углу комнаты ожила и зашевелилась гора грязных, засаленных тряпок, и оттуда неожиданно вынырнуло лицо: грубая, изрезанная морщинами, похожая на кору дерева кожа; между широкими складками утонули крохотные темные глазки без зрачков и белков, огромный нос причудливо изогнутой формы, с глубоко вырезанными ноздрями, из которых торчит серая шерсть, и провал беззубого рта. Все это подрагивало, тряслось и шамкало.

И тем не менее «оно» являлось самым могущественным магом Тарантии и обладало определенной властью над многими знатными и богатыми горожанами.

— Явился! — лязгнул голой челюстью старики. — Зачем явился?

Голос его дребезжал.

Грумент молча смотрел на него.

— Убирайся! — завизжал Далза. — Мы с тобой в расчете! Дурак! Твой отец помер, как мы и договаривались! У Коратеции нашли все, что должны были найти! Они ничего не поймут! Твой король — такой же глупец, как и ты! Он ничего не поймет!

Грумент, все так же безмолвно, сделал шаг вперед и поднял руки.

Судья Геторикс, не вполне здоровый, был весьма раздражителен и разговаривал со стражником, который топтался на пороге его дома, довольно нелюбезно.

— Ты видишь, я болен? — сипел он, кутаясь в плед. — Ты заметил, что у меня болит горло?

Стражник, который никак этого заметить не мог, моргал и удивлялся.

— Я ведь не лекарь, господин судья, — произнес он наконец и, почувствовав себя совершенным идиотом, замолчал.

— Зачем ты пришел? — рявкнул Геторикс и отчаянно закашлялся. — Ну, что ты молчишь?

— Так ведь господин судья болен... Просто тут ведь убийство... Ну, придушили старичка... — пробормотал стражник. — Может, ничего интересного.

— Богатый старичок? Знатный? Или нищий пьяница утонул в канаве? — сердито наседал на стражника Геторикс. — Говори толком! Если я узнаю, что ты побеспокоил меня напрасно, я тебя... не знаю, что я с тобой сделаю!

Стражник поглядел на судью сочувственно. Несмотря на то, что Геторикс пытался выглядеть грозным и властным, как и подобает настоящему судье, он был человеком довольно кротким и добросердечным. Больше всего он боялся нарушить закон и погрешить против справедливости. Он боялся богов, опасался короля и желал бы прожить свою жизнь честно, не совершая ошибок. Кроме того, ходили слухи, что Геторикс до сих пор находится в полном подчинении у своей властной матушки-вдовы.

Наконец стражник сказал:

— Если господин судья соизволит, мы могли бы пройти вместе к тому месту. Господин судья сам решит, стоящее дело или нет.

Геторикс фыркнул, закутался плотнее в накидку и отправился со стражником к месту преступления.

По дороге оба молчали.

— Это здесь, — заговорил стражник. Он подал голос так внезапно, что Геторикс даже подскочил. Он слишком глубоко ушел в свои мысли.

— Где? — сипло спросил судья и опять закашлялся.

— Да вот, — стражник махнул рукой, указывая на стену кладбища и маленькую хижину возле нее. — Труп там, внутри. Очень интересно.

— Необычайно интересно! — язвительно согласился Геторикс. — Убили нищего? Какая редкость! Он был пьян?

— Он был очень стар, — сказал стражник. Морщась и зажимая насморочный нос, Геторикс вошел вслед за стражником в хижину.

Там было темно.

— Здесь ничего не видно, — недовольно поморщился Геторикс. — Одни только запахи, а я не пес, чтобы делать выводы на основании... э... ароматов.

— Давайте разломаем дверь, господин судья! — предложил стражник. — Я уж думал над этим.

Геторикс иронически поднял брови. Он и сам не понимал, почему его раздражает этот стражник, не-глупый и инициативный. Вероятно, потому, что является сегодня полной противоположностью своему начальству, отупевшему от простуды и ленивому.

— Развали уж сразу стену, — сказал Геторикс. — Я подожду снаружи.

Он вышел и остановился у стены кладбища, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Хижина тряслась, как живая, там ворочался стражник. Он сдернул дверь с петель, сорвал занавес, а потом, пользуясь, как тараном, обломком двери (которая тотчас развалилась в его руках на три части), вышиб кусок глиняной стены.

Из пролома показалась его голова.

— Господин судья! — позвал стражник. — Можно обратно заходить! Теперь тут светло.

Геторикс вздохнул и вернулся в хижину.

На полу лежал труп старика. Более безобразного, отвратительного и гадкого старикашки Геторикс в жизни своей не видывал. Даже бывалый стражник — и тот присвистнул.

— Ну и гадина! — вырвалось у него. Впрочем, он тотчас покосился на начальство и прикусил язык.

Но Геторикс был склонен согласиться с ним.

— Иные говорят, будто по внешности нельзя судить о человеке, но мне кажется, к данному случаю это высказывание не имеет отношения.

— После смерти, господин судья, все, так сказать, у человека наружу. Потому как он прикидываться перестает, — философским тоном рассудил стражник. — Вот, к примеру, живет гадина какая-нибудь, а на лицо очень даже любезно держится. И живет она, живет... А потом, как переселяется на Серые Равнины, — тут вся ее сущность на физиономии и намалевана. Гляди и соображай. Вот так я думаю.

— Вероятно, ты прав, — задумчиво молвил Геторикс, наклоняясь над стариком.

Тот был задушен. Лицо его, и без того жуткое, посинело, толстый язык был вывален изо рта и прикушен голыми деснами, глаза выпучились.

— Но самое любопытное не это, — продолжал стражник. — Это что, просто труп. А вот тут разные документы...

— Где? — судья резко повернулся.

— А везде, — ответствовал стражник. — Я почему вас позвал, господин судья. Старикан, вроде, из простых, из кладбищенских побиушек, но вот ни у кого из нищих, вы уж меня простите, не будет столько исписанного пергамента. И прочего. Он был из учених. Или ростовщик. Я ведь не разберу, что там написано.

Судья поднял несколько «бумаг» — обрывков пергамента, кусков коры, тряпок и даже остроган-

ных щепочек. Везде одно и то же — имена довольно известных в Тарантии людей и суммы.

— Что это? — проговорил он. — Долговые расписки?

— А здесь! — крикнул стражник, отбрасывая ногой в сторону груду полуистлевших тряпок и открывая яму, выкопанную прямо в полу. — Тут у него тайник был!

— Вероятно, там он хранил деньги. Денег, естественно, нет — их забрал убийца. А вот документы... Почему он оставил документы? Ведь этими долговыми расписками он мог шантажировать по крайней мере три почтенные фамилии... Нет, четыре... пять! — Судья быстро перебрал расписки. — Пять... да, пять. Здесь имена повторяются.

— Он их не заметил, — сказал стражник. — Про деньги он знал, а про расписки — нет. Да и выглядят они... — Он поморщился. — Я бы ни в жизнь не догадался.

— Нет, дружочек, ты-то как раз и догадался, — поправил его Геторикс. — Не надо скромничать. Ты ведь поэтому меня позвал, не так ли?

— Ну... — стражник опустил голову.

— Да, ты прав, ты прав. Тут было темно, убийца задушил старика, забрал деньги... и ушел... Возможно, он — один из этих пятерых... Нет ли здесь имени Грумента, а? Нет, вроде бы нет... Но все равно — крайне любопытно.

Он еще раз посмотрел на то, что держал в руках, а потом улыбнулся.

— Очень, очень интересно. Думаю, стоит доложить об этом королю.

Его величество находился в покоях, отведенных маленькой Цезонии. Девочка привыкла к мощной фигуре короля и перестала его бояться уже давно. Он не приносил ей сладостей или игрушек, но инстинктивно она чувствовала, что этот страшный, гигантский человечище относится к ней с любовью. Не то чтобы король, достигнув зрелого возраста, начал любить детей. Он вообще не разделял людей на детей, взрослых и стариков. Он разделял людей на тех, кто ему нравится, и тех, кто ему активно не нравится.

Первых он защищал и по-своему баловал, вторых истреблял без всякой пощады. В случаях, подобных делу Корацезии, Конан медлил, решая, к какой категории отнести данного человека.

А вот Цезония нравилась ему безоговорочно. Девочка рассказывала своим куклам бесконечные истории, катала их на деревянных лошадках, угождала сладостями, а потом заботливо вытирала подолом своего платьища их измазанные рожицы.

Конан попивал вино из кубка и поглядывал на эти игры.

Что еще было хорошо в Цезонии — она не приставала к другим людям с требованием рассказать ей историю или покатать на спине.

И о матери она тоже не заговаривала. Ждала, пока все решится.

Когда возле дверей покоя возник шум, Конан приподнялся на кресле и крикнул громовым голосом:

— Тихо! Мы отдыхаем!

— Это я, ваше величество, — проговорил Геторикс, всовывая на миг голову и тотчас исчезая. Стражник, получивший от короля четкие указания не пускать никого, даже Крома во плоти, утащил судью подальше от входа.

Конан поднялся и, тяжело ступая, направился в коридор. По дороге он осторожно перешагнул через девочку и тут же чуть не споткнулся о ее мячик. Король фыркнул, как рассерженный конь. Цезония весело помахала ему рукой.

— Что случилось? — осведомился Конан у Геторикса. Тот долго чихал и откашливался, прежде чем заговорить.

— Простите, ваше величество.

— Ну, говори, говори!

— Ваше величество, мы обнаружили убитого кладбищенского нищего.

— Крайне важное сообщение. Надеюсь, государство не пошатнется от этой потери, — сказал Конан.

— Он был задушен, ваше величество. В его хижине обнаружена пустая яма.

— О! — воскликнул Конан, закатывая глаза. — Пустая яма?

— Да, ваше величество, пустая, — не сдавался Геторикс. — Мы предполагаем, что в ней он хранил свои сокровища.

— Кто это — «мы»?

— Один из городских стражей и я.

— А она не была, случайно, отхожим местом?

— Нет, ваше величество. Будь это так, мы установили бы это по запаху, — сказал Геторикс и покраснел. Он вдруг понял, что король насмехается. — Простите, ваше величество! Я не вполне здоров и туто соображаю.

— Ладно, — сжался Конан. — Рассказывай, как можешь.

— Самое интересное — долговые расписки. Я забрал их.

— У нищего в хижине были долговые расписки?

— Именно. — И Геторикс вручил королю то, что забрал в доме Далзы. Молодой судья с удовольствием наблюдал за тем, как изменяется выражение лица Конана. Наконец король кивнул:

— Поразительно! А теперь, Геторикс, идем ко мне. Я велю Натизону принести тебе какое-нибудь снадобье от боли в горле. Надеюсь, он тебя не отравит. А потом, в тишине и покое, рассмотрим эти документы.. Я хочу, чтобы ты прочитал их мне. Стоит обсудить, кто в Тарантии и почему задолжал какому-то кладбищенскому нищему. Так ты говоришь, речь идет о немалых суммах?

События в Тарантии опережали короля, и Конану это не нравилось. Следующая же ночь принесла очередную неожиданность.

Некий пьянчужка, возвращаясь домой и проходя мимо кладбища, увидел странную картину. Настолько странную, что поначалу не поверил своим глазам.

Солидный господин в хорошей одежде... Точнее, эта одежда некогда была хорошей, а теперь пообносила и выглядела так, словно ее владелец несколько ночей провел в выгребной яме... Так вот, этот господин перелезал через кладбищенскую ограду.

Спрашивается: что делает упитанный, хорошо одетый (хоть и чумазый) человек ночью на кладбище? Обворовывает могилы? Сомнительно.

Пьянчужка ни жив ни мертв прижался к стене, стараясь скрыться в тени. В лунном свете мелькнуло лицо странного человека, и тут уж бедняге соглядатаю пришлось прикусить язык, чтобы не вскрикнуть от ужаса: он узнал этого ночного гуляку. То был владелец таверны «Колесо и мышь», с которым у пьянчужки случались разнообразные столкновения.

Но не это устрашило его. А то прискорбное обстоятельство, что сей владелец таверны был мертв не менее луны и мирно покоился в своей могиле.

— Ой-ой, — прошептал пьянчужка, не сводя побелевших глаз с мертвца, который шатающейся походкой удалялся по улице, направляясь в центр города. — Ой, что это делается...

Он задохнулся и приложил ко рту ладони. Потому что над оградой показалась вторая голова. Лицо выглядело ужасно — белое, с отвисшими щеками и

провалившимся ртом. Этот, хоть и был пьянчужке незнаком, тоже был мертв. И пролежал он в земле несколько дольше, чем первый. После второй или третьей попытки покойнику удалось забросить ногу на ограду. Он подтянулся на руках, потерял палец (на что не обратил внимания) и неловко свалился на землю по другую сторону кладбища. Он находился в каких-то двадцати шагах от потрясенного наблюдателя.

До пьянчужки доносились запахи раскопанной земли и разложения. Его едва не вырвало — одни боги знают, как ему удалось удержаться и не завопить от страха и отвращения. А кошмар продолжался. Второй покойник вел себя точно так же, как и первый, — он осторожно побрел по улице.

Не желая больше находиться рядом с этим жутким местом, пьяница полетел по переулкам и мчался до тех пор, пока не оказался на площади, где стоял королевский дворец.

Конечно, дворец — не место для загулявших пьяниц. Это он кое-как понимал — краем воспаленного, истерзанного ужасом сознания. Но идти к себе домой он боялся. Мертвцы могут быть везде. Здесь хотя бы стоит стража.

В любое другое время наш пьянчужка избегал бы общества стражников. Потому что он не только любил употреблять горячительные напитки, но и прикладывал время от времени некоторые не вполне законные усилия к тому, чтобы их раздобыть. Говоря проще, подворовывал на рынке.

Но сейчас стражники показались ему милее родных братьев. Аквилонские гвардейцы, обычно невозмутимые верзилы, которых трудно смутить, — и те вздрогнули и отпрянули, когда из темноты, завывая и захлебываясь слезами, к ним выскоцил оборванный человечек и бросился перед ними на колени. Он простирая к ним чумазые руки, весь трясясь и бормотая бессвязное.

— Уйди ты, — брезгливо выговорил наконец один из стражников. — Что ты здесь делаешь? Иди, проспись. Здесь тебе не кабак. Ты хоть знаешь, куда прибежал?

— Спасите, — лепетал пьяница. — Они везде...

— Кто? — полюбопытствовал второй стражник, наклоняясь к ползающему по мостовой пьянице и качнув при этом алебардой. — Кого ты увидел?

— Мертвецы...

— Пьяный бред, — сказал один стражник другому.

— Нет, клянусь! Клянусь богами! Почтенные стражники! — взвыл несчастный, видя, что его сейчас прогонят. — Не оставляйте меня одного! Здесь страшно! В Тарантию пришла порча!

Он так умолял, так пресмыкался и плакал, что стражники в конце концов позволили ему провести ночь рядом с ними, поставив единственным условием: замолчать и не двигаться.

А утром стало ясно, что все эти ужасы бедолаге не привиделись. Несколько человек в Тарантии были найдены мертвыми — задушенными, с проломленной головой, зарезанными в собственном доме.

Конан был мрачнее тучи, когда судья докладывал ему о происшествиях в столице.

— Соображения? — спросил наконец киммериец. Судья молча развел руками.

— Ладно. Кто из погибших числился в расписках, которые ты нашел в хижине кладбищенского нищего?

Таковых оказалось двое. Однако остальные тоже каким-то боком — Конан чуял это! — имели отношение к задушенному старику.

Судья Геторикс наконец решился и высказал свое мнение:

— Ваше величество, между этими людьми есть нечто общее.

Конан взвел левую бровь, показывая, что внимательнейшим образом слушает.

— Все они унаследовали некоторое состояние от своих родителей.

— Это довольно распространенное явление, — сухо заметил король.

— Все они вступили в наследство недавно, — упорно продолжал Геторикс. — Самое раннее — две луны назад. После скоропостижной кончины богатых родственников.

— А это уже интереснее, — сказал король. — И знаешь, что я думаю?

— Вероятно, то же, что и я, — отважился Геторикс.

Король откинулся на спинку кресла и удовлетворенно улыбнулся.

— Говори.

— Я думаю, что все эти мертвецы были изведены колдовством. Что наследники побывали у известного нам кладбищенского нищего и заплатили ему, чтобы тот провел ритуалы черной магии. Что некоторые из них расплатились с колдуном деньгами или драгоценностями, а другие оставили долговые расписки. И что после смерти черного мага сила его чар ослабла, и мертвецы начали выходить из могил, чтобы отомстить тем, кто стал причиной их смерти.

— Молодец! — рявкнул Конан. — Я вижу, что не ошибся, назначив тебя на должность судьи. Отлично, друг мой. Превосходно. Теперь осталось выяснить, где же украденные у кладбищенского нищего драгоценности. Что ты думаешь об этом?

— Я думаю, что один из клиентов колдуна — господин Грумент. Он вызвал гнев черного мага и послужил причиной появления в городе оживших мертвецов. И драгоценности у него.

— Именно. Когда мы их обнаружим, виновник кошмара станет известен всей Тарантии. — Конан вдруг зевнул. Он плохо спал все это время. — И мы сможем его с чистой совестью... а-ах... — Зевая, король едва не вывихнул челюсти. —... четвертовать.

— Есть свидетель, — сказал вдруг Геторикс.

— Какой свидетель? — насторожился Конан.

— Один пьянчужка. Он первым увидел, как мертвецы выбираются из могил. Он был так напуган, что прибежал ко дворцу и умолил стражников оставить его ночевать в казарме.

— Он до сих пор там? — заинтересовался король.

— Да, ваше величество. Наотрез отказывается выходить.

— Я хочу видеть этого отважного пьяницу, — заявил король.

И Конан вместе с Геториксом немедленно отправился в казарму.

Бедный пьянчужка забился в угол помещения и глядел по сторонам ошалевшими выпущенными глазами. У него болела голова, но никто из бессердечных стражников не догадался дать ему вина. Он был также голоден, но об этом даже не заикался. Умереть от голода и жажды представлялось ему лучшей участью, нежели погибнуть от лап живого мертвеца.

Конан вошел в казарму и с любопытством посмотрел на «свидетеля».

— Эй, ты, — позвал король. — Иди-ка сюда.

— Я? — ужаснулся чему-то пьянчужка.

— Ну да, ты. Как тебя зовут?

Пьянчужка задумался.

— Ну... Тибур.

— Тибур? Не тот ли Тибур, которого прошлой луной публично высекли на рыночной площади за кражи?

— Нет, нет. Совсем другой. Тот Тибур мне даже не родственник, — быстро сказал пьяница.

— Вина мне и Тибуру! — крикнул Конан громовым голосом.

Один из стражников немедленно подскочил к королю с кувшином. Конан уселся за стол, который

действительно был немного сдвинут с места, и поманил Тибура пальцем.

— Иди, иди. Ты ведь хочешь выпить?

— Больше всего на свете, — искренне сказал Тибур.

— Садись и пей. Расскажи мне обо всем, что ты видел.

— Ладно, господин. Все расскажу без утайки... — Тибур выбрался из своего угла, приблизился к Конану и вдруг затрясся всем телом. — Вы ведь... вы ведь король? Конан? Ваше величество?

Он повалился на пол лицом вниз. Конан легонько подтолкнул его ногой.

— Да, я король, а ты сейчас сядешь рядом, выпьешь со мной вина и обо всем расскажешь. А потом, если я решу, что ты достоин награды, я дам тебе пару монет.

— Выпить с королем — вот награда... — пробормотал Тибур. Он осторожно уселся на краешек скамьи.

... И до конца дней своих потом рассказывал по тавернам, как пил с самим Конаном-Киммерийцем, королем Аквилонии. Ему, естественно, не верили, но охотно угощали выпивкой — лишь бы послушать страшную историю о живых мертвецах и королевской награде — двух золотых монетах, которые Тибур носил на веревочке на шее.

Однако не следует так далеко забегать вперед. Отпустив Тибура, пьяного от счастья, Конан вернулся во дворец. Его уже ждала небольшая делегация

из двух десятков почтенных граждан, как доложил его величеству дежурный капитан стражи.

— Пустить, — махнул рукой король. — Чем скорее я узнаю все новости, тем лучше. И распорядись, чтобы мне подали завтрак в зал для приемов.

Таким образом, когда делегация была допущена к королю, его величество сидел на троне, держа на коленях большое блюдо с мясом и лепешками, и ел.

— Говорите, — обратился к вошедшим король, жуя.

— Но ваше величество... — попятился один из делегатов, важного вида мужчина в черной бархатной одежде. — Мы не смеем мешать...

— Я же сказал — говорите! — рявкнул король с набитым ртом. — Мне некогда. Я не могу позволить себе сперва позавтракать, а потом выслушать новости. Слишком быстро все происходит.

— Ваше величество прав, — произнес другой посетитель, худощавый человек зим тридцати. — Мы напуганы. Мы, уважаемые жители Тарантии, боимся живых мертвецов. До вчерашней ночи мы полагали, что, законно вступив в права наследования, мы находимся в полной безопасности. Но случившееся...

Конан впился зубами в кусок мяса.

— Кстати, — сказал его величество спустя несколько мгновений, — а все ли из вас законно вступили в права наследования? Может, кто-нибудь прикончил своего богатого предка?

Грубый тон короля смущил многих. Но по-настоящему обозлились только двое, и Конан тотчас взял их на заметку.

— Нет, ваше величество, — от лица всех присутствующих важно проговорил господин в черном бархате. — Ничего подобного у нас и в мыслях не было.

Конан махнул ему рукой, чтобы замолчал, и обрызгал жиром бархатные одежды собеседника.

— Понятно, понятно, — произнес король. — Может не продолжать. Что вам угодно от меня?

Заговорил третий посетитель — совсем молодой человек, бледный, востроносый, с темными кругами под глазами.

— Мы все полагаем, что мертвецы оживают, потому что некто осквернил их своим черным колдовством.

— Согласен, — вытер губы король.

— Ваше величество повелел арестовать некую ведьму Корацезию, — продолжал востроносый. — Она совершенно справедливо содержится под стражей. Наши мертвые требуют возмездия. И возмездие возможно лишь одно: виновница их гибели должна быть уничтожена!

— Так вы признаете, что обращались к колдуна с просьбой извести ваших богатых родственников? — язвительно спросил король.

Востроносый отшатнулся, а остальные за его спиной принялись возмущенно перешептываться.

— Ваше величество не понял, — вмешался тот, что в черном бархате. — Мы вовсе не виновны в этом преступлении. Но ожившие мертвецы угрожают всему городу. И в их появлении мы обвиняем Корацезию. Мы требуем ее смерти!

— А, — сказал король и принялся ковырять в зубах. — Теперь понятно. Ступайте, добрые люди! Я сделаю все, чтобы ожившие мертвецы снова стали спокойными мертвецами и заснули вечным сном в глубоких могилах.

И властным жестом он показал, что аудиенция окончена.

Некий человек по имени Гавий не стал тратить времени и ходить к королю с прошениями. Едва прослышиав о том, что случилось в столице этой ночью, он мгновенно сделал определенные выводы и принял решение. Он собрал в мешок некоторое количество золотых монет и драгоценных камней, в другой уложил припасы, позвал слугу и велел подготовить двух лошадей и вьючного мула.

— Мы уезжаем из Тарантии, — объявил Гавий. — Ты будешь меня сопровождать.

— Могу я спросить господина, куда мы направляемся? — осторожно осведомился слуга.

— Пока что переправимся за реку Хорот, — нервно ответил Гавий. — Кто знает, может быть, они испугаются воды...

— Кто «они»? — спросил слуга и тут же склонился оплеуху.

— Не твое дело! Я же сказал — подготовь двух лошадей и мула. Навьючь на мула вот эти мешки. Встречаемся во дворе. Думаю, за седмицу добраться до Танасула. — Последнюю фразу он пробормотал под нос, явно разговаривая сам с собой. Слуга плю-

нул и, потирая щеку, на которой отпечаталась красная хозяйская пятерня, отправился в конюшню.

Вскоре они уже мчались, сломя голову, к перевправе через реку чуть севернее столицы. Слуга был почти уверен, что дело именно в том странном ночном происшествии. Служанки на базаре (которые всегда и все знают в самых подробных деталях) говорят — мертвцы убивают тех, кто извел их порчей. А старший сводный брат Гавия скончался не так давно — и от очень странной болезни. Самым странным в этой хвори была ее внезапность. Старший Гавий был здоров, как бык, и вдруг начал чахнуть на глазах. И тотчас объявился Гавий-младший и заявил о наследстве.

Прошлое — такая неприятная штука! Особено если оно подозрительное. И особенно — если оно упорно не желает оставаться в прошлом и все время лезет в настоящее, вмешиваясь в ход событий.

Утро не предвещало никаких бед. Колесница Митры уже показалось из-за окоема. На траве искарилась роса, река медленно несла свои воды на свидание к притокам — Тайбору и Красной, чтобы потом, объединившись, влиться в бескрайнее море возле Мессантии. То и дело по водной глади расходились круги — там плескала рыба.

Переправа была уже видна вдали. Перевозчик, конечно, еще спит — в такое время суток желающих переправиться за реку найдется немного. Но ничего, его разбудят. А золотая монета подбодрит его и заставит хорошенъко потрудиться. Так раз-

мышлял Гавий, вглядываясь вперед. Слуга угрюмо тащился за ним. Если ожившие мертвцы не успокоятся, пока не прикончат всех, кто свел их в могилу, то ему, Деку, который много зим служит семейству Гавиев, лучше бы держаться подальше от молодого наследника.

Дек поскреб затылок, размышляя о происходящем. Конечно, лучше всего было бы сейчас дать дерьму. Но у хозяина лошадь лучше — догонит, и тогда... Рука у молодого Гавия тяжелая. И Дек опять потер щеку.

Перевозчик, как ни странно, не спал. Сидел себе на берегу и как будто поджидал пассажиров. Это насторожило Дека, но обрадовало Гавия.

— Смотри! — он подтолкнул слугу в бок. — Кажется, мы оторвались от погони. Если тот, о ком я думаю, и преследует нас, мы будем на противоположном берегу реки прежде, чем он доберется до переправы. Очень хорошо! А я обрублю канат, и паром выйдет из строя до вечера... К вечеру мы будем далеко отсюда.

Дек угрюмо поглядел на хозяина, но промолчал. Ему не хотелось поддерживать разговор.

Тем временем паромщик медленно поднялся и не спеша заковылял навстречу Гавию и его слуге. Он шел вразвалку, как будто ему трудно было волочить по земле ноги. Эта походка заставила Дека насторожиться. Что-то показалось ему подозрительным. Он не мог сказать — что именно. Просто... нехорошо как-то.

Не могли высказать своего мнения и бессловесные твари — лошади и мул, но их поведение говорило само за себя, таким выразительным оно было. Мул, всегда такой смирный и покладистый, вдруг бешено раздул ноздри, заржал и поднялся на дыбы, а потом повернулся и что есть духу галопом пропустил прочь от переправы. Не лучше вели себя и верховые лошади. Как ни пытались управлять ими всадники, они бесились, брыкались и в конце концов сбросили на землю седоков, после чего побежали вслед за мулом.

Гавий, сидя на земле и потирая ушибленную спину, глядел, как удирают его животные. Вместе с мулом от него стремительно удалялись немалые сокровища и припасы, столь необходимые в дороге. Однако страх смерти пересилил алчность. Мертвому богатства не нужны, это всякий знает. И Гавий с трудом поднялся на ноги. Теперь и он ковылял не хуже перевозчика. А тот был уже довольно близко.

Дек поскорее отполз в кусты. Самое время бежать! Хозяин слишком занят собой — сейчас он вовсё позабыл о слуге. Но скоро Гавий вспомнит о нем. Вспомнит — да будет поздно! Нет уж. Старый Дек не такой болван, каким кажется. Старый Дек потихоньку покинет его и вернется в Тарантию, в обжитой дом в центре столицы. И будет жить там, сторожить дом и хозяйское имущество, пока не объявится какой-нибудь дальний родственник.

Потому что с теперешним Гавием — и Дек видел это слишком ясно — покончено.

Паромщик приблизился к Гавию вплотную — рыхлая, воняющая землей туша. Почекневший рот раскрылся, пахнуло гнилью.

— Ну что, сводный братец? — низким, рокочущим голосом произнес «перевозчик». — Вот мы с тобой и встретились!

Дикие вопли Гавия долго еще преследовали убегающего Дека, пока тот, не разбирая дороги, несся вдоль реки, обратно в Тарантию.

Грумент, проснувшись в своем особняке, обнаружил — к собственному возмущению — что в доме нет ни одного слуги. Все разбежались кто куда. Поначалу он приписал это какому-то мятежу, который, вероятно, начался в столице. Ничего удивительно — при правлении короля-варвара!

Однако ближе к полудню кое-какие слухи стали доходить и до Грумента, который отважился выйти на улицу и прогуляться. Никаких признаков мятежа он не обнаружил; равно никто из врагов не пытался штурмовать столицу Аквилонии. Ничего такого. И все же прохожие выглядели бледными и взволнованными, и на всех углах, на площадях, возле фонтанов собирались зеваки по двое, по трое, а то и небольшой толпой. Все они переговаривались, взволнованно размахивая руками.

На одном углу Грумент вдруг заметил своего раба и устремился к нему. Однако раб при виде хозяина побелел, как стена, возле которой он околачивался, подскочил на месте — точно узрел призра-

ка — и бросился бежать со всех ног. Толпа сомкнулась, не пропуская Грумента и позволив нерадивому слуге скрыться.

— Что происходит? — выкрикнул Грумент, с ненавистью разглядывая глупые рожи, которые пялились на него со страхом и отвращением. — В чем дело? Куда все разбегаются? В городе моровая язва?

— Хуже, господин, — промямлил один из простолюдинов, которого Грумент ухватил за горло и тискал, не на шутку угрожая придушить. — Ожившие мертвецы! Нападают на богачей!

Грумент отпустил зеваку и широкими шагами удалился. Он возвращался домой. Тарантия охвачена паникой. И Грумент лучше, чем кто бы то ни было, догадывался о причинах этой паники. А это означало...

Это означало, что проклятый король-варвар либо уже все знает, либо скоро пронюхает правду и явится прямиком к Грументу.

Конан ненавидел магию и не делал из этого тайны. И Грументу лучше поостеречься. Покинуть столицу так, чтобы об этом никто не знал, ему уже не удастся — за его домом наверняка следят. И то неслыханное, о чем шепчутся на улицах, то, что восстало из могил, взыавая к отмщению и справедливости, тоже стережет Грумента. Оно может оказаться где угодно. Самым безопасным местом является особняк.

Грумент забаррикадировал двери, закрыл окна ставнями, обложился оружием и стал ждать.

Времени прошло совсем немного, когда в дверь постучали. Грумент усмехнулся, но даже не пошевелился. Если им так нужно войти, пусть ломают дверь. Это займет у них немало времени. А к тому моменту, когда стражники будут здесь, они изрядно подустанут, и справиться с ними не составит большого труда.

— Откройте именем короля! — раздался чей-то громовой голос.

Почти сразу внизу что-то рухнуло. Грохот раскалился по дому. Грумент вскочил. Как быстро! Сколько же там народу? Они, похоже, решили штурмовать дом, словно вражескую крепость! Уж не таран ли они с собой прихватили?

Но все оказалось гораздо хуже. Нет, тарана с городскими стражниками не было. Зато с ними был сам король Конан, собственной персоной. В сером плаще с капюшоном, с обнаженным мечом в руке, киммериец ворвался в комнату, где отсиживался Грумент.

Тот вдруг узнал соглядатая, который шпионил за его домом. Так вот кто был тот неведомый человек! Так вот почему наемные убийцы так и не явились за своей платой! Ничего удивительного — король Конан мог передушить их одной рукой, как слепых щенков.

И теперь этот страшный человек, этот варвар на королевском троне, стоял перед Грументом и весело улыбался — как будто они встретились за кружкой доброго темного эля где-нибудь в таверне.

— Я предлагаю тебе положить оружие и сдаться, — сказал Конан. — Поведаешь обо всех своих преступлениях, и я позабочусь о том, чтобы твое упитанное тело не досталось на завтрак мертвцам.

— Я не совершил никаких преступлений! — выкрикнул Грумент в отчаянии и поднял меч.

— Почему-то я сильно сомневаюсь, — ответил Конан. — Но если ты хочешь — сразимся. Надеюсь, ты умеешь владеть этой железкой, в которую ты вцепился, точно в грудь матери?

Зарычав, Грумент кинулся на короля. Стражники, которые поднялись в комнату вслед за его величеством, столпились у входа. Никому из них не приходило в голову вмешаться в поединок. Они уже знали, что король Конан терпеть такого не мог. После боя виновник получит плетей, а то и вовсе вынужден будет покинуть Тарантию и королевскую службу. Поэтому они просто наблюдали, время от времени разражаясь воплями и издевательским хохотом.

Грумент огромными прыжками скакал по комнате, то и дело налетая на громоздкую мебель. Конан, точно дикая кошка, скользил за ним. И непрерывно улыбался. В полуутёмной комнате с закрытыми ставнями то и дело вспыхивала белозубая улыбка варвара, ослепительная на загорелом обветренном лице.

Затем последовал выпад. Один-единственный. Меч вылетел из руки Грумента и с низким звоном вонзился в деревянные ставни. Грумент метнулся к своему оружию, но Конан, совершив мгновенный,

неуловимый для глаза прыжок, оказался у него на пути. Улыбаясь, король покачал головой.

— Даже не думай об этом, вонючка. Ты арестован. Моим именем ты будешь препровожден к месту казни... Берите его, ребята! — обратился он к стражникам, и они, как спущенные с привязи цепные псы, кинулись на осужденного.

Пока крепкие солдатские руки вязали преступника, король Конан стоял над ним, широко расставив ноги, и перечислял назидательным тоном — как будто делал внушение напроказившему ребенку:

— Ты, дорогой мой, обвиняешься в клевете. Из-за тебя чуть не казнили неповинную женщину. У бедняжки ведь есть ребенок, ты не знал? Девочка. Очаровательная малышка. Не в пример тебе, отродье Зандры. Ты обвиняешься в том, что обратился к тайному магу. Магия в Тарантии запрещена. Забыл? Ты убил родного отца. Очень скверный поступок. А потом убил и тайного мага. Это единственный хороший поступок в твоей жизни. Но вот грабить его не следовало. Следовало отнести все его золото в мою казну, а заодно сдать туда и долговые расписки... Тощите его, ребята! — последняя фраза была обращена к солдатам.

И Грумента, связанного по рукам и ногам, вытащили из его собственного дома и с шутками и издевательскими воплями потащили по улицам Тарантии.

Герольд в полном официальном облачении ждал Конана внизу. Он возглавил шествие, по дороге выкрикивая:

— Смотрите, жители Тарантии! Смотрите на человека, из-за которого мертвецы вышли из могил! Смотрите и на нашего доброго короля, который схватил его и сейчас предаст справедливой казни! Смотрите! Смотрите, жители Тарантии!

И жители Тарантии выбегали из домов, останавливаясь на пороге, и выглядывали из окон; они вылезали из сточных канав и выбирались из таверн, они останавливали телеги и лошадей, чтобы увидеть убийцу — сообщника колдуна. Они приветствовали Конана и собирались толпами, чтобы бежать за процессией и собственными глазами увидеть, чем закончится вся эта ужасная история.

Вот уже показалась длинная стена, отгораживающая кладбище от мира живых. Конан велел стражникам внести связанного Грумента на кладбище и там привязать к дереву.

Грумент заговорил, прервав долгое молчание.

— Ты не сделаешь этого, проклятый варвар! — зашипел он, пытаясь плюнуть в Конана. Слюна беспародно текла у него по подбородку.

Конан смотрел на него холодными синими глазами. Ни один мускул не дрогнул на суровом лице короля.

— Я сделаю это, — после короткой паузы ответил король. — И вся Тарантия станет свидетелем твоей позорной смерти.

Он велел стражникам оставить возле осужденного факелы — на тот случай, если ждать придется до темноты, — и убираться из опасного места. То же

самое он посоветовал сделать и зевакам. Королю не пришлось прибегать к помощи герольда: когда он хотел, его зычный голос легко раскатывался на большое расстояние, и горожане тогда вспоминали, что их королю доводилось командовать армиями.

— Уходите! — крикнул Конан. — Вы можете смотреть за происходящим издали! Зрелище того стоит, хотя оно опасно!

И сам, подавая пример, вышел с кладбища. Впрочем, короля вскоре увидели на крыше одного из домов. Там он устроился с большим удобством — польщенные хозяева дома, небогатые и совсем незнатные люди, принесли его величеству свой лучший матрас и шелковое покрывало.

Прошло совсем немного времени, и на кладбище началось шевеление. Медленно закачались кусты, потом с громким скрипом отодвинулся в сторону могильный камень... Приподнялся кусок дерна... Отовсюду протянулись полусгнившие руки с отросшими за время лежания в могиле ногтями. Показались мертвецы.

Вперед выступил один из них в хорошо сохранившейся парчовой одежде. Его голос звучал низко и сипло из-за того, что голосовые связки уже тронуло разложение.

— Мой сын! — произнес он медленно, прилагая все усилия к тому, чтобы четко выговаривать слова. — Я любил тебя!

Грумент дрогнул. Веревки, удерживающие его у ствола дерева, натянулись, жилы на шее осужденно-

го напряглись, лицо посинело от тщетного усилия освободиться.

— Нет! — завопил он. — Конан! Освободи меня! Мой король! Спаси меня!

Молчание было ему ответом.

— Тебе нет надобности возвращаться в тот дом, — сказал Конан Корацезии, когда судья Геторикс представил ее королю.. Корацезия, в новом красивом платье со шнурованным лифом, застыла в поклоне. Конан с удовольствием рассматривал эту женщину, зрелую, с пышными волосами и мягким взглядом круглых светлых глаз.

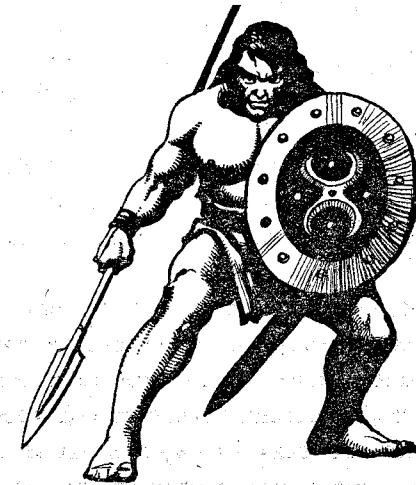
— Ваше величество, — пролепетала Корацезия. Она явно не знала, что сказать.

— Я с удовольствием видел бы тебя во дворце, — продолжал король. — Надеюсь, ты хорошо чистишь серебро... Да и твоя дочка, кажется, привыкла к этим покоям.

— Благодарю, — прощептала Корацезия.

— А если тебе захочется снова выйти замуж, — продолжал король, бросая на Геторикса косой, лукавый взгляд, — то, полагаю, препятствий тебе никто чинить не станет. Во всяком случае, ты и твой избранник всегда вправе рассчитывать на поддержку своего короля!

ЗМЕЯ И МУМИЯ

еликая жрица Хат хранила спокойствие.

Торжественно ревели длинные, спиралью закрученные трубы. Их медные бока жарко вспыхивали на солнце. Процессия струилась по дороге туда, где перекрещивались тени двух каменных львов. Туда, где на волнах боли жрица Хат доплынет в запредельное жилище Сета.

Целую луну назад она догадалась о своей участии и готовилась к ней. Жрицы и прислужницы Верхнего храма не принадлежат себе. Они окружены почетом и довольствием, у них много привилегий и всюду встречают их, угадывая каждое желание. Люди низших сословий не смеют даже наступать на их следы, оставленные в пыли. Но случается так, что приходится им умирать, дабы лично умилостивить разгневанное божество.

Хат и четыре ближайших ее помощницы начнут умирать уже сегодня. Смерть будет долгой.

Редкие пальмы взмахивают над дорогой жесткими листьями. Их резная тень ложится на лицо Хат и тотчас убегает прочь. Помощницы сдерживают

слезы, а иногда начинают растерянно улыбаться. Им трудно идти, и временами стражники почтительно поддерживают их под локти. Бедняжки, кажется, не верят в то, что произойдет с ними совсем скоро.

Святилище Верхнего храма было разграблено. Дерзких воров не нашли. Три дня жрицы проводили обряд, не останавливая действия ни на мгновение. Но крокодилы отворачивались от жертвенного мяса. Змеиная голова изваяния Сета почернела от гнева. Если жрицы не умрут, на страну обрушится голод и мор. Смерть опустошит цветущую долину великой реки Стикс. Такое уже случалось раз или два за последние три столетия. Каждая жрица знает, что это может произойти и с ней. Что ж, Хат — не преступница. Лютая мука, ожидающая ее, — не позорное наказание, а обязанность. И Хат исполнит ее с честью.

Издали каменные львы кажутся огромными, а вблизи они подавляют. Внутри этих чудовищных сокрушений — алтари Среднего храма, сокровищницы и хранилища древних знаний. Жрецы здесь — мужчины. Их положение ниже, чем у жриц. Ритуал очищения болью не коснется служителей Среднего храма. Если кто-то из жрецов провинится перед божеством, его просто забьют палками, привязав к доске. Даже пустынный шакал не достоин такой жалкой гибели.

Сердце в груди жрицы глухо стукнуло, когда она увидела вблизи место совершения последнего ритуала в ее жизни. А одна из ее помощниц вдруг рванулась в сторону, вскрикнув. Ее удержали. Она

тряслась мелкой дрожью и хваталась за горло, словно надеялась задушить себя и избавить от мук. Прочие держались лучше.

Жрица Хат властным жестом подозвала к себе Натхута — служителя Нижнего храма, презренного раба с лицом, изуродованным клеймом. Жрецы этой касты отправляли почти все ритуалы, связанные со смертью. Именно им предстояло сегодня совершать кровавый обряд.

Натхут, как и положено, подошел к ней на три шага, опустился на колени и безмолвно замер.

— Этую уведите назад, — велела Хат, указывая на рыдающую жрицу. — Она не готова сегодня. Ей же хуже. Будет умирать вместе с рабынями.

— Повинуюсь, величайшая, — торопливо отвечал Натхут.

— Пора, — обратилась Хат к остальным прислужницам и первая подошла к палачам.

Пока ей помогали раздеться, она смотрела на медное изваяние, словно ища поддержки. Медь статуи была холодной и влажной. Почекневшая змеиная голова уставилась в пустоту — казалось, глаза ее прикрыты кожистой пленкой. Но внезапно пленка исчезла, и ледяной, царапающей сердце взгляд этих глаз заставил жрицу содрогнуться. От ее величавого спокойствия не осталось и следа. Но руки Хат уже крепко связали за спиной. Палач смазывал блестящим черным жиром поверхность толстого отполированного шеста с заостренным концом. Силы оставили Хат, и она преклонила колени, словно ей

подрубили ноги. Потом легла лицом вниз. Трубы загудели с новой силой. Их голоса заглушили вскрик, который испустила жрица, когда острье проникло в ее тело.

Шест установили вертикально. Хат хрипло дышала — боль пожирала ее изнутри. Дерево медленно пронзalo плоть, вгрызаясь сзади, расширяясь, раздирая внутренности. Змеиноголовое божество жадно следило за агонией обнаженного тела.

Хат видела, как извиваются и трясутся от боли ее помощницы, так же, как и она, посаженные на колья. И каждая из них избегала смотреть на изваяние, словно это было еще худшей мукой, имя которой — страх. Страх сильнее боли. Хат вдруг отчетливо поняла — когда тело, ослабленное страданием, перестанет удерживать в себе душу, медная статуя оживет. Душа будет проглочена, утонет в зловонной утробе, погрузится в бесконечный и бескрайний океан боли, от которой не будет избавления.

Трубы все пели и пели. Храмовая стража встала в карауле. Солдатам придется смениться пять или шесть раз, прежде чем жрицы испустят дух. Но за ними настанет черед других. Так хочет Сет змееголовый. Со стоном Хат опустила голову на грудь.

***

Рабов, предназначенных для постройки храма, перевозили по реке. С ними обращались бережно, как с дорогим товаром. Прятали от солнца под пальмовыми навесами, давали вдоволь еды. Они дол-

жны прибыть в хорошем состоянии. Басру это мало утешало. На ярмарке рабов ему сказали товарищи по несчастью: «Глупец! Чего радуешься? Думаешь, тебе придется подливать масла в светильники и чистить храмовую утварь? Как бы не так! Будешь долбить камень, дышать ядовитой пылью и подыхать от жажды. На строительстве в Стигии раб живет не больше месяца, и живет паршиво. Лучше бы тебе умереть по дороге».

Над этим Басра и размышлял. Папирусная лодка бежала по реке. Зеленоватая вода на вид была прохладной и ласковой. Но в ней таилась смерть. Рабов на лодке не охраняли по одной простой причине: мало кто отважился бы спрыгнуть за борт. А если бы такой и нашелся — не доплыл бы до берега. Его сожрут крокодилы.

Прежний хозяин Басры умер. Он был хорошим человеком, редко наказывал рабов, а под старость впал в детство. Его нужно было смешить и развлекать, да время от времени водить в баню — вот и все обязанности. Рабы распоряжались в его доме, словно свободные люди. Это очень не понравилось наследникам, и они решили избавиться от избаловавшихся дармоедов. После съесты и благодеяния очутиться в Стигии, да еще и на самых тяжелых работах — это был удар.

— Посмотри на меня! — кричал Басра перекупщику. — Какой я строитель? Я — нянька! Я — образованный! Я умею подавать лекарства! Я не держал в руках ничего тяжелее метелки для пыли.

Но перекупщик смотрел на Басру пустыми серыми глазами и ухмылялся.

— Я решусь! — сказал себе Басра, когда огромная рептилия показала из воды черную спину в четырех локтях от борта лодки. Он зажмурился и уже хотел кинуться в воду, как чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо.

— Плохой выбор — удел неудачника! — произнес густой низкий голос с сильным северным акцентом.

Басра обернулся. Огромный белокожий мужчина насмешливо смотрел на него сверху вниз. Ветер трепал гриву его черных спутанных волос.

— Отвяжись! — сказал Басра. — Не мешай! Можно подумать, ты с удачей на короткой ноге. Что, в таком случае, ты делаешь здесь, счастливчик? Ты ведь такой же раб, как и я, не так ли?

— Не так, — коротко ответил великан.

— А почему у тебя на шее ошейник?

— Отойди от борта, — сказал незнакомец. — Ты мне нужен живым.

— Я?

— Именно ты. Без темнокожего помощника у меня ничего не выйдет.

Басра задохнулся от возмущения.

— Эй! Эй! — воскликнул он. — Я куплен подрядчиком из Стигии, а к тебе в помощники не нанимался!

— Ладно, прыгай, — пожал плечами длинноволосый великан. — Мне нужен умный чернокожий, а ты, я вижу, — дурачок.

С этим он отошел под навес, занял свободное место и разлегся, подложив под голову огромные кулаки.

Басра постоял, помялся, но прыгать ему расхотелось. Улучив момент, он подобрался к своему странному собеседнику и легонько толкнул его под бок.

— Ну? — белый человек открыл один глаз.

— Не так я и глуп, — сказал Басра. — Ты что-то замыслил, верно, братец? Знаешь, что я тебе скажу? Ты прав. Плохая была идея, да? У тебя есть лучше?

— Есть, — спокойно ответил незнакомец.

Прочие рабы под навесом спали, одуревшие от бесконечного движения по реке. Дремал и надсмотрщик, нахлебавшись рисового пива. По его обрюзгшему лицу ползала большая муха.

— Когда лодка доберется до гавани, я убегу, — сказал незнакомец. — Присоединяйся.

— А почему ты не убежал раньше? — осторожно осведомился Басра.

— У меня есть дельце в Долине Смерти. С этой лодкой мне по пути. Если бы я избрал другой путь, потерял бы много времени.

Басра округлил глаза.

— Ты хочешь сказать... — начал он, но незнакомец перебил его:

— Объясню потом. Слушай главное. Поможешь мне — получишь свободу. Возможно, даже обогатишься.

— Свободу? — переспросил Басра. — Насовсем?

— Открою тебе одну тайну, — с ленцой в голосе

произнес белокожий. — Свобода бывает только на-совсем. Или никак.

Пораженный этой мыслью, Басра глубоко призадумался.

* * *

Случилось так, что Конан гостил некоторое время у своего друга, знатного вельможи из Султанапура, по имени Али-Бекр. Некогда им довелось пережить вместе опасности и приключения, о которых мы когда-нибудь еще расскажем.

Конан явился к нему в дом, зная, что к его услугам будет все, что только может позволить гостеприимство вельможи. Киммериец нуждался в отдыхе и лечении — сражаясь с наемными убийцами, он получил несколько ран, от которых любой другой не мешкая отправился бы к праотцам. Но могучее здоровье серевянина оказалось сильнее отравленных стрел. Тем не менее, ему следовало набраться сил для новых подвигов, чтобы приблизиться к своей заветной мечте — королевскому трону. Богатый дом друга, обставленный с изысканнейшей роскошью и комфортом, — что было бы более кстати!

И варвар не обманулся в своих ожиданиях.

Али-Бекр остыпенился, погрузил, но в его сердце по-прежнему жила дружба, и он приветил Конана, словно родного брата.

Четыре дня Конан отсыпался, прохлаждался в тенистом саду, услаждал себя яствами, питьем и ласками хозяйских наложниц. А на пятый заметил,

что его друг уже не тот веселый любитель жизни, каким был прежде. Печаль и тоска заставили помутнеть его взор, в бороде показались серебристые нити. Не слышно было его тонких шуток, острых, как хорошая приправа. Теперь он все чаще вздыхал.

— Что с тобой? — спросил варвар напрямик. — Тебя одолевают враги? Пойдем и убьем их. Какая-нибудь красотка пленила твое воображение? Выкрадем ее — уверен, она не будет против, едва лишь взглянет на тебя.

Вельможа смешался.

— Если я расскажу тебе о своем горе, — молвил он, — ты подумаешь, что я прошу тебя о помощи. А это противоречит законам гостеприимства.

— Я знаю, что такое гостеприимство, — оскорбился Конан. — Но если ты и дальше будешь запираться, то я обижусь. А гостей не обижают.

— Ты — друг, — кивнул Али-Бекр. — А от друзей не делают секретов. Знай же, о беспокойнейший из варваров, что моя жизнь пропитана горечью, и подсластить ее не могут даже стихи, не говоря уже о женщинах и вине.

В том, что касалось поэзии, Конан разбирался плохо, однако два последних названных Али-Бекром лекарства всегда ему помогали.

— В чем же дело? — спросил он в недоумении.

— Семнадцать зим назад умерла одна из моих жен, — начал вельможа. — Это грустно, но цветам суждено увянуть. Все умрут, умрем и мы с тобой...

— Ясное дело, — вставил Конан нетерпеливо.

— Она подарила мне дочь. Ребенок рос в моем доме и превратился в прекрасную пэри. Я нарек ее Балзу, что в переводе на твой язык означает «Танец луны».

— Что же с ней стряслось?

Али-Бекр горестно покачал головой.

— При дворе моего государя объявился прошлой зимой один человек. Его звали Патхэб. Он выдавал себя за двоюродного брата принца Стигии, хвастал своим богатством, задаривал всех золотом и драгоценными камнями. Это снискало ему успех при дворе...

— Стигиец! — зарычал варвар, приподняв верхнюю губу, как дикий зверь. — Лучше иметь дело с плюющейся коброй, чем со стигийцем!

— Не могу не согласиться с тобой, мой добрый друг, — подтвердил Али-Бекр. — Многие женщины из знатных домов воспылали к нему страстью. Страсть эта не была похожа на обычное вожделение. Скорее, он околдовывал их... В его присутствии они превращались в кукол, послушных его воле. А потом эти женщины стали пропадать. Они исчезали без следа. Конечно, негодяя заподозрили, но Патхэб шутя отвел все обвинения и даже позволил обыскать свой дом. Разумеется, никого из пропавших женщин там не нашли...

Последней исчезла Балзу. Как я, самый жалкий из отцов, не заметил, что бедняжка попала под влияние коварного обольстителя!

А потом сгинул и Патхэб, внезапно, никому ничего не сказав. Угасшие подозрения против него

вспыхнули с новой силой. И что же выяснилось? У мерзавца была тайная загородная резиденция, в которой он и держал своих пленниц. Их увезли как невольниц. Последний раз стигийца встречали в Зембуле. Никакой он не родственник принца. Он — охотник за рабами! Вернее — за рабынями из знатных родов. Он снабжает прислужницами все основные храмы и калища от Птейона до Сухмета...

Горе мне, ничтожнейшему из родителей! Бедная Балзу! Ее воля давно сломлена и подчинена змеемордому демону. Возможно, она уже не помнит собственного имени. Я узнал, что ее увезли вниз по реке Стикс. Неподалеку от Кеми есть Долина Смерти, а в ней — три храма, в одном из которых служат только женщины. Чужеземцев туда не пускают...

— Этот запрет, как я понял, не распространяется на рабов, — ухмыльнулся Конан.

— Я пытался отправиться в Стигию, но... — Голос вельможи дрогнул. — Служба при дворе... Я не могу ее оставить. Враги малолетнего принца воспользуются моим отсутствием и отнимут у него трон. Пострадает целая страна...

— Зато я не занят государственными делами, — Конан широко улыбнулся. — Прищемить Сету голый змеиный хвост — что может быть соблазнительней, клянусь Кромом! — воскликнул он. — И не думай меня отговаривать! А лучше отправь со мной своего слугу до границы со Стигией. Он выручит за меня хорошие деньги!

И Конан расхохотался.

* * *

Басра слушал рассказ киммерийца с широко раскрытыми глазами и распахнутым ртом.

— Ты — безумец, — заключил он. — О боги! Не хотят пощадить бедного негра! Что с ним будет?

— А что может с тобой случиться худшего, чем уже случилось? — спокойно осведомился Конан, пожевывая соломинку. — Ты раб и движешься на встречу верной гибели...

— Гибель бывает разная, — поежился Басра. — Можно тихо околеть, надорвав пуп, а можно издохнуть под палками. Лично я выбрал бы первое.

— Жизнь тащит тебя по течению, как эту лодку, — брюзгливо заметил варвар. — Хотя у лодки есть весла, руль и парус. А ты — просто кусок навоза на воде. Тебе не противно?

— А что я могу сделать? Разве я могу сражаться? Меня не спрашивали, кем я хочу быть, когда рождали на свет.

— Видишь, на корме спит надсмотрщик? — перебил его Конан.

— Ну и хорошо, что спит.

— Пойди и укради нож с его пояса.

Басра посерел.

— Он же проснется! — зашипел он, тряся головой. — И спустит с меня шкуру!

— От тебя зависит, проснется он или нет, — киммериец говорил негромко, но очень убедительно. — Брось. Ты же наверняка таскал фрукты и сладости у

своего бывшего хозяина. Ну, признавайся, лукавый раб!

— Та... таскал. — Басра клацал зубами и заикался.

— Давай, действуй! — Конан слегка подпихнул негра в плечо. — Это не сложнее, чем обокрасть кухарку.

— Конечно. Какая разница... Все равно — смерть, — горестно прошептал Басра. Он понимал, что белый здоровяк не оставит его в покое, что лучше ему, Басре, подчиниться, а не то его жизнь осложнится еще пуще.

Вечерело. В зарослях папируса на берегу квакали лягушки. Вода плескала за бортом. Басра двигался на четвереньках, переступая через тела спящих рабов. Для того, чтобы его зубы не стучали слишком громко, он размотал свою набедренную повязку и сунул ее край себе в рот.

Надсмотрщик лежал на спине и храпел, словно подпевая лягушкам. Вокруг него распространялся кислый запах пивного перегара — тростниковое пиво в Стигии варят довольно крепкое. Нож висел у него на волосатом круглом животе. Приблизившись к спящему вплотную, Басра замер и огляделся по сторонам.

Команда лодки собралась на носу. Только рулевой гребец стоял возле своего весла, на специальной площадке, прямо над головой Басры.

Гребец смотрел вперед и только изредка переступал ногами. То, что происходило в лодке, мало его интересовало.

Мысленно взывая ко всем известным ему богам, Басра протянул руку к ножу и чуть не вскрикнул от ужаса. Огромная капля пота скатилась по его носу и упала на физиономию надсмотрщика. Тот издал недоумевающий звук, чмокнул губами, но глаз не открыл.

Ощущая страшную слабость во всем трясущемся теле, Басра коснулся пальцем рукоятки ножа. Ощущение неожиданно понравилось ему. Рукоятка была теплая, приятно-гладкая и словно сама просилась в ладонь. В глубине души Басра очень любил хорошенечкие вещицы. Ему доставляло удовольствие, когда никто не видит, оглаживать ладонями статуэтки из черного дерева или слоновой кости в доме своего хозяина. Тогда он на мгновение мог представить, что обладает этими предметами, и сладкая истома растекалась по всему его существу. Нечто подобное проснулось в нем и сейчас. Приласкав пальцами рукоятку, Басра потянул нож из ножен. При этом его ладонь притронулась к голому животу надсмотрщика. Тот не просыпаясь хихикнул и сказал: «Отстань, старуха!», перевернувшись при этом на бок.

Басра беззвучно закричал и юрко, как ящерица, скользнул обратно под навес. Сердцебиение так громко отдавалось в его ушах, что от одного этого звука могли поднять тревогу.

— Молоцец, — скоро похвалил его варвар. — Я же говорил, что это несложно.

И только тут Басра увидел, что нож остался у него в руке.

— Невероятно! — воскликнул он. — Как это вышло? Рукоятка как будто сама прилипла к пальцам!

— О, да ты прирожденный вор! — Киммериец одобрительно хлопнул Басру по плечу. — А теперь давай спать. Завтра будет долгий день!

— Возьми же нож!

— Мне он не нужен. Ты украл его для себя. Это — твой первый шаг в сторону свободы, — молвил варвар, устраиваясь поудобнее. — Но если ты помешаешь мне высаться — Кром великий! — крокодилы покажутся тебе любящими братьями.

Почти сразу за этими словами послышался густой храп. Басра изнывал от противоречивых чувств. Страх боролся в нем с какой-то странной радостью. Нож был очень красивый — с выгнутым мерцающим лезвием, с рукояткой из кости... Басра спрятал его между складок набедренной повязки и лег так, чтобы чувствовать его телом. Лодка тихо покачивалась на волнах Стикса.

* * *

Татхэб потирал руки, стоя у подножия каменного льва. Ужасная картина, представшая его взору, доставляла ему острое удовольствие — иначе он давно бы ушел отсюда. Три десятка обнаженных женских тел, пронзенных кольями. Все до единой — жрицы Верхнего храма и кое-то из их помощниц. Последние пять, казнь которых началась нынче утром, еще живы. Их стоны еще похожи на человеческие, в их гла-

зах еще светятся боль и ужас... Глупые коровы! Перед началом казни они храбрятся, напускают на себя важный вид... Да они и впрямь верят, что их муки смягчат божество. Какая самонадеянность!

А между тем из сокровищ Сета ничего не пропало. Ни единой, самой пустяковой безделушки. Украденное просто переместилось из Верхнего храма в Средний. Но эту тайну знают только Сет и Татхэб. А те, кто помог Татхэбу, давно мертвы.

Осталось покончить с рабынями и прислужницами. Когда последняя из них испустит дух на колу, жреческий совет передаст Верхний храм ему, Татхэбу. Конец власти жриц! Храмовых шлюх не упразднят, об этом уж он позаботится. Но уже ни одна женщина не посмотрит на Татхэба с высокомерием. Магнетическая власть, которой Татхэб пользовался, не распространялась на жриц Верхнего храма. Эти надменные шлюхи слишком много времени проводили в трансе, читая заклинания и вдыхая наркотик. Даже странно, что они не разучились чувствовать боль.

Жаль, что одна из жриц не дожила до этого дня — умерла естественным путем много зим назад... Как жаль! Татхэб скрипнул зубами. Не вовремя приходят такие мысли, заставляя меркнуть его торжество.

Она была его матерью. Отца своего он не знал — считалось, что сам Сет подарил смертной свое кипящее семя. Но на самом деле она зачала его от какого-нибудь паломника, прибывшего с дарами в Долину Смерти.

Первые восемнадцать зим жизни, проклятых зим, — они не забылись, они живут в нем и требуют мести. Череда кошмаров, тоски, бессильного и беззвучного воя... Бывают же такие счастливцы, кто просто не нужен своим материам. Живут эти счастливцы, предоставленные сами себе, и не знаю того, что испытал Татхэб. Он-то был нужен, правда, только в одном качестве — мальчика для битья. Жрица рассчитывала родить девочку, воспитать из нее подругу, равную себе. А родился презренный щенок-кобеленок.

— Твоя плоть скверна! Твое сердце — порочно! Ты — прах, просеянный на ветру. Ты — ил, вынесенный на берег Стиksa! — говорила мать, и страшные сердоликовые глаза ее выжигали в душе Татхэба памятные письмена.

— Я — прах, просеянный на ветру... Я — ил... — повторял он послушно. Ему казалось, что так будет вечно.

Однако в чудесный прохладный день, когда черные цапли выводят птенцов в прибрежных зарослях и крокодилы бьют хвостами по воде, оглушая рыбу, матери не станет. Она подзовет Татхэба к своему ложу и вцепится ему в руку своими длинными острыми ногтями, выкрашенными черным лаком. Из-под ногтей потечет кровь, сердоликовые глаза вспыхнут яростно и вдруг угаснут, и Татхэб увидит, что перед ним — не величественная жрица, перед которой нужно падать в пыль, а обыкновенная больная старуха. От старухи этой скверно пахнет, и слюна течет

по ее морщинистому подбородку из брезвально раскрытоего рта. А в глазах уже не грозная мощь — клочковатые тени и ужас перед очевидным будущим.

Она разжала пальцы, потом, спохватившись из последних сил попыталась вновь впиться ногтями в его руку, но Татхэб выдернул ее и ударил мать по щеке.

— Вот какая ты на самом деле, — сказал он. — Теперь я это знаю.

Старуха застонала, пена хлынула у нее изо рта. Татхэб плюнул и отошел.

В низшей жреческой школе обучали только читать нараспев, но был один человек, родом из Сухмета, который взялся углубить познания Татхэба. У него была прекрасная профессия — он заклинал змей и знал о них все. Плату за обучение он принимал лягушками и крысами.

— Моим кормильцам тоже нужно есть, — говорил он и посмеивался, а Татхэб жмурился от ужаса, слыша эти кощунственные слова. Змей — одно из воплощений Сета — священная тварь. Однако заклинатель обращался с ползучими гадами без всякого почтения, по крайней мере, вдали от посторонних глаз.

— Они, может быть, и служат Сету, — приговаривал он, — но я — тоже ему служу. Поскольку они подчиняются мне, значит, в глазах бога я выше, чем они.

Был он желтый, как спелый лимон, очень толстый и безволосый. При ходьбе его тело колыхалось, как студень.

— Смотри, — поучал он, — вот три змеи. Огромная, вся в разводах, вторая — черная, в руку толщиной, с двумя точками на голове, и третья, песочного цвета, узкая и плоская, как кожаный ремешок. Каякая из них самая опасная?

Татхэб напряженно думал, наблюдая за змеями. Большая лежала, вытянувшись, спокойная, едва шевелящая раздвоенным языком. Вторая яростно шипела, приподняв голову и раздув капюшон. А третья свернулась на тростниковом полу и сделалась похожа на кучку помета.

— Черная! — выпалил Татхэб.

— Почему?

— Она угрожает.

— Глупец! — Заклинатель усмехнулся. — Угрожает тот, кто не уверен в себе. Черная кобра опасна, у нее сильный яд, но она бережет его для охоты. К тому же она видит меня целиком. Она видит мои глаза. Я могу делать с ней все, что захочу. А вот эта крошечная змейка неуправляема. Она может увидеть только палец моей ноги, и то не весь. Но если она ужалит этот палец — мне конец.

— Зачем же ты держишь у себя эту змею? — удивился Татхэб.

— Без нее я бы утратил страх, — молвил заклинатель. — А это обходится дорого. Особенно при моем роде занятий.

Татхэбу совсем не хотелось испытывать страх. Он был сыт этим чувством. Напротив, глядя, как старый заклинатель порабощает волю священных

тварей, он мечтал о такой же власти, только над людьми.

Учиться пришлось долго. Кроме практических приемов, Татхэб прилежно изучал старинные магические формулы, умело пользовался талисманами и составлял зелья, вдыхая или принимая которые человек попадал под влияние «змеиного взгляда». В Среднем храме возлагали большие надежды на молодого послушника. Но перед жрицами Верхнего храма он по-прежнему оставался пеплом и илом, выродком, недостойным взгляда.

По приказу Хат Татхэб часто отправлялся за рабынями на рынки сопредельных стран. Рабыни требовались особые — благородной крови. Опытные перекупщики часто жульничали, снабжая самых обыкновенных крестьянок невероятными родословными. Убедившись в подлости торгащей на собственном опыте, Татхэб прибегнул к другому способу добычи живого товара. Уезжая в дальние страны, он выдавал себя за аристократа-путешественника и делался вхож в дома знати. А там уже ждали его податливые дуры, из которых веревки можно было вить. Только однажды досталась ему достойная противница. Татхэб сначала и не подозревал в кроткой деве такой сильной воли.

По пути в Стигию Балзу вышла из-под его влияния. Она отказывалась подчиняться. Пришлось везти ее в колодках и кормить насильно. Верхний храм отказался от строптивой рабыни. Татхэб забрал ее себе.

Под правой передней лапой каменного льва, того, что будет по левую руку, если стоять и смотреть в глаза медному изваянию, находился каземат. Идеальное место для того, чтобы свести человека с ума. Солнечный свет никогда не проникает туда, однако в полной темноте узник может спать, грезить, думать о солнце... Поэтому круглые сутки каземат освещается масляными лампами, снабженными колпачками из разноцветной слюды. То розовые, то зеленоватые, то ярко-желтые, то кроваво-красные отсветы пляшут под сводчатым потолком. Это действует на нервы так сильно, что пленник начинает вскорости шарахаться от каждой тени. Некоторые выдавливают себе глаза, думая избавиться этим от дурманящего наваждения. Напрасно! Даже ослепленный, человек продолжает видеть вокруг назойливые разноцветные пятна и впадает в окончательное безумие.

Вторым жестоким изобретением, придуманным для подавления человеческой воли, были особые трубы, скрытые в толстых каменных стенах. Они наполняются ветром, гуляющим снаружи, и поют каждая на свой лад. Звук негромкий, сперва — еле различимый, но уже через несколько часов заключенный начинает затыкать пальцами уши. Тщетные старания — пение труб колеблет воздух в камере, и пленник становится сплошной барабанной перепонкой. Он слышит этот звук ногами, спиной, животом... Звук рождается прямо у него в голове, мешает думать, мешает спать...

Вторую луну Балзу является узницей каземата. Вторую луну она борется за свой рассудок и до сих пор не побеждена!

— Девчонка из Турана интересует меня, как ученического, — заявил Татхэб на жреческом собрании. — Возможно, она — колдунья, а еще возможнее — ученица одной из закрытых кастовых школ. Все мы слышали о туранцах, умеющих глотать горячие угли или задерживать дыхание на два полных дня. Были даже такие, кому удавалось переноситься силой мысли на значительное расстояние без помощи внешних магических средств. И конечно, каждому о грамотному человеку известно о чтении мысли, практикуемом тамошними жрецами. У нас тоже имеется нечто похожее. Изучив технику моей подопечной, мы сможем найти в ней уязвимые места, и тогда, во славу Сета, наше могущество возрастет...

Подобные выступления всегда находили горячий отклик среди служителей Среднего храма. Надменные жрицы Верхнего только поджимали губы, опасаясь открытой конфронтации. А жрецы Нижнего храма боязливо шарили глазами, не зная, к кому примкнуть.

Татхэб все это видел и благодариł заклинателя змей. Именно он научил его управлять мимикой лица, чтобы не обнаружить своих чувств перед леопардовой гадюкой, которая жалит только сомневающихся. Если бы ни уроки заклинателя, ожил бы клубок гадюк из Верхнего храма, и Татхэб не дожил бы до рассвета.

А через три дня после приснопамятного выступления он осуществил свой замысле, который лелеял давно. Расчет был верным. Обычно Сет сам стережет свои сокровища и помогает отыскать воров. Но в данном случае у божества не могло быть никаких претензий к своим служителям. Татхэб самолично зачернил лик изваяния.

— Ничего, о величайший! Скоро тебя уладят изысканным зрелищем, к тому же грандиозным в исполнении! — нашептывал послушник. — О, мудрый и смертоносный! Оцени мою шутку, ибо, знаю я, ты любишь такие шутки!

Заключив Балзу в каземат, Татхэб спас ее тем самым от жуткой участи и находил в этом немало забавного, так как последующая судьба юной туранки вряд ли была бы лучше смерти на колу.

Она сильно похудела, и бледность покрывала ее кожу, некогда золотисто-смуглую. Пока Балзу оставалась наедине с собой, черные ее глаза роняли слезы почти беспрерывно. Но едва мучитель появлялся на пороге камеры, как в заплаканных глазах проступала твердость.

Мало того, рабыня позволяла себе пренебрежительный тон в своих дерзких речах.

— Глупый, — говорила она, — я могла быть твоей и только твоей. Для этого не нужно было ни цепей, ни замков. А теперь ты мучаешь одну лишь мою оболочку. Ждешь меня там, где меня нет.

— А что будет, если я возьму тебя силой? — злился Татхэб.

— Ты овладеешь одной только плотью. Много радости тебе это не доставит, — спокойно отвечала Балзу.

Он и сам это знал. Но ему не нужна была женщина, по крайней мере, его собственная плоть не тянулась к женской плоти, как это бывает с мужчинами примитивными, неотесанными и несведущими в Великом Искусстве. Татхэб нуждался в торжестве иного рода.

Он стоял и без особого интереса наблюдал за судорогами одной из жриц, той самой, что когда-то вела наказать его палками из-за какого-то пустяка. Теперь она стонет, то сипло, то визгливо, опущая острие кола в собственном животе.

— Скажи, о почтенная, — обратился к ней Татхэб, — теперь ты ближе к Сету, чем когда-либо?

— Воистину, это так, — хрипло отвечала жрица. Ее лицо искашло страдание, но она сумела улыбнуться презрительно краями в кровь искусанных губ и гордо глянула на вопросившего сверху вниз.

— Заклинаю тебя из праха, — страстно заговорил Татхэб, — спроси у повелителя повелителей, как мне, недостойному, покорить и растоптать гордое сердце негодной туранской рабыни?

Некоторое время жрица молчала, закатив глаза. Татхэб уже было решил, что она потеряла сознание, но неожиданно тело, пронзенное деревом, содрогнулось. Веки жрицы раскрылись, и он поразился новому цвету ее глаз. Только что они были серые, с полволовой боли, а стали ярко-желтыми, с вертикальны-

ми зрачками. Голос жрицы потряс его еще больше. То был голос низкий, утробный, голос рассерженного великана.

— Сделаешь, как я говорю. Возьми змею с изумрудным глазом, пусть она три дня пьет молоко с кровью, а на четвертый день пусть трижды ужалит в грудь непокорную рабыню. Это убьет любовь в ее сердце, и она станет послушной...

Татхэб повалился лицом в пыль.

— О, владыка владык! Что мне сделать во имя твое?

Громовой голос рассмеялся в ответ. Жуткий хотят сотрясал тело жрицы, а потом вдруг умолк. Жрица обмякла, кровь хлынула из ее рта. Татхэб решил, что это хороший знак.

* * *

— Что ты знаешь о Стигии? — спросил Конан.

— Ничего, — ответил Басра.

— Где ты жил раньше?

— В Ианте.

— Так ты из Офира? Ни за что бы не подумал, — ухмыльнулся варвар.

— Почему?

— Хотя бы потому, что ты — черный.

— Там много черных рабов, — Басра неожиданно для себя оскорбился.

— Ладно. А откуда твои родители? Из Зембабве? А может, из Кешана?

— Насколько я знаю, они тоже жили в Ианте.

— А их родители?

— Мне это неведомо.

Киммериец сердито сверкнул глазами.

— Кром крепкорукий! Как же ты можешь жить, не зная о своих предках? Даже бесчувственный и глупый сорняк умирает, оторванный от корней!

— А к чему мне знать лишнее? — удивился Басра, на всякий случай отодвигаясь подальше от своего нового знакомого.

Конан даже зарычал от негодования.

— Тебе не приходило в голову, что ты можешь оказаться потомком царей, и твои славные пращуры плачут от стыда в загробном мире, глядя на то, как их жалкий потомок...

— Не приходило, — перебил его Басра, дивясь собственной храбости. — И, если честно, плевать я хотел на давно истлевших мертвцев. Почему я должен стыдиться? Разве у меня нет других печалей? Моя шкура и мое брюхо принадлежат тому, кто меня купил. Но ведь больно не ему, а мне, когда по этой шкуре гуляет плетка. И урчание брюха ему не слышно... Вот что должно заботить человека, разве нет? Да и ты, бесноватый верзила, стал бы возиться со мною, если бы тебе не нужна была моя помощь? При чем здесь мои предки?

— Пока ты рассуждаешь, как раб, тебе не стать свободным, — произнес варвар сурово.

— Все это басни, — в тон ему возразил Басра. — Нет никаких свободных людей. Надсмотрщик, которого я обворовал, — разве он свободен? У него есть

невольники, и если рабы разбегутся, начальники измочалят его палками. А команда этой лодки? Лодка — их господин. А мой прежний владелец? Он был рабом лекарей и собственных слуг... Даже ты не свободен, северянин. Ты — раб своего слова, которое дал другу неизвестно для чего. Его дочь, скорее всего, уже мертва. Кстати, как мы ее найдем? Ты знаешь хотя бы, как она выглядит?

— Почему это тебя интересует? — Конан неожиданно хитро улыбнулся. — Ты ведь только что уверял меня, что тебя ничего не заботит, кроме собственной персоны? А? Отвечай.

Басра смущился и задвигал руками, словно пытался нашупать нужное слово в пространстве вокруг себя.

— Мне ее жалко... немного, — наконец признался он. — Жила в богатом доме, была дочерью вельможи и вдруг...

— Тебе ее жалко, — киммериец кивнул. — Что ж, вот ты и сделал второй шаг к свободе. Не так уж и плохо для потомственного раба!

И Конан на некоторое время потерял вкус к беседе. Он молча созерцал берега Стикса. Половодье давно сошло, и в долине, удобренной жирным илом, трудились крестьяне. Ветер шевелил рисовые метелки у самой кромки воды. Над ними плясали крупные стрекозы — иногда солнце вспыхивало сапфиром на их крыльях.

Крокодилов здесь было меньше, но время от времени поверхность воды вдруг шла волнистой рябью,

и вытянутая зубастая пасть хищника показывалась то здесь, то там. А еще тут водились кумуди — огромные водяные змеи, способные проглотить целиого быка.

Одна из этих тварей вытянулась перек ленивого течения. Впередсмотрящий принял ее за бревно, поросшее мохнатой водорослью. Он издал предостерегающий крик, и один из членов команды свесился с носа лодки, чтобы оттолкнуть багром неожиданное препятствие. Но едва багор коснулся «бревна», вода вскипела. Несчастный закричал от страха, и в следующее мгновение перед ним оказалась огромная змейная голова.

Кумуди не стала пожирать этого человека — вероятно, была сыта. Она просто ухватила его зубами за плечо, выдернула из лодки, тряхнула в воздухе и отбросила далеко назад. Должно быть, змея сломала ему хребет — тот камнем пошел ко дну, не издав больше ни звука.

— Почему они не сражаются с ней? — взвизгнул Басра, глядя, как остальная команда пала на колени перед кумуди.

— Потому что змея для них — воплощение божества. Они позволят ей убить их, всех до единого, но не притронутся к оружию, — ответил варвар.

Тем временем кумуди, рассерженная тычком багра, хлестнула в борт лодки своим тяжелым хвостом. Басра едва не улетел в воду — Конан вовремя ухватил его за короткие курчавые волосы на затылке. Остальные рабы ударились в панику. Сначала они

бестолково бегали и кричали на нескольких языках сразу, а потом принялись ссыпаться за борт, как спелые плоды с дерева. Надсмотрщик не препятствовал им — он спрыгнул в воду первым. С проворством, почти невообразимым для его жирной туши, он поплыл к берегу, когда челюсти крокодила сомкнулись над его ногами, подобно калкану.

Хвост змеи продолжал молотить по бортам лодки. В считанные мгновения кумуди прикончила еще двоих — она сдавливала их кольцами своего тела, пока кости несчастных не превратились в мочало.

— Она уничтожит лодку! — орал Басра, посерев от ужаса. — Что нам делать, о боги!

Вместо ответа Конан подбежал к носу лодки и подхватил упавший багор. Когда кумуди, вставшая над водой в половину своей чудовищной длины, ринулась вниз, варвар размахнулся посильнее и ударили ее по носу.

Змея опешила.

Она никак не ожидала отпора. Ведь люди, плавущие на лодках, были ее законной добычей. И вдруг добыча взбунтовалась!

Она зашипела от ярости, отравляя воздух своим зловонным дыханием. Но нахальное маленькое существо на носу лодки ответило громким воинственным криком. Снова кумуди атаковала, и снова сильный удар по голове заставил ее отступить. На этот раз железный крюк багра повредил ей глаз. Боль вынудила змею прибегнуть к другой тактике. Она нырнула.

Варвар ликующее хохотал, глядя, как исчезает в глубине длинное, сверкающее чешуей тело. Казалось, змее не будет конца.

— Глупый водяной червяк! — кричал Конан. — Трусливая болотная жаба! Покажись, я укорочу тебе хвост!

— Сет покарает нас! Мы погибли! — возопили стигийцы. — Что ты натворил, невольник? Кто просил тебя нарушать волю Сета?

— Давайте схватим его и отдадим кумуди, — предложил старший из них. — Возможно, тогда Сет скажется над нами!

Матросы вскочили и попытались окружить Конана. Их было четверо, но клинки их ножей оказались слишком коротки. Варвар вращал в воздухе багром с такой легкостью, будто в руках у него была полая тростина. Старшине команды он проломил голову, двоих свалил за борт сильными ударами. Последний, истощно завопив, метнулся в Конана свой нож. Киммериец молниеносно взмахнул багром, и нож вонзился в его древко, не причинив варвару никакого вреда. Подымаая от страха, стигиец прыгнул за борт. Дальнейшая его судьба доподлинно не известна, но наверняка печальна.

Курчавые волосы Басры встали дыбом. Могучая фигура Конана в действии испугала его сильнее, чем кумуди. «Таких людей не бывает, — думал он. — Это демон. Теперь я знаю точно».

Однако вместе со страхом Басра испытывал невероятный прилив сил и странное опьянение. Его

грудь распирал восторг. Сердце стучало, словно бойевой барабан.

— Как жаль, что врагов оказалось мало! — крикнул он. — Нет ничего приятнее, чем видеть их поражение!

Киммериец глянул на него и кивнул, одобрительно улыбаясь. Радость битвы еще переполняла его. Но внезапно он округлил глаза и издал предостерегающий возглас. Басра в недоумении оглянулся через плечо и застыл. Страшная голова кумуди, окровавленная, с выбитым глазом, висела прямо перед ним. Басра набрал полные легкие воздуха, чтобы закричать, но вопль застыл в его глотке. Он попробовал отбежать, но ноги приросли к плетеному настилу. Собственное тело отказалось служить негру.

Змея метнулась к нему, обхватила его туловище своей гибкой, холодной шеей и подняла в воздух. Одна рука Басры осталась свободной, вторую прижало к боку.

Боль в стиснутых ребрах неожиданно отрезвила его. Тупой, парализующий страх сменился острым желанием жить. И свободная рука сама собой потянулась к ножу, спрятанному в складках набедренной повязки. Змеиное горло пульсировало прямо над ним, и Басре захотелось впиться в него зубами. Ладонь нащупала рукоятку ножа и словно срослась с нею. Помедлив долю мгновения — она растянулась бесконечно долго, — Басра отдался во власть наитию, с удивлением обнаружив, что его тело знает, что делать. Точно отмеренным движением он

вонзил нож прямо в пульсирующее горло под нижней челюстью.

И тотчас змеиные кольца разжались, и Басра упал обратно в лодку, ударившись головой о борт. Кумуди застыла, как столб, и вдруг змеиное тело выгнулось дугой. Она принялась колотить головой о воду, поднимая тучи брызг. Волны, вздыбленные чудовищной агонией, толкали лодку в корму, и она удалялась все дальше и дальше от изыхающей твари.

— Ты сделал третий шаг к своей свободе, — сказал Конан, когда Басра пришел в себя после падения. — Ты убил врага. Сам, своими руками. Дальше пойдет проще, поверь мне.

Басра пощупал пальцами шишку на гудящей голове, тихонько повыл, а после сказал деланно-равнодушным тоном:

— Жалко ножа. Хороший был нож, красивый.

* * *

— Где же я найду тебе змею с изумрудным глазом? — язвительно спросил старый заклинатель, когда Татхэб пришел к нему на постоянный двор. Впрочем, заведение это больше походило на очлежку для бродяг. В праздники здесь останавливались те самые нищие из паломников. Бывший учитель Татхэба жил тут по двум причинам: во-первых, на постоянном дворе в изобилии водились крысы, потребные для кормежки его питомцев, а во-вторых, за хорошую плату здесь поселили бы не только змей, но и морских холодных спрутов.

Хутту — так звали заклинателя — к жизненным удобствам относился пренебрежительно. Седмицами он не совершил омовений и нисколько не устрадал из-за этого. Блохи и клопы никогда его не кусали. Единственным, к чему он относился почти благоговейно, являлась его лысина. Раз в седмицу он скреб ее пемзой, а по прочим дням заботливо смазывал сандаловым маслом.

Татхэб пришел в тот момент, когда Хутту завершал эту процедуру. Масло было дешевым, самого низкого качества. Запах от него в тесной комнатенке стоял такой, что жрец даже прослезился.

— Змея с изумрудным глазом — огромная редкость, — скрипучим голосом начал Хутту свое учение. — Раз в пятнадцать зим владыка владык рождается на земле в виде меднобокого змея и осчастливляет своим семенем обыкновенных земных гадюк. В положенное время гадюки, обычно живородящие, откладывают яйца. Внутри этих яиц — не змеиные зародыши, а крупные изумруды. Во всех, кроме одного. Из него выводится та самая змейка, чаще всего левый ее глаз — ярко-зеленого цвета, а правый — обыкновенного, желтовато-серого, с черным зрачком. Объясни мне, о непутевейший из учеников, для чего тебе такая змей? Ты хочешь вспомнить ремесло, которому я тебя обучал?

— Теперь я укрошаю людей, о учитель, — усмехнулся Татхэб, потупив глаза. — Люди опаснее змей.

— Согласен с тобой, — заклинатель в последний раз промокнул лысину намасленной губкой и нескольз-

ко раз щелкнул языком. Из-под тюфяка, шурша чешуей, вытекла огромная черная кобра. Она подползла к Хутту, застыла на мгновение, приподняв голову, затем, с шипением атаковала губку. Впилась в нее зубами, обвилась вокруг и, вращая длинным телом, точно штопором, потащила губку в угол. Там она опустила ее в горшок, в котором, судя по тихому плеску, содержалось масло. Проделав свой трюк, кобра скользнула обратно под тюфяк.

— Согласен, — повторил заклинатель, обнажая в усмешке подгнившие зубы. — Но это еще не делает их интересными. Они же скучны, мой мальчик.

— Не все, — возразил жрец.

— Неужели ты нашел любопытный экземпляр?

— Похоже, что так.

— А кто она? — Хутту ухмыльнулся еще шире, от чего его физиономия стала похожа на змеиную морду. Если бы он вдруг высунул наружу кончик раздвоенного языка, Татхэб закричал бы от испуга.

— Как ты догадался? — восхликал он шепотом. — Ты умеешь читать мысли?

— Более скучного чтения нельзя и придумать. Людские мысли — вздор, и твои — не исключение. Зато твои чувства просто кричат, только на тайном языке, — произнес Хутту.

— В моей душе поселилась страсть, — признался Татхэб. — Предмет этой страсти — туранская девка. Забракованная рабыня, дерзкая, гордая...

— О, ты почти восхищаешься ею!

— Именно над ней я хочу властвовать, так же,

как ты властвуешь над своими кобрами. Хочу видеть ее Садами Боли и ощущать ее трепет... Меня бросает то в жар, то в холод, когда я думаю об этом. Скоро... — Татхэб зашептал торопливо: — Скоро я стану главным жрецом, хозяином Верхнего храма. Мне при жизни построят великолепную гробницу. Я сказочно обогащусь, у меня будет целая армия рабов. Но счастье мое будет неполным без прекрасной Балзу...

— Попробуй ее высечь, — посоветовал заклинатель, — иногда это здорово действует.

— Нет, учитель! — резко возразил жрец. — Она будет сопротивляться даже под розгой, и это не принесет мне наслаждения. Вот когда она сама начнет искать муки...

— Мои уроки не прошли даром, — улыбнулся заклинатель. Его физиономия светилась, то ли от постков масла, то ли от безграничного самодовольства. — Бедный мальчик! — продолжал он. — Ты опоздал родиться. Два века назад, когда сила змееголового была в самом расцвете, он лично помог бы тебе. Твои стремления — удел великого человека, а не простого смертного. Что ж, придется мне поддержать тебя, Татхэб. У меня есть для тебя чудесный подарок!

Хутту закряхтел, поднялся с пола и устремился в противоположный угол комнатушки, заваленный ворохами грязного тряпья. Он принялся ворошить его, бормоча себе под нос. Едкое зловоние распространилось вокруг. Наконец с торжествующим кри-

ком заклинатель обернулся к ученику. В руках он бережно сжимал небольшую черную коробочку.

— Что это? — спросил Татхэб, недоумевая.

— Открой и посмотри.

Приняв подарок из холодных сморщеных рук, жрец открыл коробочку и скривился от разочарования. На дне ее, похожая на скрюченный засохший сучок, лежала крошечная змейка. Пасть ее была приоткрыта и издавала отвратительный запах. Правый глаз, блеклый и мертвый, походил на горошину черного перца, зато левый даже при свете чахлой лампы искрился зеленым.

— Она же дохлая! — брезгливо сморшившись, проговорил Татхэб.

— Глупец! — вскричал Хутту. — Это мумия!

— Ну и что с того?

— Одно заклинание и несколько капелек крови — и она оживет, — заклинатель заговорил спокойно и негромко. — Только кровь возьми у этой туранки. Ведь змея именно ее должна укусить?

— Тебе и это известно! — поразился жрец.

— Мне известно больше, чем ты можешь вообразить!

Сказав так, Хутту потер руки и рассмеялся.

* * *

— Ну, и что дальше? — спросил Басра.

— Дождемся темноты, — ответил Конан, убивая одним шлепком ладони полдюжины москитов на своем плече. Раны от стрел или доброй стали никог-

да не причиняли варвару столько неприятностей, сколько доставляли их эти мелкие, подлые твари. Укусы москитов выводили киммерийца из себя. Его глаза давно налились кровью, как у взбешенного носорога, и сила воли уходила вся без остатка на то, чтобы держать себя в руках.

Археи ожидали сумерек в густых зарослях папируса. Неподалеку оказался лагерь солдат, встреча с которыми не входила в планы Конана. Хотя, с другой стороны, в лагере можно позаимствовать очень много полезных вещей. Например, оружие и одежду.

— И еду, — добавил Басра, поскольку уязвленный москитами варвар рассуждал вслух.

— Ты же ел сегодня утром! — сердито сказал Конан.

— У меня урчит в животе! — пожаловался Басра.

— Ты все еще раб. Невольник собственного брюха. Стыдись!

— И не подумаю. Разве ты не чуешь запах прекрасной рисовой каши с мясом? — Басра причмокнул. — Я могу назвать каждую приправу, которую солдатский повар положил в котел. А мясо? Это чудесная жирная баранина...

Конан зарычал. Есть ему хотелось не меньше, чем его товарищу. Возможно, даже и больше. В лодке оставался довольно солидный запас вяленой козлятины и съедобных клубней. Но Басра как-то незаметно съел почти все. Удивительно, но живот темнокожего раба так и остался впалым, словно съестное моментально сгорело в прожорливой печке. Конан

замечал и раньше, что такие щуплые и низенькие мужчины съедают в два раза больше полнокровных здоровяков.

— В доме моего бывшего господина служили две кухарки, — разглагольствовал Басра, почесывая пузо. — Одна никуда не годилась, но была молодой и хорошенькой. А вторая — толстая, с во-от таким носом и тремя подбородками, готовила, как богиня. Возьмет, бывало, ломоть мяса...

— Слушай меня внимательно, — перебил его варвар. — Сейчас ты подберешься к солдатскому лагерю как можно ближе и узнаешь, сколько там человек. Ты считать умеешь?

— Умею. — Басра растерянно заморгал.

— Посмотришь также, где стоят часовые. Если тебе удастся подобраться к лагерю вплотную, запомни, где именно солдаты сложили оружие.

Басра заморгал.

— А если меня заметят?

— Убьют.

— О боги! — вздохнул Басра. — Но мне, знаешь, что-то не хочется никуда идти. Может, ты сам сходишь? Проклятая змея вывихнула мне ногу...

— Если ты останешься, тебя убью я. — Конан произнес это негромко, но чрезвычайно убедительно.

Басра в очередной раз вздохнул и подчеркнуто прихрамывая направился на запах рисовой каши.

Если вы подумали, что Конан задался целью перевоспитать трусливого раба и сделать из него человека (как это понимают в Киммерии), разумеет-

ся), то вы ошиблись. Меньше всего варвару хотелось возиться с неумелым и ненадежным спутником. Но Конану действительно требовался темнокожий помощник.

Другие рабы в лодке никогда не сошли бы за стигийцев, среди которых многие имеют красновато-коричневый цвет кожи. Бывают иссиня-черные стигийцы, бывают даже пепельно-серые. Но не белые. За зимы странствий и приключений кожа самого варвара покрылась густым бронзовым загаром, но синие глаза, форма носа и манера двигаться сразу выдавала в нем северянина. Поскольку Конан не мог вызвать на поединок всю Стигию разом, приходилось действовать иначе — без лишнего шума и постороннего внимания. Басра волею судьбы оказалась единственной подходящей кандидатурой. Искать другого было некогда и негде.

С другой стороны, при всех своих слабостях и недостатках Басра оставался доверчивым, как младенец, и таким же простодушным. В товарищах такой человек предпочтительнее бывалого, но расчетливого и замкнутого...

Явился свежий бсевой отряд москитов, и Конану пришлось вступить с ними в неравный бой, весьма кровопролитный. Варвар предпочел бы иметь дело с голодными крокодилами — они, по крайней мере, не издают таких противных звуков.

Тем временем Басра увидел первого часового. Тот ничего не заметил, да и вообще смотрел в другую сторону, но от испуга у Басры подкосились ноги.

Обыкновенный легковооруженный стигийский солдат показался ему страшным великаном.

А запах съестного между тем усиливался. В добавок еще и ветер подул со стороны лагеря. «Боги! — подумал Басра, слатывая слону. — Это же выше сил человеческих!»

И он пополз дальше, обходя часового по широкой дуге.

Шагах в двадцати влево обнаружились еще двое. Их Басра испугался меньше, чем первого. Пользуясь удаленностью от начальства, стигийцы играли в кости. Один из них жульничал, причем его противник этого не замечал и вблизи, а Басра вот разглядел даже издалека. Солдатские копья с зазубренными серпообразными наконечниками стояли воткнутые в землю тупой стороной древка. Это была типичная солдатская хитрость. Со стороны казалось, будто часовые, как им и положено, замерли неподвижно с поднятыми копьями, просто их скрывают высокие заросли.

Басра ползком обошел лагерь кругом и насчитал восемь солдат на посту. За деревянным частоколом, сооруженным наспех, готовились к ночлегу еще человек сорок. Повар у них никуда не годился — каша начинала подгорать, но все равно запах ее сводил Басру с ума.

Задыхаясь от волнения, Басра выкопал из земли какой-то корешок и сжевал его.

— Ничего, — пробормотал он, — съедобно. Интересно, как он называется?

Второй и третий корешки тоже оказались годными в пищу, но четвертый...

Сначала Басре показалось, что во рту у него вспыхнул пожар. Потом этот пожар переместился в живот. Басра, никак не ожидавший такого поворота событий, испустил протяжный, леденящий душу крик и, вскочив, забегал по кругу, хлопая себя ладонями по животу.

Часовой, стоявший в пяти шагах от Басры, взвизгнул противно-тонким голосом, бросил копье в сторону и побежал в сторону лагеря.

— Полосатый демон! Тревога! — голосил он. — Спасайте командиров!

Вероятно, это был неплохой солдат. Очень возможно, что в битвах с врагами он не ведал страха. Но черное, покрытое белыми полосами существо, выскочившее с воем из-под земли, не могло принадлежать к человеческому роду. А различных духов и демонов стигийцы боятся и чрезвычайно чтут.

Ползая в кустах, Басра испачкался белым илом, который густо покрывал стебли папируса и тростника. В сумерках светлые полосы на его теле действительно производили пугающее впечатление. К тому же из-за жгучего сока корешка глаза Басры вылезли на лоб, волосы встали дыбом, а изо рта пошла белая пена.

Солдаты в лагере увидели его. Паника часового передалась им быстрее чумной заразы. Прыжки и страшные гримасы Басры они посчитали магическим танцем.

— Надо умилостивить демона! — кричали они. — Принесем ему жертву!

Командир единственный сохранил ясность ума. Демонов он не боялся. Куда больше его страшила утрата солдатами дисциплины. Он мгновенно сообразил, что следует предпринять, и отдал четкий приказ.

— Строимся и отходим в организованном порядке. Если демону нужно наше подношение, пусть возьмет сам то, что сочтет нужным.

Когда пожар в животе Басры погас, он увидел, что лагерь пуст и между ним и котлом с кашей не осталось больше ни одного часового.

* * *

— Копье, пара ножей и меч. Неплохо, — одобрил Конан.

Басра что-то промычал с набитым ртом.

— Тебе повезло, — заметил варвар. — Корень луксурского перца чрезвычайно жгуч, но не ядовит. Если бы тебе попался местный сорт разрыв-травы, то тебе бы не поздоровилось, ты просто лопнул бы, как кхитайский фейерверк.

— Я уж подумал, мне конец, — признался Басра. — Хвала богам, каша достаточно жирная, и мои кишки больше не полыхают...

Конан не мог представить себе, как его сообщник ухитрился дотащить, кроме оружия, еще и котел, полный до краев. «Должно быть, при виде еды его

сила удесятеряется, — подумал он. — Это может пригодиться».

Басра лопал, зачерпывая кашу обеими руками попеременно, но сожрать за один присест то, что приготовлено на сорок человек, даже ему оказалось не под силу. Рыгнув с сожалением, он повалился на спину и блаженно застонал.

— Нам пора идти, — сказал Конан.

Басра притворился спящим.

— Я не собираюсь ночевать в болоте, — заявил варвар. — Если тебе хочется — изволь.

— Яви милосердие, — Басра дважды икнул и поморщился, — не бросай меня.

Конана разбирал смех. Нечеловеческими усилиями он сдерживался, но все-таки не выдержал и захочтал так громко, что дремавшие на отмели крокодилы в панике кинулись в воду и притаились на дне реки.

Этот смех услыхали и разведчики, посланные командиром солдат. Они вернулись и доложили:

— Все в порядке. Демон смеется — он доволен.

* * *

Была у Басры одна неплохая особенность — он не впадал в эйфорию от собственных явно случайных успехов и не задавался. Похититель ножа, победитель кумуди, лазутчик, нагнавший страху на регулярную армию, оставался кроток, как голубь.

Во-первых, подчиняться ему было удобнее, чем решать что-либо самому. Во-вторых, этот синегла-

зый верзила не требовал мелких услуг, и Басра стал обладателем огромной ценности — личного времени, каковое можно было употреблять на раздумья. В-третьих, Басре было интересно. Впервые за его не слишком долгую жизнь, в которой все было отмерено и учтено, Басра понятия не имел, что с ним произойдет завтра.

Они продвигались вдоль русла реки без особенной спешки, тем не менее с каждым переходом одолевая значительное расстояние. Сначала Басра недоумевал, почему его спутник не захотел плыть на лодке, остававшейся в полном их распоряжении. Но уже на следующий день понял: здесь встречается слишком много торговых и военных кораблей. Почуял неладное, стигийцы без труда догнали бы их, потому как для такой посудины двух гребцов маловато, а ведь нужен еще и рулевой...

— Мы бы давно вышли в долину, если б нам улыбнулась удача, — мрачно заметил Конан. Москиты одолевали его, а в сочетании с липкой влажной духотой кровососущие твари выведут из себя любого, не только раздражительного варвара.

— Какую именно удачу ты имеешь в виду? — спросил Басра.

— Улыбка судьбы должна иметь наружность небольшого торгового каравана, — ответил варвар. — Желательно, слабоохраняемого.

Торговцев они так и не повстречали, зато наткнулись на небольшой отряд паломников. Они везли богатые подарки и четырех рабов в подношение

Среднему храму. Охраняли их очень красивые, гладкие стражники, лоснящиеся от жира, внутреннего и наружного, числом аж двое.

Сперва Басра испугался и уполз на четвереньках, как ящерица. На небольшой поляне, где произошла схватка, стоял крик. Громко бряцало оружие. На стороне варвара были неожиданность и напор. Стражники не уступали благодаря численному превосходству. К тому же стигийское оружие было им более привычно. Они двигались, словно танцевали, и солнце вспыхивало на широких серповидных клинках. Один из стражников норовил подобраться к киммерийцу сзади и полоснуть мечом под ребра. Волнуясь, обливаясь едким потом и подскакивая, Басра грыз от возбуждения стебли папируса и пытался молиться всевозможным богам. Но в голове у него все прыгало и перемешивалось.

В какой-то момент Басра ясно понял — если сейчас этот красивый стражник ударит северянина мечом, его, Басры, приключения закончатся. Причем самым плачевным образом. Как сообщника разбойника его изрубят на месте или, что еще хуже, отвезут в Долину Смерти и принесут в жертву змеемордому жестокому богу. Эта страшная мысль поразила Басру. Страх перед неизбежной участью уничтожил все прочие страхи. Басра выскочил из укрытия, словно камень из пращи, и с копьем наперевес побежал на врагов.

Это случилось очень вовремя. Еще миг, и Конан был бы ранен в спину. Стражник, уже зашедший

ему в тыл, услышал вопль Басры и обернулся. Он быстро смекнул, что его новый противник — не воин, потому как Басра держал копье неправильно.

Приняв необычайно эффектную позу, стражник изготовился уйти от копья, направленного неумелой рукой, и распороть врагу живот. Но чудесная, неведомая сила, охранявшая Басру, устроила так, что Басра споткнулся, зацепившись ногой о корень. Негр упал головой вперед, далеко вытянув руки с копьем, и наконечник, миновавший защиту опытного бойца, с хрустом пронзил грудь стражника. Негодувшее изумление исказило лицо умирающего, он новалился и замер в неудобной позе.

В следующий миг второй стражник лишился головы. Конан, не переставая скалиться, метнулся в сторону и вытащил за уши из кустов двух богато одетых мужчин.

Басра поднялся и подошел к нему. Голова его кружилась, сердце подпрыгивало, дыхание было чужим — хриплым, клокочущим.

— Ты убьешь их? — спросил он, как мог равнодушно.

— Кром! Я не ем падали и не убиваю безоружных! — проревел варвар, все еще опьяненный схваткой. — Даже если это презренные стигийцы, поклоняющиеся ползучим тварям! Мне не нужна их смерть, мне нужна их одежда и все их добро! Вам понятно, мокрицы?

Стигийцы, к слову сказать, не поняли ни звука, но Конан крайне красноречиво потряс перед их ли-

цами окровавленным оружием. Закатывая глаза от ужаса, паломники принялись раздеваться.

— Ого! Здесь необработанные сапфиры, две золотых лампы, четыре штуки отборного шелка и слоновая кость! — объявил Басра, исследовав тюки и корзины, притороченные к спинам мулов.

Мулы были злые, храпели, толкались и норовили укусить.

— Мы богаты! — ликующе воскликнул Басра и вдруг пустился в пляс.

Никогда раньше с ним не случалось такого. Но радость, вскипевшая в его крови, требовала выхода. И Басра плясал, на ходу изобретая диковинные телодвижения и гортанно вскрикивая при прыжках.

Если Конан устрашил паломников своим грозным видом, то танец разбушевавшегося чернокожего их просто уничтожил. Подывая от ужаса, голые, они убежали в заросли, прикрывая на ходу срам. Рабы дали стрекача еще раньше, и дальнейшая их участь неизвестна.

— О боги! Я счастлив! Бедный недостойный негр счастлив! — кричал Басра. — Давай уберемся из этих проклятых мест! Вернемся назад, в Ианту!

— А что ты будешь делать со своей долей добычи? — Конан прищурился.

— Открою торговлю.

— Чем же будешь торговать?

Тон этих вопросов смущил Басру, и радость его поутихла.

— Н... наверное, рабами, — выдавил он с сомнением

нием в голосе. Ничего другого просто не пришло ему на ум.

— Разве участь этих людей ничему тебя не научила? — удивился варвар. — Разве тебе хочется быть ограбленным и убитым из-за жалкой выручки, которую можно пропить за один вечер? Разве ты, Басра, хочешь потерять свободу, которую ты только что обрел? Поверь мне, работоговцы — те же рабы. Только они об этом не знают, поэтому их судьба еще хуже. Одумайся, глупый. Сегодня ты стал настоящим воином, и сразу хочешь скатиться до жалкого алчного торгаща.

— Подумаешь! — возразил Басра. — Чего особенного я сделал? Змея была куда опаснее этого наемника.

— Ты одолел кумуди, спасая собственную жизнь. А на охранника бросился, чтобы помочь мне, своему товарищу. Это гораздо почтеннее.

— Да? — Басра вдруг вспомнил, что именно заставило его атаковать стражника, и ему стало стыдно.

— Наверное, ты прав, — пробормотал он. — А глупый негр опять сморозил чепуху. Научи глупого негра. Скажи, как лучше распорядиться добычей.

— Я скажу. Мы отвезем ее в Долину Смерти и отдадим в храм, куда она и должна была попасть.

— Что? — Басра не поверил собственным ушам.

— Очень просто, — Конан ухмыльнулся. — Богатым дарителем будешь ты. А впридачу к подаркам будет невольник. Белый, сильный невольник. То есть — я.

— О боги! Что замыслил этот безумец! — Басра плюхнулся на землю и обхватил голову руками.

— Если мы поступим таким образом, нам будет проще найти туранскую девушку, — пояснил киммериец. — Ты отдашь меня одному из жрецов по имени Татхэб. Понаблюдав за ним, мы узнаем, что случилось с дочерью моего друга.

* * *

— Как случилось, что моя волшба перестала действовать на тебя, Балзу? — спрашивал Татхэб, сидя на трехногом высоком табурете.

— Вряд ли ты поймешь, — отвечала Балзу.

— Если ты постараешься объяснить, то пойму.

— Для тебя жизнь — сплошная цепочка хитростей, заклинаний и жестоких ритуалов. — Балзу на миг закусила губу. — Ты не поймешь, потому что жестокий демон, которому ты служишь, не позволит тебе этого.

Балзу стояла босыми ногами на лущеном крупном горохе. Горохинны постепенно впивались ей в ступни, причиняя тупую ноющую боль.

— Это не пытка, — пояснил Татхэб, рассыпая горох по полу, — это способ снять доспехи с твоего сознания. Конечно, ты сама виновата в том, что мне приходится применять подобные меры. Ты неискренна со мною, туранка.

Балзу спокойно разудась и встала на горох. Но это была не покорность, а скорее наоборот, очередная дерзость. Демонстрация превосходства. Женщи-

ны любят демонстрировать превосходство. Догадываясь о подобном течении событий, Татхэб выпил двойную дозу так называемого «напитка мудрецов» — особого зелья, создающего иллюзию успокоения и отрешенности. Вскоре он ощутил, что пресловутая «мудрость» — одно из названий сонного отупения. Но не огорчился — из-за действия того же напитка.

— Великий Сет, владыка владык, не хочет, чтобы верный его слуга постигал законы жизни? За одно это утверждение тебя искупали бы в кипящем масле, — проговорил он медленно и усмехнулся.

— Конечно, он этого не хочет, — Балзу переступила на месте, отчего боль на мгновение сделалась резкой. — Ведь в противном случае ты отошел бы от него. Жестокость, без которой не мыслима его власть, — не признак силы. Напротив, это еще одна слабость. У каждого из вас под сердцем спит змея. Когда придет время, змея проснется и укусит. Жертва слаба, но истязатель всегда слабее — он сам несет в себе свою гибель.

— Большой глупости я не слыхал, — Татхэб утер лоб. Паузы между словами в его речи становились все длиннее и длиннее.

— Напри, жестокий тиран, правил моей страной. Это было не так уж давно. Он умер, наблюдая за казнью своей служанки. Казнь была страшной, она состояла из множества различных пыток. Напри упивался зрелищем. Когда мука несчастной достигла наивысшей степени, у него в голове зопнули со-

суды. Кровь полилась из его глаз. Он скончался раньше приговоренной, а крик его заглушил ее стоны.

— Должно быть, он был просто слабак, — проговорил Татхэб, еле ворочая языком.

— Он был могучий воин и сильный мужчина, — возразила Балзу. — Но при этом, конечно, он был слабак.

Жрец с усилием мотнул головой.

— Вот пример многозначительной бессмыслицы, — заявил он. — Первая часть твоего утверждения противоречит второй и наоборот. Вернемся к моему вопросу. Как случилось, что ты ушла из-под моей власти? Если это такой важный секрет, может быть, стоит позвать палачей?

— В любом случае этим все закончится, — сказала Балзу без тени страха в голосе. — Но секрета тут нет. Ты помнишь утро накануне твоего отъезда, вернее — бегства из Султанапура?

— Стану я помнить всякий вздор!

— Я попала в плен к тебе почти добровольно. Я была готова петь тебе песнь любви, играть на твоей флейте, обвивать тебя, как лоза обнимает дерево... Я пришла в твой кабинет подарить тебе ласку. Ты сидел за столом и считал что-то, щелкая абаком. В глазах твоих горели золотые монеты. Я хотела коснуться сокровенной части твоего тела, мои губы шептали твое имя... А ты отстранил меня, как назойливую кошку, отодвинул, как предмет без тепла и души. Вот тогда твои чары и прекратили действовать.

Татхэб некоторое время слушал завывание ветра в потайных трубах. Ему хотелось рассмеяться, но нижняя часть его лица сделалась твердой, как каменная маска.

— Не может быть, — хрипло вымолвил он. — Ты все врешь, нарочно, чтобы я сошел с ума от досады... Погоди же. Сегодня ночью с тобой случится кое-что пострашнее, чем обыкновенные пытки. Участь служанки этого глупого Напри покажется тебе сладкой...

Сказав так, Татхэб спустился с табурета. К его горлу подкатилась дурнота, лоб покрылся испариной.

— Стражник проследит, чтобы ты простояла на горохе до вечера, — злобясь, сказал он. — У тебя будет еще время подумать о своем жребии...

— Изнасилование души гораздо болезненнее всяких пыток, — тихо молвила Балзу.

— О, как ты права! — бросил он и вышел, пошатываясь. Покинув каменное сооружение и стремясь поскорее оказаться на воздухе, — то ли от злости, то ли от зелья, — он забыл, что снаружи жарит солнце, а единственное место в тени занято кольями с насаженными на них жрицами и рабынями. Зрелище казненных рабынь сперва очень радовало Татхэба — они не умели держаться с достоинством, кричали, вырывались, отдавались агонии, совершенно не сдерживаясь. Но рабыни очень скоро утратили разум. Боль быстро пожрала их ничтожные души. Теперь они возбуждали не больше, чем коровы на бойне.

Рядом со входом дежурил новый раб Татхэба — несуразный верзила с выпуклыми мышцами и длинными волосами. Он был немой и кажется дурачком. Подаривший его паломник уверял, что раб не буйный. В самом деле, он бросался исполнять приказы, понимая их с полуслова. А как великолепно он орудовал плеткой, разгоняя тысячеголовую толпу перед носилками Татхэба!

Телохранитель был нужен жрецу, как никогда. Конечно, его кандидатуру многие поддержат. Но будут и враги. Не для того Татхэб провернул эту сложную интригу, чтобы его зарезали на ступенях храма, который он уже привык считать своим

Приказав немому следовать за собой, Татхэб пересек алтарь страдания и вошел в дверь, устроенную в задней лапе второго каменного льва. В одном из верхних ярусов этого сооружения находились его личные покой.

Здесь он держал змею, полученную от заклинателя Хутту. Сейчас она уже ничем не напоминала ту жалкую иссохшую мумию, какой представала перед Татхэбом в первый раз, когда тот получил ее из рук своего учителя. Теперь это был раскормленный гад с лоснящейся желто-черной шкурой. Изумрудный его глаз горел дьявольским огнем и никогда не закрывался. Даже когда змея спала. Татхэб видел в темноте эту пылающую зеленую точку, котораяенно и ионично напоминала ему о том, что даже если может утомиться и задремать животное, в чем теле помещается дух божества, само божество остается

недреманным и вечно бодрым. Мертвый глазок стал желтым и холодно наблюдал за всем происходящим вокруг.

Завидев Татхэба, змея подползла к нему и принималась, как бы шутя, обвиваться вокруг его тела. Добравшись до головы жреца, она клала плоскую морду ему на плечо и блаженно щурилась. Змее нравилось прикосновение теплого человеческого тела, а дрожь ужаса, которая пробегала по этому телу, когда взгляд Татхэба встречался со взглядом божества, вызывала ответный трепет в длинном теле змеи.

— Скоро, — пробормотал Татхэб, принимая ласки своего страшного питомца, — скоро, дорогой, ты познаешь плоть юной девушки, которая носит в своем сердце умение любить... Скоро ты выпьешь из нее это умение и навсегда наполнишь ее душу мертвящим холодом... Какая чудная жрица для великого Сета получится из этой туранки!

Змея чуть приподняла голову и медленно покачала ею из стороны в сторону, словно хотела выказать одобрение. Татхэб никогда не мог понять, что из произносимого им змея понимает, а что воспринимает просто как некие колебания воздуха, производимые тем, кто дает ей молоко и кровь.

Впрочем, сейчас было не время задаваться подобными вопросами. Близились сроки, исполнения которых Татхэб ожидал с таким жгучим нетерпением.

Пламенное стигийское солнце медленно опускалось в воды Стикса. Становилось темно. Боги-

ня-ночь раскинула над Стигией широкое черное покрывало, усеянное точками звезд. Луна еще не начинала своего пути по небосклону — она взойдет позднее. От волнения у Татхэба лязгали зубы, и он невольно потянулся за эликсиром «мудрости». Лишь бы не показать перед божеством и его будущей жрицей (или жертвой?) своей человеческой слабости... Потому что в глубине души — и Татхэб знал об этом — он так и остался нелюбимым сыном властной матери-шлюхи, которая была так щедра на пощечины. Образ старухи, умирающей перед ним в сумерках, сглаживался — оставалось молодое, сильно накрашенное, злое и притягательное женское лицо, лицо богини — служительницы бога.

Нет, Татхэб не покажет женщине своего волнения! Он быстро сделал глоток из маленького флакона и протянул руки к змее. Словно поняв его намерение, змея выбралась из своей корзины и стремительно потекла по полу.

Татхэб поднял ногу, и змея обвилась вокруг нее. Затем поднялась выше. Ее сверкающие золотые кольца, вспыхивающие пламенем при тусклом свете масляной лампы, охватили тело жреца, словно некая волшебная кольчуга.

Немой раб, стоя у выхода, наблюдал это с беспристрастным и тупым видом. Татхэб, впрочем, мало задумывался над тем, какие чувства питает его телохранитель по поводу происходящего. До сих пор немой не давал ни малейшего основания усомниться в его преданности и полезности. И самое главное —

этот немой был мужчиной. Не женщиной. Он не мог презирать Татхэба.

Сделав верзиле-телохранителю знак следовать за ним, Татхэб покинул свои покой, унося змею на собственном теле и покрыв ее плащом, чтобы сторонний наблюдатель ничего ненароком не заметил. Незачем. Один из секретов могущества — таинственность. Персона жреца должна быть окружена полной и непроницаемой тайной.

А это, в частности, означает, что когда Татхэб добьется своего и возглавит жречество в Долине Смерти, придется избавиться от Хутту...

Но это все потом, потом. Сейчас первоочередная задача — Балзу. Сломить ее дух. Вот что важно. Иначе Татхэбу не будет покоя до конца дней его.

Девушка встретила его с видимым спокойствием. Татхэб, опытный в созерцании страдающих людей, умел различать сделанное спокойствие и истинное, которое встречается крайне редко — по правде говоря, вообще практически никогда. Он умел разбирать в глазах жертвы любое чувство, которое та пытается скрыть или подавить. Татхэб вовсе не хвастался, когда утверждал, что может читать человека, точно книгу. И вот сейчас он при всей своей проницательности не мог усмотреть в глазах своей пленицы ничего, кроме презрения к нему, слабому человеку, который пытается разгадать великую загадку любви, рассекая жертвенным ножом сердце, способное любить и удивляясь тому, что видит только комок плоти и сгустки крови.

Немой привычно занял место у выхода, оглядываясь по сторонам в поисках того, кто мог бы притаиться поблизости и покуситься на жизнь жреца. Татхэб позвал стражу:

— Приковать ее к стене, — распорядился он. — И снимите с нее одежду. Я хочу видеть, как пот покроет это гладкое тело. Впрочем, нет... обнажите грудь и так оставьте.

Стражники схватили девушку и подтащили ее к кольцам, вмонтированным в стену темницы. Один навалился на нее и придавил к стене, а второй грубо схватил тонкую руку пленницы и всунул ее в кольцо. Шелкнул замок — запястье оказалось намертво прикованным к стене. Затем настал черед второй руки. Балзу не сопротивлялась. Стражник, державший ее, едва не задушил девушку своим зловонным дыханием. Втайне он пытался пошарить у нее под одеждой, но времени, к счастью, у негодяя было слишком мало.

— Готово! — крикнул первый стражник.

Татхэб медленно усмехнулся.

— А теперь — ступайте, — сказал он. Стражники нехотя покинули помещение. Между собой они давно спорили, как долго продержится новая пленница Татхэба. Ставки росли, Балзу не сдавалась, и теперь для храмовой стражи стало жизненно важным узнать — что еще намерен предпринять жрец, чтобы подчинить себе жертву.

Но их выставили — и довольно бесцеремонно. Хорошо бы расспросить татхэбова раба, думали, ухо-

дя, стражники, но проклятый северянин, как на грех, немой. Или притворяется немым — зато очень успешно. В любом случае он ничего не расскажет.

Широко раскрыв глаза, Балзу смотрела, как ее мучитель распахивает на себе плани. Татхэб двигался неспешно.

Его движения замедляло действие зелья, но еще больше — желание растянуть наслаждение, упиться ужасом жертвы, который должен расти по мере того, как вся картина предстоящей пытки раскроется перед Балзу во всей полноте.

Змея, обвивавшая тело Татхэба, увидела девушку, шевельнула головой и принялась жадно высасывать из пасти трепещущий язык. Затем она медленно, кольцо за кольцом, покинула тело жреца и подползла к прикованной пленнице. Скользнув по стене, змея поднялась к ней и заглянула ей в глаза своими страшными разноцветными глазами. Балзу до крови закусила губу.

Ей было страшно... и вместе с тем она не боялась. Она никогда не опускалась до внутреннего согласия со своим плачом, поэтому ледяной ужас, который ожидает жертв Сета, миновал ее. Трепетала слабая юная плоть, испытывая естественный человеческий страх перед смертью и болью, но Сет не поглотит ее душу и не будет пожирать ее в вечности, среди тьмы и холода, как это случилось с умершими жрицами.

Змея отползла от стены на несколько шагов, поднялась на хвосте и принялась танцевать. Она то

свивалась кольцами, то поднималась до середины туловища и раскачивалась под какую-то одной ей слышину мелодию.

Постепенно жуткая пляска змеи становилась все быстрее, все стремительнее сверкало золото чешуи в полной темноте, все ярче вспыхивал зеленый глаз божества в плоской змеиной голове.

Татхэб почувствовал, как волнение охватывает его. В нем трепетал каждый орган, каждый член. Пляска змеи оказывала на него странное действие. Его сердце начинало гореть и расширяться в груди, живот напрягся так сильно, что мышцы стало сводить, а детородный орган налился кровью и бешено потребовал удовлетворения. Жгучий жар плотского вожделения охватывал все тело жреца, и все же он не мог двинуться, потому что и руки и ноги его выкручивало судорогой при малейшей попытке шевельнуться.

Татхэб застонал сквозь зубы... Внезапно яркая вспышка пронзила его сознание, а сердце с оглушительным звуком, который слышал только один Татхэб, взорвалось в груди. Мощнейшее облегчение сотрясло все тело жреца, и семя его фонтаном излилось на пол.

В то же самое мгновение тьма начала застилать глаза Татхэба, и он повалился на каменные плиты, хрюпя и задыхаясь.

Дрожь пробежала по его телу, в памяти мелькнуло непонятное слово: «Напри!» — и все затихло. Татхэб был мертв.

А змея вдруг поднялась на самом кончике хвоста, закружила и превратилась в человека. Это был толстый лысый человек... и будь Татхэб еще жив, он признал бы в нем своего старого учителя, заклинателя змей Хутту. Но Татхэб лежал на полу мертвее мертвого, и Сет пожирал его душу, погруженную в ужас и леденящий холод. А немой телохранитель расширил синие глаза и неожиданно обрел дар речи, взревев:

— Кром!

Перед ним, поднявшись на кончиках пальцев, с нечеловеческой грацией вращался в танце раздутый, точно демон, великан. Вот он, наклонившись, уставился на тело Татхэба, а затем, невероятно широко разинув пасть, проглотил своего бывшего ученика целиком.

Видно было, как по горлу чудовища проползает туловище человека, — оно на миг вспутилось, а затем снова опало. Конан выхватил серповидный меч и метнулся к монстру.

* * *

Пока «телохранитель» наскакивал на гиганта, нахся ему удар за ударом — впрочем, без ощутимого вреда для последнего, — его сообщник Басра пробрался в апартаменты Татхэба.

Конан велел ему осмотреть там все как следует, чем и занялся негр, дивясь собственной дерзости и предприимчивости.

— А что если покой охраняются вооруженными слугами? — спросил сам себя Басра, прокрадываясь по лестнице наверх. Он старался не думать о том, что находится внутри каменного льва, в самом сердоточии жреческой власти Долины Смерти. — Ну и пусть охраняются, — решил он после недолгого раздумья. — Я с ними покончу!

И негр потряс в воздухе кинжалом. Он стал очень храбрым.

В покоях Татхэба поначалу Басра не обнаружил ничего стоящего. Одежда... Но натягивать на себя то, что облекало жреца Сета... Бр-р! От одной мысли об этом негра пробирала холодная дрожь.

Украшений он нашел совсем немного, и все они были довольно дешевыми. В досаде Басра принял перерывать сундуки и постель и наконец перед ним предстал небольшой сундучок.

— Ага! — воскликнул Басра, сверкая белыми зубами не то в улыбке, не то в хищном оскале. — Кажется, нашел!

Сундучок был заперт на прочный замок. Напрасно Басра озирался по сторонам в поисках ключа. Напрасно тряс сундучок и даже бросал его на пол. Замок не поддавался. В конце концов Басра всунул кончик кинжала в щель между крышкой и стенкой сундучка...

Едва не сломав лезвие, протиснул его глубже, надавил... Наконец-то! Послышался треск, и крышка поддалась. Басра сорвал ее с петель и едва не закричал от разочарования.

Сокровища? Монеты? Как бы не так! На дне сундучка лежала маленькая сморщенная змеиная шкурка.

Осыпая проклятьями Сета, его служителей, себя — глупого негра, а заодно и киммерийца, который втравил его в эту историю, Басра схватил шкурку двумя пальцами и швырнул в очаг, где несмотря на жаркий день тлел огонь. Тотчас пламя вспыхнуло невероятно ярко, так что у Басры сразу заболели глаза, и так же внезапно погасло. Басра захмурился. Белые круги расплывались у него перед глазами, он чувствовал себя ослепленным. В голове что-то стучало.

Басра плюнул на пол и, шатаясь, побред к выходу. Ничего путного в этой комнате нет. Возможно, Татхэб жил ради ощущения власти над другими людьми и презирал материальные блага. Тем хуже для Басры и Конана. Потому что власть над людьми — это такая проклятая штука, которую не может украсть даже самый ловкий вор.

* * *

Тем временем Конану приходилось туго. Великан наваливался на него своей необъятной тушей, давил животом, пытался наступить на человека ножицей. Конан едва уворачивался от своего противника. Хутту глухо, утробно хохотал, наслаждаясь неравным боем со слабым и маленьким противником. Он оттягивал то сладкое мгновение, когда сможет пожрать варвара живьем. Да, заклинатель не станет

убивать этого человека. Мертвец, конечно, — лакомое блюдо, но живая плоть, погружающаяся в бездонное чрево чудовища, еще трепещущая в желудке, доставляет несоизмеримо большее удовольствие.

И вдруг что-то произошло. Хутту испустил отчаянный громкий вопль и скрчился. Он опустился на четвереньки, обхватил себя за плечи руками и затрясся неестественно быстро и крупно. Все его гигантское тело содрогалось, складки жира вздрагивали, как будто по ним хлопала невидимая ладонь. А потом что-то произошло, и вот уже перед Конаном на корточках сидит человек самого обыкновенного роста.

Испустив ликующий боевой клич, варвар взмахнул стигийским мечом и обрушил его на шею своего противника.

Голова Хутту покатилась по полу, губы его все еще двигались, а глаза моргали. И вдруг Конан ясно увидел, что голова — змеиная. А тело, оставшееся биться в корчах на полу, вдруг окаменело — это была пересушенная мумия, давно покерневшая от страсти и покрытая жирными темными пятнами прогоркшего масла, которое используется дешевыми мастерами при бальзамировании. Фонтан горячей крови ударил в стену и залил пленницу. Она не выдержала — забилась о стену, пытаясь высвободить руки.

— Тише ты, — сказал ей варвар, приближаясь. Меч он бросил на пол, и клинок, звякнув, исчез в полутьме. — Ты Балзу, не так ли?

Девушка молча смотрела в надвигающееся на нее лицо. Это было довольно привлекательное мужское лицо с холодными синими глазами, обрамленное копной нечесаных черных волос. Неожиданно варвар усмехнулся, и взгляд его сразу потепел.

— Хорошая дочка у моего друга, — похвалил он. — Ты довела его до умописступления. Он ведь помер, ожидая твоей смерти.

Она вдруг захохотала. Она смеялась и смеялась. Слезы текли по ее лицу, смывая со щек кровь Хутту, зубы лязгали, искусанные губы болели — а Балзу все смеялась и не могла остановиться. Конан освободил ее руки и подхватил девушку, которая повалилась ему на грудь.

— Не могу стоять, — призналась она, задыхаясь. — Ох... помер, глядя, как я... Напри... Глупо, глупо, глупо!

— Хватит, — варвар сердито дернул ее за волосы. — Перестань смеяться, иначе у тебя заболит живот.

— Живот... какое слово... смешное... — она застонала.

Конан взвалил ее на руки и понес прочь из темницы. Балзу тихо вздохнула и потеряла сознание.

* * *

— Что за дрянь там у него хранится! — причитал Басра, который столкнулся с киммерийцем у лап каменного льва. — Ничего стоящего. Всякий хлам. А в шкатулке он держал — знаешь что? В жизни не поверишь! Змеиную шкуру! Тьфу!

Негр энергично плонул и вдруг увидел запрокинутое лицо пленницы. Он так и замер с разинутым ртом.

— Кто это? Та самая? Из-за которой ты...

— Угу, — сказал Конан.

И тут послышался тихий треск. Звук был совсем негромкий, однако чуткое ухо варвара уловило немену, и Конан быстро повернулся в сторону каменного льва. Гигантское сооружение пошло трещинами и начало петь на ветру.

— Он разваливается! — закричал Конан. — Бежим отсюда!

Басра не заставил себя упрашивать. Он подхватился и побежал что есть силы. Конан с пленницей на руках помчался следом. За их спинами с грохотом, поднимая тучи пыли, валялись обломки. С громкими криками к рассыпающимся львам мчались стигийские стражники.

* * *

... У костра сидели трое. Ни ядовитые миазмы стигийских болот, ни москиты, ни предстоящий трудный и долгий путь до Турана — ничто не могло испортить им хорошего настроения.

Басра не сводил глаз с освобожденной пленницы. А она нет-нет да поглядывала в сторону стройного чернокожего парня, который так нелепо раздевал рыбу и так забавно умел болтать.

Конан, конечно, замечал этот обмен взглядами. Что ж, Балзу — красивая девушки, умная и с твер-

дой волей. Для такой трудно подобрать подходящего мужа, размышлял варвар. Считается, что женщина с сильным характером требуется еще более сильный мужчина, но Конан был уверен в том, что это чушь.

Напротив, такую девушку вполне может осчастливить муж-тряпка, лишь бы он любил ее от всей души и позволял вертеть собой, как вздумается обожаемой женушке. Умная женушка лишнего не навертит.

Придя к этому выводу, Конан не стал мешать своим спутникам. Пусть события идут своим чередом, а уж он, Конан, по прибытии в Султанапур переговорит со своим другом Али-Бекром. Расскажет, как много опасностей пришлось им преодолеть для того, чтобы вызволить Балзу из лап служителей змееголового Сета. И представит своего давнего друга, принца из Кешана по имени Басра, который был верным спутником Конана в его путешествии по Стигии и своим последним подвигом оказал неоценимую помощь при освобождении прекрасной Балзу.

А заодно намекнет на то, что принц Басра пленился чудными очами дочери Али-Бекра. Нет-нет, Басра — младший сын, он не может претендовать на престол Кешана.

Разве что внезапно умрут все семнадцать его старших братьев. Да, принц Басра с радостью остался бы в Туране... Естественно, если ему будет предложена должность при дворе...

И разумеется, он был бы счастлив попросить руки прекрасной Балзу...

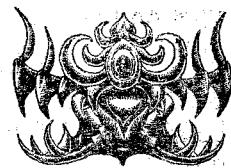
Спустя несколько лун все эти планы были претворены в жизнь — уверенно и ловко.

Как и все, что делал Конан.

СТИГИЙСКИЕ МАГИ

ядом с границей Кешана и Стигии, у отрогов гор, что скрывают в своем сердце большой город Алкменон, стоит маленький городок — Куранак. Больше половины жителей в нем — стигийцы, хотя считается, что он расположен на территории Кешана. Городок этот торговый, но какой-то невеселый; не бывает там ни разудальных ярмарок, ни праздников, ни особенно оживленного обмена товарами. Купцы проезжают его быстро — торопятся попасть в Птейон или Сухмет. Но все же чужаки здесь не редкость, и в городе имеются целых два постоянных двора.

На одном из них, том, что похуже и поближе к окраине города, сидели тем вечером сразу двое постояльцев: огромного роста варвар со смоляными волосами и синими глазами и невысокий, верткий, смуглый человечек, который даже в помещении не стал снимать с себя доспеха.

Варвар больше слушал, время от времени вставляя «хм!», а человечек говорил без умолку. Видимо,

о чем-то любопытном для своего собеседника болтал он, потому что киммериец ни разу не прерывал его, не заревел «клянусь Кромом, ты меня утомил!» — или что-то в этом роде. Хотя трактирщик поначалу ожидал именно этого.

С облегчением убедившись в том, что оба его постояльца, несмотря на полную противоположность характеров, сошлись вполне по-дружески и что вина им хватит еще на половину ночи, когда их, вероятно, сморит сон, трактирщик удалился на покой. А собеседники остались возле очага и продолжили свою беседу.

Второй путешественник был стигиец. Поначалу, когда они с киммерийцем только-только встретились на этом постоялом дворе, они страшно не понравились друг другу.

— Стигиец? — проворчал варвар, трогая меч, рукоять которого высовывалась из-за могучего плеча.

— Варвар? — прищурился стигиец, поводя плечами особым образом, так что все пластины, нашитые на его кожаный доспех, угрожающе зазывкали, а различные амулеты и подвески на пояске забренчали, точно ковши в посудной лавке во время сильного ветра.

— Лучше уж быть варваром, чем жить в Стигии, среди «цивилизованных» людей, — фыркнул киммериец. — Не будь я Конан-Амра, если мне захочется осесть в этой отвратительной стране!

— Говори почтительнее о моей родине! — разозлился маленький стигиец и повыше задрал нос.

Черты его смуглого лица были приятные, правильные и тонкие, большие темные глаза влажно блестели, широкие гладкие брови выглядели так, словно их специально смазывали маслом.

— Еще чего! — заявил Конан. — Всем известно, что Стигия — берлога злобных колдунов и обиталище отвратительных демонов. Ничего хорошего не может быть родом из Стигии.

— Да, в Стигии много магов, — отозвался молодой стигиец. — Но не одни только маги населяют эту землю, можешь мне поверить! Кто, по-твоему, возделывает стигийские поля? Кто ловит рыбу? Кто производит тонкие стигийские ткани, режет по кости и дереву, создает изящные украшения?

— Кто? — заинтересовался Конан. И тут же ответил сам себе: — Вероятно, какие-нибудь несчастные рабы, которых вы вывозите из Черных Королевств или пригоняете с севера.

— Можно подумать, в других странах нет рабов! — задиристо возразил стигиец. — Нет, в нашей стране, поверь мне на слово, много достойных людей. Другое дело, что наши маги действительно преуспели в черных науках и иногда от них нет никакого житья...

— Ладно, — вдруг согласился Конан. — Ты мне нравишься. Странный ты тип.

— Мое имя — Гирадо, — представился стигиец. — Я родился в Луксуре и с детства люблю его башни и таинственные улицы. Знаешь, приятель, там ведь очень красиво.

— Да. А еще — жутко, так мне говорили ребята, которым удалось унести оттуда ноги, — сказал Конан.

— Иногда «жутко» — часть понятия «красиво», — задумчиво отозвался Гирадо.

— Слишком сложно для меня, — проворчал Конан. — Давай лучше ужинать.

За ужином они подружились окончательно. Гирадо оказался замечательным собеседником. Он очень много знал, побывал в десятках городов, проник — как казалось, слушая его рассказы, — в сотни тайн, и обо всем имел собственное мнение.

Он был воином. Конан впервые видел воина-стигийца и не уставал дивиться этому зрелицу.

Гирадо был вооружен с головы до ног: на нем был доспех из очень плотной кожи, с нашитыми медными пластинами, во многих местах помятыми и пробитыми, — очевидно, этот доспех не раз побывал в бою; на левой руке стигиец носил маленький круглый щит, за спиной у него висел лук, на бедре — колчан, за поясом — шесть кинжалов в ножнах, а чуть ниже — короткий и широкий меч, какими пользуются пехотинцы. Имелся еще длинный меч, но он остался лежать в комнате, где остановился путник, вместе с остальными его нехитрыми пожитками — колючим одеялом из верблюжьей шерсти, котелком, связкой черного вяленого конского мяса и седлом с уздачкой. От своего оружия стигиец даже не подумал избавиться, когда спускался вниз, к очагу, где намеревался перекусить перед сном.

Конан исподтишка разглядывал многочисленные амулеты, которыми стигиец был увешан. По мнению варвара, выглядело это крайне глупо. С другой стороны, низкорослый воин происходил из Стигии, а там знают толк в кощовстве. Возможно, этот парень понимает, для чего ему быть, точно красавица из грема, с головы до ног в побрякушках.

Они ужинали и разговаривали, а потом, когда с мясом и хлебом было покончено, принялись за вино и уничтожили немалое его количество. Гирадо рассказывал о своих подвигах. Несколько раз ему удавалось уничтожить монстра. В Стигии, по его словам, полным-полно монстров, и он, Гирадо, взялся их изводить.

— Сейчас у меня охота на дичь покрупнее, — признался он наконец, после шестого или седьмого увесистого бокала местного хмельного напитка.

Конан вопросительно поднял бровь.

По другую сторону границы, в Стигии, в сумрачном лесу Вио шла тайная и страшная жизнь, о которой до поры никому не было известно. Там сохранилось в неприкосновенности племя человекозмей, которых называли старра. Они умели передвигаться с огромной скоростью, подобно своим прародителям-змеям, когда те неслись прямо на добычу, но, в отличие от предков, не ползали на брюхе, но ходили прямо, высоко подняв маленькую узкую голову. Их тела, тонкие и гибкие, чуть извивались при ходь-

бе — это помогало им удерживать равновесие. Маленькие красные глазки злобно блестели из-под капюшонов. Старра носили широкую одежду без рукавов с низко опущенными капюшонами — это позволяло им скрывать свой истинный облик и чувствовать себя уверенными.

Даже в своем лесу они не любили обнажать головы. Между собой они разговаривали, быстро шипя и высовывая дрожащие раздвоенные языки. Их речь была примитивной, но хорошо служила им. Эти существа были созданы в незапамятные времена одним могущественным магом. Давно уже погиб этот маг и забылись его имя и действия, но зловещее племя змеевидных продолжало населять лес Вио. Старра почти не размножались; если случалось самке отложить яйца, то их берегли как зеницу ока. Половина змеенщих так и не вылуплялась — они были мертвы изначально, и яйца постепенно протухали. Из оставшихся многие погибали, едва разорвав кожистую скорлупу — их убивали солнце, влажность, ветер. Но десяток явившихся на свет развивался и вскоре вырастал в холодных, сильных, беспощадных магических воинов. Старра были созданы идеальными слугами волшебника. Утратив господина, они тосковали, смутно осознавая причину своей тоски. Жизнь их не имела смысла. Они поддерживали ее лишь потому, что это также было заложено в их природе.

Наконец кое-что переменилось.

На окраине леса Вио четверо магов выстроили четыре башни. Об этом мало кому было известно.

Здешние края почти необитаемы. Земля неплодородна, поэтому крестьяне не приходят сюда со своими быками и плугами. Среди местных растений нет ни шелковицы для того, кто умеет выделять тонкие шелковые ткани; ни папируса — для умеющих творить письменные принадлежности. Ничего такого, что привлекло бы сюда посторонних людей.

Идеальное место для уединенных занятий магий. Именно так решили четверо братьев-магов, сыновей Мутэмэнет.

— Ты не знаешь о Мутэмэнет? — блестя глазами, торопливо шептал молодой стигиец, в то время как Конан неспешно поглощал вино, бокал за бокалом, и с удовольствием слушал. — Это была исключительная женщина. Мага. Она знала заклинания из десятков магических книг. Никто даже не подозревал, сколько ей зим. Говорят, больше тысячи... Во всяком случае, не меньше пятисот. Как она была красива! Длинные черные волосы. Она разбирала их на сотни прядей и кончик каждой пряди помещала в длинную золотую колбочку, а саму прядь перевивала жемчужными нитками. Глаза она красила темно-синей краской, брови покрывала перламутром, на щеках рисовала красные спирали, а губы...

— Погоди, — перебил вдруг Конан. — Ты описываешь не женщину, а настоящую ювелирную и косметическую лавку. И еще говоришь, что она была красива. Не вижу я что-то красоты.

— Понимаешь, она ослепляла...

— Ты видел ее?

— Нет, но мне рассказывали... Кроме того, мне показывали ее портреты...

— Где? В магической академии?

— Можешь смеяться надо мной, сколько тебе влезет, — надулся молодой стигиец. — Нет, я видел ее портреты на рынке в Луксуре.

— По медяку за штуку? — фыркнул варвар.

— По три... Какая разница! Будешь перебивать и насмешничать — вообще ничего больше тебе не скажу.

— Сдается мне, речь сейчас пойдет о сокровищах, — сказал варвар проницательно. — Поэтому не буду я больше перебивать тебя. И смеяться не стану. Прости, братец.

— То-то же, — примирительно улыбнулся стигиец. — Ладно, я буду тебе рассказывать так, как рассказывали эту историю мне, а ты слушай и помалкивай. Скоро начнется самое интересное.

Мутэмэнет породила на свет четверых сыновей. Никто не знает, кем был отец этих отпрысков. Поговаривали, будто бог Сет или бог Апоп. Во всяком случае, кто-то очень неприятный! Но она умела обольстить могущественное существо мужского пола, раздразнить его естество и получить желаемое.

Знаешь, Конан, — добавил стигийский воин, — на том же луксурском рынке до меня доходили совсем другие слухи... Будто бы отцом всех этих великих сыновей великой маги Мутэмэнет был какой-то безвестный конюх. Красивый малый и совсем безродный, но храбрец и великий охотник до женщин.

Будто бы прекрасная мага увидела его, выглянув в щель между занавесиями своих носилок, когда тот оглаживал лошадь, и сказала сама себе: хотела бы я быть этой лошадкой! А парень услышал, как знатная дама высказывает такое пожелание... Результат тебе понятен. Четверо сыновей.

Она родила их одного за другим. Они — четверня. Можешь себе представить? Говорят, Мутэмэнэт не захотела тратить лишнего времени на вынашивание каждого ребенка по очереди и магическим способом сделала так, чтобы все ее дети родились, так сказать, в один присест.

Разумеется, она применила могущественную магию. Не знаю уж, в какой книге она это нашла. И не могу тебе точно сказать, что это было: напиток, заклинание, волшебный предмет... В общем, укладываясь на ложе любви с бравым конюхом, мага применила свои чары, и семя зачатия разделилось на четыре части. Такая ей пришла фантазия.

— А куда потом делься конюх? — заинтересовался Конан.

— Неизвестно. Может быть, она его съела. Был такой слух, что Мутэмэнэт умеет превращаться в змею. Одни говорили — в крылатую, другие — в огненную. Во всяком случае, в одной своей ипостаси эта женщина — монстр.

— Такая женщина в любой ипостаси — монстр, — проворчал Конан. — Я бы ее зарубил, не раздумывая.

— Кожа у нее медная, — сказал Гирадо. — Это

иично. Общепризнанный факт. Впрочем, поговаривают, что конюх, отягощенный дарами, уехал из Стигии и теперь процветает не то в Офире, не то в Зингаре. Повезло парню.

— Наверное, до сих пор плюется и на женщин смотреть не может, — предположил Конан.

Гирадо пожал плечами.

— Вот уж это — точно не наша с тобой забота. Итак, предпримчивая мага родила сразу четырех сыновей. Но то ли она ошиблась в расчетах, когда применяла во время зачатия свою магию, то ли это входило в правила игры — не знаю уж, да только каждый из ее сыновей принадлежал только одной стихии: старший — земле, второй — воде, третий — воздуху, четвертый — огню. Вся магия, которая была им подвластна, имела отношение только к одной из стихий; да и характер, телосложение, способности — словом, все было несколько однобоким. Один был плотный, черноволосый, туповатый и упрямый. Второй — синюшный, отечный, с выпученными голубыми глазами, неопределенный, со странными приступами гнева, которые сменялись глубокой меланхолией. Третий — совершенно белый, как червяк, с длинными истонченными конечностями, с хрупкими костями, огромным ртом и раздутым животом. Этот обладал, кроме всего прочего, неприятной особенностью испускать газы. Противный тип, ничего не скажешь. Погодой повелевал, как божество, но во всем остальном... И капризный.

— А огненный? — заинтересовался Конан.

— Чернокожий и огненно-рыжий, как ты понимаешь, всегда кипящий злобой и яростью, любитель уничтожать, ломать, крушить. Всегда шел напролом.

Эти четверо деток доставляли своей матери немало трудных мгновений, но она умела с ними справляться. Потому что, в отличие от них, Мутэмэнет была цельной личностью.

Не думаю, чтобы она много времени потратила на обучение их магическим искусствам, потому что они сами по себе были произведениями магического искусства. Она использовала их в собственных целях. Только не спрашивай меня, каковы эти цели были. Я не умею проникать в тайные мысли людей, даже если это великие маги, о которых судачит вся Стигия. Но уверяю тебя, Мутэмэнет ничего не делала просто так.

На краю леса Вио, который они выбрали ради уединенности, эти существа по приказу своей матери возвели четыре башни и стали учиться там повелевать стихиями. Прошло немало зим, прежде чем с'тарра, обитавшие в глубине леса, просыпали о новых соседях и начали задумываться о том, нужно ли им подобное соседство.

С одной стороны, людям-змеям требовался властелин, истинный маг, который направил бы их темные силы в нужную сторону. Они желали подчиняться.

С другой... С другой стороны, слишком долго они прожили, не зная над собой никакой власти, совершенно свободными, сами себе господа и повелители.

Они отвыкли подчиняться. Единственный господин, чью волю они выполняли охотно — так сказать, в силу своей естественной природы, — давно уже умер. А чего ожидать от новых магов? Не будут ли распоряжения этих неизвестных новых господ глубоко противны всей сущности с'тарра?

Ответов на свои вопросы они не получили. И застали глубокую темную злобу. Нет, им не нужны по соседству маги с их башнями. Они не желают служить каким-то непонятным магам четырех стихий. Маги, насколько было известно с'тарра — а этим существам, несмотря на всю их примитивную, полуживотную природу, о магии и чарах известно, поверь мне, очень многое! — имеют обыкновение вторгаться в природу магических, искусственно созданных существ и изменять их по собственному усмотрению. История о том, как были изменены змеи, осталась в памяти с'тарра как нечто удивительное, страшное и болезненное. Им не хотелось повторения.

Им хотелось тихо жить в своем уединенном лесу, вдали от всех, и выводить немногочисленное потомство.

От магов слишком много шума и беспокойства.

А затем им на ум пришла еще одна мысль. Надо тебе сказать, что мысли у с'тарра всегда простые, но сильные и определенные. Так мыслят все животные. Сначала они видят добычу, потом выискивают способ напасть на нее, а когда определено и то, и другое — нападают, больше ни на что не отвлекаясь. Так же поступили и с'тарра. Они пожелали возвести

вокруг своего леса большую стену и наложить на нее заклятие, чтобы никто не осмеливался пересечь эту границу. Для чего им необходимо было изгнать магов и завладеть теми волшебными предметами, которые наверняка имеются в четырех башнях.

И в одно страшное утро все четверо сыновей Мутэмэнет вместе с их прекрасной и ужасной матерью проснулись от странного звука. Все кругом шипело и шелестело, как будто вся листва опала со всех деревьев, какие только растут в Стигии, и прилетела шуршать под стены башен. Ради этой битвы все старра расстались со своими плащами и явили солнечному свету свои тела, покрытые грубой сероватой чешуей. Они неустанно подкапывали башни, некоторые лезли наверх, вооруженные кинжалами и собственными острыми зубами.

— Как ты думаешь, они ядовитые? — спросил Конан, задумчиво ковыряя ножом в зубах.

— Зубы старра? Почти наверняка! — убежденно отозвался молодой стигиец. — В общем, не стану тебе пересказывать все мысли, которые посетили в эти часы головы нападающих, равно как и мозги пяти магов, засевших в башне...

— Да уж, избавь меня, пожалуйста, от этих рассуждений, — согласился Конан. — Что меня интересовало меньше всего, так это сложные соображения, которые терзают извращенный ум какого-нибудь колдуна. По мне так, всем им место в преисподней. Лично я так и поступаю.

— Как? — не понял Гирадо.

— Отправляю их в преисподнюю, — объяснил Конан. — Говорю тебе, это самое лучшее местечко для всякого мага.

— Ну, я как человек, который видит свой долг в уничтожении разного рода монстров... — начал стигийский воин, однако киммериец перебил его:

— Я уже понял, что ты победил парочку монстров. Продолжай рассказ. Когда ты наконец перейдешь к самому главному?

— А что, по-твоему, самое главное?

— Сокровища, разумеется! Ты ведь собираешься наложить лапу на какой-нибудь крупный красивый камень? Или они закопали там монеты?

— Знаешь что, давай-ка все по порядку. Сперва я расскажу тебе все, что знаю, а потом уже будем решать, стоит ли вообще ввязываться в это дело, — рассудительно проговорил Гирадо.

— Сдается мне, ты уже в него ввязался, — заметил Конан.

— Может быть... Но у меня, возможно, есть на то свои причины, — не стал отпираться Гирадо.

— У меня тоже есть причины, — сказал Конан. — И главная из этих причин — я очень люблю деньги.

— А для чего тебе деньги? — полюбопытствовал молодой стигиец.

— Для всего! — отрезал киммериец. — Я люблю красивых женщин, люблю, чтобы они были красиво одеты, чтобы от них хорошо пахло, чтобы на пальцах у них блестели побрякушки и чтобы эти красивые женщины меня ласкали! Я люблю хорошую еду,

добрых лошадей, мне нравится оружие... Да мало ли для чего могут потребоваться деньги! — рассердился он вдруг, сообразив, что стигиец, слушая его, улыбается все шире. — Ты вздумал надо мной насмехаться, а? Ты полагаешь, что ты, такой цивилизованный, сумел бы распорядиться деньгами лучше?

— Возможно, — сказал Гирадо. — Но у меня другая причина. В этом рубине...

— Ага! — хищно возликовал Конан. — Итак, речь идет о рубине. Большом?

— Очень. В этом рубине Мутэмэнэт прячет душу моего брата.

— Ну надо же! А с рубином ничего не случится после того, как мы извлечем эту душу? — забеспокоился Конан. — Может быть, освободив душу твоего брата из заточения, мы испортим камень, и он не будет больше стоить ни гроша? — Однако увидев, какое лицо сделалось у его собеседника, Конан перестал смеяться. — Я тебя понял, — сказал он серьезно. — Тебе нужен рубин. Мне он тоже нужен. Когда мы покончим с Мутэмэнэт, ее змеенышами и этими зверолюдьми, то заберем камень и поделим его поровну. Тебе — душу, мне — все остальное.

— Я расскажу тебе все по порядку, — опять проговорил стигиец. — И тогда уже будем решать, кому что достанется. Дело куда сложнее, чем тебе кажется.

С'тарра были повсюду. Когда маги поняли, что дело плохо, было уже поздно. Кругом они видели оскаленные пасти и обнаженные кинжалы. Башни

дрожали и шатались. с'тарра в силу своей полуумейной природы отлично умеют копать норы. Они вгрызались в землю, прорывали в ней сотни ходов. Все кругом тряслось и дребезжало. Не было никакого смысла сражаться с врагом магическими средствами — это только ускорило бы падение башен. Поэтому маги поступили иначе.

Они заперлись каждый у себя и принялись призывать к себе на помощь духов своей стихии. Все вокруг башен пришло в движение — облака, деревья, поднятые в воздух ветки, огненные смерчи... Нам с тобой даже трудно себе представить, что там началось.

Из Башни Воды под огромным напором вылетели, разламывая стены, водные духи. Мощные струи разрывали кладку, скреплявшую камни, как будто это была бумага, и устремлялись ввысь. На гребне этих фонтанов восседали странные полупрозрачные существа с перепончатыми лапами и выпученными глазами. Каждое из них вооружено трезубцем. Из их груди вырывалось странное, утробное пение, от которого — можешь мне поверить! — стынет кровь в жилах любого живого существа.

Башню Огня охватил столб пламени. Сперва он устремился ввысь, к небу, но затем изогнулся и опустился к подножию башни. Точно согнутый указательный палец, он преследовал и придавливал к земле расползающихся с'тарра. Там, где он прикасался к их плоти, оставалась только лужица черной дымящейся жидкости. Вся трава вокруг была выж-

жена, а среди облаков быстро понесся густой темный дым.

— Представляю себе, как там воняло! — сморщился Конан. — Ненавижу змей и всех их змеиных божков!

— Я бы на твоем месте не радовался, — остановил его стигиец. — Расправляясь с человекозмеями, маги вызвали сюда, в наш мир, куда более отвратительных существ. Лучше бы уж все оставалось как есть. По крайней мере, тогда каждый сидел в своем лесу или замке и никого не трогал, а теперь все они свободно разгуливают по юго-восточной Стигии, и нет от них спасения.

Из Башни Воздуха с бешеною скоростью начали вылетать различные предметы. Как будто из огромной невидимой пращи кто-то запускал в нападающих подсвечниками, креслами, ложами для отдыха, табуретами, подголовниками, статуями — словом, всеми предметами обстановки, какие только попадались. Так сражались духи воздуха.

Что касается Башни Земли, то здесь тоже было на что посмотреть. Из-под невысокой скалы, на которой она стояла, вдруг послышался низкий угрожающий гул.

Сразу вслед за тем в воздух взметнулись большие камни, куски слежавшейся земли и обломки скалы. Они поднялись наверх и начали кружиться, медленно складываясь в огромных великанов. Эти великаны были медлительны и не слишком умны, но там, где их гигантская стопа опускалась на землю, оста-

валась глубокая вмятина, и немалое число нападающих размазаны были по траве.

— И снова — жуткая вонища! — хмыкнул Конан. — Твой рассказ, дружине, явно нуждается в том, чтобы его спрыснули благовониями. Как насчет красавицы Мутэмэнет, от которой, судя по твоему описанию, так чудесно пахло притираниями и душистыми мазями? Чем она занималась, пока ее глупые сынки крушили все вокруг, призывая на помои духов подвластных им стихий?

— Ты прав, древняя, но вечно юная мага не теряла времени даром. Хорошо зная нрав и способности своих сыновей, она заранее покинула башни. Естественно, прихватив с собой несколько важных предметов. Подозреваю, что рубин также до сих пор хранится у нее.

— Стоп, — сказал Конан. — Не так быстро. Давай-ка зайдем немножко с другого бока. Кем был твой брат и каким образом его душа оказалась в рубине?

Молодой стигиец замолчал, прикусив губу. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. И Конан не ошибся, предположив, что главной темой раздумий его собеседника был он сам, киммериец. Стоит ли доверять случайному спутнику, с которым неизвестно было провести вечерок на постоянном дворе? То есть, конечно, Гирадо уже доверился ему — но не до конца... не до самого конца.

Однако теперь, похоже, придется выкладывать ему все.

— Мой отец был женат несколько раз, — нехотя

начал молодой охотник за монстрами. — Понимаешь, о чём я говорю?

— О женитьбе. Старик был охоч до хорошеных девах, — сказал Конан и рыгнул.

— В принципе, ты прав... Я — самый младший сын его самой последней жены, — сказал Гирадо.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! — рассердился стигиец. — Что ты все время поддакиваешь?

— А разве не так принято у цивилизованных людей? — удивился Конан. — Ну хорошо, я буду молчать.

— Ты же видишь, что мне трудно рассказывать! — проговорил Гирадо. — История... не из самых красивых. Ты кажешься мне человеком надежным... если только ты не монстр, который прикидывается человеком ради того, чтобы выведать все мои тайны...

Тут лицо стигийца изменилось. Брови сдвинулись, глаза сощурились, губы сжались в тонкую линию. Он лихорадочно пробежался пальцами по своему поясу и наконец нашупал нужный амулет.

— Ну-ка, — пробормотал молодой человек. — Сейчас, сейчас...

— Что там у тебя? — удивился Конан. Поведение стигийца так его насмешило, что он даже не стал ничего говорить насчет «монстра».

— Знаешь, монстры бывают очень коварны. У меня уже был опыт общения с ними. Один из них обладал магической силой и умел отводить глаза. Притворится благожелательным человеком, женщи-

ной или стариком, к которому ты чувствуешь расположение, выведает все твои тайны, а потом...

— Но ведь ты одолел его? — фыркнул киммериец. — Чего же тебе бояться?

— Я и не боюсь! — Гирадо показал Конану странный предмет, оправленный в серебро. — Это магический зуб дракона. Если бы ты не был тем, кем выглядишь, он засветился бы красным...

— Но я — тот, кем выгляжу? — поинтересовался киммериец. — Дело в том, что я давно не смотрелся в зеркало. Сам-то себе я кажусь довольно привлекательным. Добавлю, что несколько симпатичных женщин вполне разделяли мое мнение, но ты можешь с ними не согласиться.

— Ты — тот, кем выглядишь, — твердо сказал стигиец и убрал магический зуб (если только этот предмет действительно обладал магической силой). — То есть бродягой-варваром, любопытным, жадным и незлым.

Услышав эту характеристику из уст уроженца Стигии, Конан сжал зубы.

— Насчет «незлого» я бы не спешил, — предупредил он.

— Мой отец имел старшего сына от старшей жены, — вернувшись к прежнему повествовательному тону, заговорил опять Гирадо. — Этот брат старше меня почти на тридцать зим. Понимаешь?

— Такое случается, — сказал Конан. — Там, где я родился, жил один старик, и вот однажды ему взбрело в голову жениться на старости лет... — Он

засмеялся. — В общем, не помню, что там вышло у него с женой, но история получилась забавная.

— Помнишь, я говорил тебе о конюхе? О том бравом парне, который сделал маге ее сыновей, а потом куда-то исчез?

— Да. Отчаянный человек этот конюх.

— Это и был мой старший брат, Гамбоа. Я знаю, куда он делся. Его тело лежит в подземелье, под Башней Огня, а душа заключена в большом рубине. Я должен вызволить моего брата! Должен любой ценой!

— Насколько я понимаю, — медленно произнес Конан, — вы с ним даже не были знакомы.

— Это неважно. Он мой брат, в наших жилах течет одна кровь... И через него мага может завладеть и мной, если пожелает, — упавшим голосом произнес стигиец.

Конан двинул бровями, пощевелил губами, заглянул в кувшин — вина там больше не оставалось, — и наконец сказал:

— Понятно. Что ж, решение принято. Я буду тебе помогать. А у тебя нет больше никаких тайн, которые имеют отношение к этому приключению?

— Нет, это последняя. Рассказывать дальше?

— Валяй.

Конан откинулся к стене, вытянул ноги к угасающему очагу и подготовился слушать дальше.

— Как ты понимаешь, наделать ошибок в состоянии решительно все, даже могущественные и хит-

рые маги. Что уж говорить о Мутэмэнет, которая была всего-навсего женщиной, подверженной смене настроений и к тому же отчасти зависящей от сыновей? Она торонилась и впопыхах совершила немало промахов. Среди них были и очень существенные.

В результате активности магов четырех стихий на землю вырвалось множество монстров. Среди них — адские псы и саламандры, которые пожгли все деревни и леса на много миль вокруг. Я был там, на том самом месте, где стояли Башни стихий. Ничего. Выжженная голая земля. И лес Вио погиб. Не знаю, сохранились ли старра — может быть, некоторые из них сумели уползти и скрыться; но старое их убежище уничтожено до последнего кустика, до самой малой травинки.

Останки четырех сыновей Мутэмэнет были найдены и погребены в хрустальном саркофаге. Его отвезли в Луксур — стараниями их матери. Красавица-мага даже не пытаясь сделать вид, что сильно скорбит. Надо полагать, она считала своих сыновей не слишком удачным экспериментом. Постепенность, как известно, часто вредит. Так что теперь она намерена рожать себе новых детей, одного за другим, не дробя их натуру. Более тщательно, так сказать.

Я подозреваю, что для этого ей опять понадобится мой брат, ее спящий супруг, чьей душой она владеет безраздельно.

— Как ты думаешь, — спросил вдруг Конан, задумчиво покусывая лезвие кинжала, — какие сны снятся ему в этом магическом забытьи?

Его собеседник содрогнулся.

— Мне даже страшно представить себе это, — сознался он.

— А мне нет, — сказал варвар. — Если эта женщина, эта мага, такая красивая и сладострастная, хочет использовать его в качестве отца для своих детей, то наверняка она насыщает ему приятные, сладостные сны, в которых является ему как желанная супруга.

— Может быть. Все может быть, — нервно согласился стигиец. — Меня это сейчас мало занимает. Стигия охвачена бедствием. Местные землевладельцы воюют друг с другом из-за жалких клочков земли, мелкие маги повышими из сундуков волшебные предметы и принимают сторону то одного, то другого соперника. Адские духи бродят по земле. Сет ликует — кровь льется ручьями, жертвы ему так и падают в пасть. Стигия — такая земля, где истари прославляется зло, поэтому остановить войну здесь труднее, чем где бы то ни было. Но поверь мне, в Стигии живут не одни только маги!

— Да верю, верю, — согласился Конан. — Глядя на тебя, дружище, я готов поверить во что угодно.

Стигийский воин вопросительно поднял бровь, не зная, как относиться к этой фразе. Во всяком случае, Конан явно не хотел его обидеть. В глубине души киммериец немного потешался над этим низкорослым и довольно щуплым человечком, который считал себя настоящим воином, чье призвание — сражаться против монстров. Как истинный стигиец,

Гирадо был суеверен и ничто не могло поколебать его твердой веры в действенность различных талисманов и амулетов. И все же было в нем что-то симпатичное.

Конан сказал:

— Будет тебе обижаться и подозревать меня. Рассказывай дальше.

— По ночам толпы злобных существ бродят по земле. Полупрозрачные убийцы проникают в дома. Везде царит страх. Этих существ выпустили на волю злополучные маги, мои... мои племянники. — Последнее слово он выговорил не без труда.

Конан хлопнул его по плечу.

— Да, друг, тебе не позавидуешь.

— Существует способ загнать всех этих монстров обратно, туда, откуда они явились. Об этом позабочилась Мутэмэнэт. Мне понадобилось немало времени и денег, чтобы выведать это у разных магов. Слухи, сплетни, кто-то что-то видел... В основном, конечно, слуги — эти знают куда больше, чем принято думать. Некоторые из прислужников в Ауксуре вполне могут преподавать в магической академии — если бы таковая существовала, так много известно им об искусстве повелевать стихиями, силами тьмы и света.

— Я тоже умею повелевать разными силами, — сказал Конан. От съеденного и выпитого, от теплого очага и покоя его постепенно начало развозить. — Например, силой моего меча, силой кулака... или силой... чего-нибудь еще.

— Идем спать, — с досадой проговорил Гирадо. — Ты уже не слушаешь. Завтра — в путь, если ты согласен.

— Конечно, я согласен, — пробормотал Конан, устраиваясь прямо на полу возле очага. — А куда мы отправляемся? Ты так и не сказал мне этого, маленький стигиец...

Спустя мгновение он уже хранил во всю мощь своей богатырской глотки.

В своем луксурском дворце расхаживала взад-вперед мага Мутэмэнет. Мрачные мысли не давали ей заснуть. Старый замысел рушился на глазах. Несколько сотен зим она потратила на изучение заклинаний, искусства составления зелий, способов заключения сущностей в непроницаемую оболочку — своего рода тюрьму, откуда они не в силах вырваться. Трудность состояла еще в том, что большинство формул были созданы магами-мужчинами и использовали при своей реализации мужское естество; маге Мутэмэнет предстояло проделать немалую работу по переводу этих заклинаний в женскую ипостась. Она совершила немало пробных работ и наделала кучу ошибок. Искалеченные, ни на что уже не годные духи, которых она вызывала из небытия, навеки были заключены ею в различные темницы — для этого использовались полудрагоценные камни. Из прозрачных граней хрусталия глядели на магу ненавидящие глаза пленников. Однако она обращала на них мало внимания.

Несколько десятков зим из трущоб Луксура пропадали люди. Обычно это были нищие, бродяжки, попрошайки или дамы весьма легкого поведения. Никто их не разыскивал, никто не интересовался их судьбой. А напрасно. Если бы стала известна участь хотя бы одного из этих несчастных, многие в Луксуре содрогнулись бы и, возможно, приняли меры — пока не стало поздно.

Тела этих людей так и не нашли. Мудрено — мага самолично грузила их на телегу и увозила к реке, где благодарные крокодилы уже заранее разевали зубастые пасти. А души, извлеченные из тел при помощи дьявольских заклинаний, помещались в особые темницы.

Если для духов достаточно было обыкновенного хрусталия, то человеческая душа оказалась куда более сложной и сильной вещью. Хрусталь не мог удержать ее; лопалось и стекло. И даже железо и медь гнулись под ее напором. Для Мутэмэнет это было открытием, и она не преминула записать его в колдовскую книгу, где всегда оставалось несколько чистых страниц, чтобы каждый новый маг, ею владеющий, мог продолжать труды своих предшественников.

Даже души слабосильных калек, что выпрашивали монетку возле храмов Сета. Даже эти душонки оказались достаточно сильными, чтобы разорвать хрустальные пугти и доставить пленившим их маге много неприятных мгновений. Поэтому она прибегла к драгоценным камням.

«За что ценят драгоценности? — размышляла она в те дни, выводя изящные письмена на чистых папиросных страницах, плотных и шероховатых, приятных для прикосновения пера. — За красоту? Но это смешно! Что есть красота вне власти? Одно лишь дуновение ветра! Достаточно небольшого дефекта, чтобы погубить ее, настолько она мимолетна. Один крохотный скол на отшлифованной грани — и все, красота погублена. Нет, драгоценные камни ценные именно тем, что они дают власть. Власть над людьми, которые превыше всего ставят деньги. Власть над душами, ибо только драгоценный камень достаточно прочен, чтобы удержать внутри себя человеческую душу, изъятую из тела и не убитую, не отпущенную к богам на их вечное судилище...»

Первым по-настоящему удачным опытом стал для Мутэмэнет верзила-конюх, сильный и красивый мужчина, которому она доверила свое тело. Соблазнить его было легко.

Прекрасная таинственная женщина, закутанная в черное покрывало, несколько раз прошлась мимо лошадей, которых чистил этот мощный человек, полюбовалась статями животных, а затем приподняла край покрывала и устремила на мужчину долгий взгляд больших, подведенных синей краской глаз.

— Какие изумительные кони! — проговорила она медовым голосом. — Хотела бы я покататься верхом на одном из них!

— Это кони моего отца, — похвастался конюх.

— Ты служишь своему отцу? — удивилась женщина. — Разве нет у него слуг?

— Слуг у него достаточно, моя госпожа, но этих лошадей он может доверить только своей плоти и крови, — отвечал мужчина.

— У меня тоже есть одна лошадка, которую я могу доверить лишь близкому человеку, — проговорила женщина. — Не хочешь ли взглянуть на нее?

И он оставил все — и отцовский дом, и отцовских лошадей, и пошел за нею следом, чтобы взглянуть на эту лошадку.

И пропал навсегда.

Много потребовалось времени и сил, чтобы узнать, что с ним стало. Расспрашивали на рынках и на улицах; подкупали стражников, давали деньги перепуганным нищим, которые старались обходить квартал, где стоял дворец Мутэмэнет, стороной. Прибегали даже к помощи ясновидцев. И лишь спустя много зим, когда стал взрослым последний из сыновей старика, семье стала известна участь старшего сына.

Он провел с красавицей немало времени. Они не покидали ее шелкового ароматного ложа ни днем, ни ночью.

А потом однажды он пробудился и обнаружил, что не может пошевелиться. Вокруг колыхалась красноватая мгла. Время от времени ее пронизывали тонкие золотые лучи света. Если они попадали в глаза, то ослепляли его, и он жмурился, но отвести взгляда не мог.

Искажённая гранями, мелькала иной раз сама Мутэмэнэт, но чаще всего он видел вазу с изображенным на ней змеем, пожирающим женщину, и край большого ложа с изголовьем в виде совокупляющихся грифонов.

Он был в плену. Мутэмэнэт ничего не стала ему объяснять. Он не знал, куда она спрятала его тело. Тела у него больше не было. Только душа, бессонная и страдающая. Ему хотелось выбежать на улицу, вдохнуть полную грудь весеннего воздуха, полного запахов — пыли, жареного мяса, зацветающих деревьев, гниловатой воды из старого пруда... Хотелось обхватить руками полный стан торговки овощами, которая всегда смеялась и отмахивалась, называя его проказником. Хотелось услышать голос отца, прикоснуться к лошадиной гриве. Но ничего этого больше не существовало для пленника. Он заточен в рубине. Сама мысль об этом казалась дикой и странной.

Мутэмэнэт не разговаривала с ним, когда заходила в эту комнату. Он перестал для нее существовать.

Он забыл свое имя. Постепенно он забыл все.

Когда духи стихий вырвались на свободу, Мутэмэнэт поняла, что ее дело плохо. Она готовила этот переворот не одно столетие. Она родила сыновей, обучила их власти над стихиями. Она собиралась захватить храм Сета и сделаться первой и единственной жрицей темного бога, чтобы вместе с ним установить господство над Стигией, а затем распространить его далее, на территории сопредельных госу-

дарств. Давно следовало заставить черных людей чтиТЬ крокодила и змея так, как чтут этих зверобогов стигийцы.

А теперь...

Она металась по комнатам. Из рубина наблюдала за ней пленник. У него был бесстрастный вид, и неожиданно это рассердило Мутэмэнэт. Приблизившись к рубину, она — впервые за все эти зимы — заговорила с ним.

— Кажется, тебе все равно! — закричала мага. — Кажется, ты так и не узнал, какую роль сыграл в приближающейся гибели королевства!

Пленник молчал.

— Ты хоть помнишь, кто ты? Ты помнишь свое имя? Тебя зовут Уррутиа! Помнишь? Помнишь, как называла тебя этим именем твоя мать, Уррутиа? Она мертва! Твой отец взял себе другую жену, Уррутиа! Ты слышишь меня?

Он ее слышал. Он молча смотрел на нее немигающими глазами и думал о чем-то своем, а вокруг колыхалась рубиновая мгла, где изредка вспыхивали золотистые искорки. Таким было небытие для любовника Мутэмэнэт. Все, что происходило снаружи, не имело смысла.

А она кричала, топая ногами, так что полуупрозрачные разноцветные одеяния разевались вокруг нее, как будто вся она была объята пестрым пламенем:

— У тебя было четверо сыновей, Уррутиа! Я родила их от тебя, ты слышишь меня, ничтожный дурак? Я родила от тебя четверых прекрасных сыно-

вей, и все они были магами, умевшими повелевать каждый своей стихией! Они мертвы, я потеряла их, мы потеряли их! Ты нужен мне, дурак, мне нужны новые сыновья. Теперь я не совершу ошибки и произведу их на свет, как положено, одного за другим, а не всех разом.

Уррутia почти не слышал ее. Она говорила о каких-то сыновьях, но он ничего не знал об этом. Он их никогда не видел. Если они и существовали, то никогда не заходили в комнату, где Мутэмэнэт прятала свой рубин.

В ярости мага плонула на драгоценный камень. Уррутia чуть поднял взгляд и молча смотрел, как она выбегает вон. Плевок расплзлся по граням, мешая пленнику видеть.

— Откуда ты все это знаешь — про четвертинки медальона, про то, о чем думала мага, когда разделяла их и раздавала на сохранение разным существам? — недовольно ворчал Конан, седлая коня.

Его спутник невозмутимо развесивал по сбруе своей лошадки всевозможные амулеты и обереги.

— Если бы ты родился в Луксуре, — начал Гирадо торжественным тоном.

— Хвала Крому, моя родина находится вдали от этого гнезда демонов! — взревел Конан, пугая лошадь.

— Не следует так кричать и горячиться, — поморщился Гирадо. Втайне он завидовал огромному киммерийцу. После вчерашней выпивки у малень-

кого стигийца побаливала голова, а вот северянин-варвар выглядел так, словно никакой попойки вчера и в помине не было.

— Ладно тебе, — сказал ему Конан примирительно. — Рассказывай. Это я так — просто дивлюсь, как много может знать человек, с виду самый обыкновенный.

— Я ведь не просто воин, — пояснил Гирадо. — Я потратил почти всю жизнь на то, чтобы научиться понимать магов и монстров. Только так можно уничтожать их.

— А можно просто уничтожать, — себе под нос проговорил Конан. — Бац — и уничтожать. Без всякого там изучения.

Он усился в седло, поправил меч за спиной.

— Ты готов ехать, Гирадо? Остальное расскажешь по дороге.

— Остальное? Да я даже не начал, — возмутился Гирадо, также садясь в седло. Они выехали с постоянного двора бок о бок, и трактирщик долго качал головой, глядя им вслед: больно уж непохожими казались эти два спутника, огромный северянин и маленький верткий южанин. И куда только они направляются?

— Сначала стоит посетить озеро Тоа, — говорил стигиец. — Поверь мне. Оно расположено в горах. Вода там ослепительно синяя. Очень красивое место. И немного зловещее.

— Хм, — произнес Конан.

— Да, да, — горячился Гирадо. — Мага с самого

Мутэмэнэт, вспомнив о сыновьях, сожалела, что изначала знала, что сыновья ее ущербны. Она пошла на это, потому что утратила терпение. Терпение — главная добродетель всякого мага.

— У магов не бывает добродетелей, — проворчал Конан.

— Ты понимаешь, что я хотел сказать! — укоризненно молвил Гирадо. — Слушай и не перебивай. Мутэмэнэт завладела одним могущественным талисманом. Не знаю, где она его взяла.

— Хоть чего-то ты не знаешь.

— Ну ладно, открою тебе еще один секрет.

— А говорил, что больше секретов нет, — укорил приятеля Конан.

— Важных — нет. Этот — неважный... Я несколько зим обучался магии. Специально, чтобы лучше понимать магов.

— И монстров, — вставил Конан.

— Амулет, — повторил Гирадо, — обладает большим могуществом. В незапамятные времена его изготавливали жрецы. Говорят, им помогал сам змей Апоп. Этот амулет позволяет своему обладателю повелевать духами четырех стихий. Мутэмэнэт разделила его на четыре части и каждую из них спрятала в надежное место. Думаю, она опасалась, что если ее сыновья завладеют — каждый своей частью амулета, — то сладу с ними уже не будет. Маги никому не доверяют, когда речь заходит о сохранении их могущества и власти, даже собственным сыновьям.

— И правильно делают.

— Теперь сыновья Мутэмэнэт мертвы, а духи

свободно гуляют по стране и творят свои бесчинства. Сам Сет, как поговаривают, недоволен. Жрецы непрестанно приносят ему кровавые жертвы. Страна тряется от ужаса.

— Ты знаешь, дружище Гирадо, — задумчиво молвил Конан, — мне почему-то кажется, что Стигия постоянно тряется от ужаса. Как можно жить в стране, где поклоняются Злу?

— Я уже говорил тебе, что в Стигии живут не одни только злые маги, но и самые обыкновенные люди. Они родились на этой земле и принадлежат ей плотью и душой, — обидчиво возразил Гирадо. — Одна часть амулета находится в Луксуре — подозреваю, та, которая повелевает стихией земли. Она самая медлительная и с виду мирная, но когда разбушуется, то становится самой опасной. Поэтому Мутэмэнэт не выпускала ее из рук. Воздушная часть хранится у Мемфиса.

— Это еще кто? — нахмурился Конан.

— Серебряный дракон, — невозмутимо ответствовал Гирадо. — Огненная часть — под землей, у маленького горного народа магмолов.

— Впервые слышу о таких.

— И не услышал бы, если бы мы не повстречались, — заверил Конана Гирадо. — Предками магмолов были лемурийцы. Когда в мире произошли перемены, магмоловы отделились от основной части своего народа и отправились сюда, в эти земли. Спустя сотни лет здесь образовалось королевство Стигия, а прежде земля была пуста. Магмоловы невзлюбили все

новое, что начало образовываться вокруг них после гибели Атлантиды и Лемурии и, чтобы не видеть света нового солнца, навсегда скрылись под землей. Сейчас это низкорослые смуглые люди, рудокопы. Они почти никогда не выходят на поверхность, и найти их селение почти невозможно.

— Но ты, конечно, знаешь, где оно, — предположил Конан.

— Во всяком случае, я — единственный, кто сумел бы отыскать к ним дорогу, — не стал спорить Гирадо. — Кроме Мутэмэнет, конечно.

— Ну ладно, — сказал Конан, — говори лучше, с чего мы начнем?

Озеро они увидели издалека. Оно лежало в ладонях гор, как драгоценный голубой камень. Свет переливался на его гранях, небо над ним казалось более синим, чем над горными пиками.

— Если поехать отсюда дальше на восток, то будет город Алкменон, — объяснил Гирадо. — А наш путь — дальше на север и на запад, к Луксуре.

Они повернули коней и начали подниматься по горной тропе.

Местность нравилась Конану. Серо-коричневые скалы, овеваемые ветрами, были почти лишены растительности, лишь низкие кусты с причудливо изогнутыми ветвями, да скучные пучки травы выживали здесь, под ветром и палящим солнцем. На некоторых кустах Конан заметил ягоды, но рвать их по-остерегся: в Стигии, как не без основания полагал

киммериец, почти всякий плод может оказаться ядовитым.

Озеро то мелькало перед ними, яркое и желанное, то исчезало, скрытое за кулисами гор. Наконец тропа расширилась и вывела их на самый верх. Отсюда, с перевала, открывался величественный вид на горы и бескрайнее небо, усеянное облаками, такими густыми и плотными на вид, что они казались островами, плывущими над землей. Прищурив зоркие глаза, Конан высматривал между высокими пиками город Алкменон, последний большой город Кешана перед границей со Стигией. Иногда луч солнца падал так, что киммерийцу казалось, будто он различает — там, далеко впереди, — славные башни и купола над дворцами... Но, потом солнце скрывалось за мимолетно пролетающим облаком, и видение пропадало.

— Нам сюда, — сказал Гирадо, указывая на озеро.

— Мы пришли, — отозвался киммериец, спешиваясь. — Где он живет, этот твой маг, у которого находится водная часть амулета?

— Не амулета, а талисмана, — поправил Гирадо.

— Не вижу большой разницы! — фыркнул Конан.

— Поверь мне, разница есть, и существенная, — пустился было в объяснения Гирадо, но киммериец прервал его:

— Избавь меня от лекций по колдовству и волхованию, дружище! Ты убиваешь монстров по науке, а я разделяюсь с ними по-свойски.

— В данном случае тебе придется положиться на мои знания, — возразил Гирадо и, порывшись в сумочках, висевших у него на поясе, извлек оттуда маленький пузырек. — Здесь содержится очень полезное зелье. Оно поможет нам с тобой дышать под водой. Нужно будет, правда, поторопиться, потому что действие зелья ограничено. Если мы не успеем выбраться на поверхность до того, как оно закончится, мы с тобой оба утонем.

— Мы? — спросил Конан. — Ты хочешь сказать, что мы сейчас наглотаемся этой штуки, а потом нырнем под воду и будем там дышать, как две проклятые акулы?

— Приблизительно так, — улыбнулся Гирадо. — Поверь мне, я знаю, что делаю. Эта штука опробована.

— Именно эта или подобная? — уточнил Конан.

— Клянусь тебе, я плавал под водой и дышал. Нас учили этому в стигийской академии магии при святилище... — Гирадо запнулся.

— При каком святилище? — нахмурил брови киммериец.

— При святилище Сета! — с вызовом ответил маленький стигиец. — Насколько тебе известно, в Стигии нет другого святилища. А у твоего Крома вообще нет святилища.

— Ему и не нужно, — важно возразил киммериец. — Каждый уроженец Киммерии сам по себе святилище Крома. И если он умирает с оружием в руках, посреди славной битвы...

— Хватит! — оборвал Гирадо. — Я знаю основы твоей веры.

— Откуда? — поразился Конан.

— От тебя! — ответил молодой стигийский воин. — Хлебнув вчера доброго вина, ты довольно долго ревел боевые песни своего народа.

— Что-то я этого не помню, — с подозрением сказал Конан.

— Зато я помню. На вот, глотни. Только оставь мне, иначе я не смогу отправиться на дно вместе с тобой. Глотай осторожно.

Конан лизнул несколько раз горлышко пузырька, потом сморщился и сделал два маленьких глоточка.

— Гадость, — сказал он.

— Никто не говорил, что будет легко и приятно, — отозвался Гирадо и быстро допил зелье. — Теперь — за мной. Под воду. И дыши, не бойся. У тебя будет время привыкнуть. Нам нужно опуститься на самое дно и отыскать подводный город Оссу.

Поначалу Конан не мог даже заставить себя открыть глаза. Ему, конечно, доводилось плавать, но чтобы вот так, как рыба...

Наконец он решился и приподнял веки. Сквозь ресницы он видел рядом с собой извивающуюся темную тень — Гирадо. Стигиец плавал быстро и уверенно. Под водой, где было мало света, он напоминал змею. На мгновение Конан усомнился в своем новообретенном приятеле. Все-таки он родился в Стигии. Мало ли что он говорит о себе — воин, победитель монстров... Это любой может сказать. А

сам учился магии. И в амулетах разбирается, и в зельях... Может быть, убить его, пока еще не поздно...

Но тут легкие Конана начали гореть, требуя кислорода. Несколько мгновений он еще терпел, боясь наполнить их водой и погибнуть, а затем не выдержал и сделал первый вдох. И... ничего. Зелье сработало. Кислород, содержащийся в воде, наполнил легкие, а смертоносная влага сама собою вышла через нос и рот. Конан увидел пузырьки, поднимающиеся энергичным столбом над его головой. «Чудеса!» — подумал киммериец. Ему понравилось плыть под водой и дышать. Пузырьки смешно щекотали его уши и шею, когда он кувыркался.

— Не потеряй меч, — пробулькал рядом голос Гирадо.

Конан схватился за ножны рукой — и вовремя. Под водой все было не так. Ножны едва не соскочили с плеча. То, что на земле было тяжелым и надежным, здесь неожиданно обрело зыбкость.

— Туда, — Гирадо указал рукой на темную громаду, которая постепенно стала вырисовываться под ними на дне озера. Тонкие солнечные лучи, пронзая водную толщу, добирались даже досюда. В их золотистых лезвиях можно было видеть, как танцует взвесь, как плавают маленькие водоросли, а то вдруг мелькала стайка потревоженных пестрых рыбок. Интересно, водятся ли здесь хищники — морские змеи или акулы, подумал Конан. Как будто прочитав мысли своего спутника, Гирадо булькнул над ухом Конана:

— Будь осторожен. Здесь есть змеи.

— Большие? — широко разевая рот и испуская гигантские пузыри, осведомился киммериец.

Гирадо развел руками, показывая что-то чудовищное.

— Тело? — спросил Конан.

Гирадо помотал головой. Его волосы извивались в воде.

— Пасть! — ответил он.

Как будто услышав, что говорят именно о нем, какое-то громадное существо закопошилось среди водорослей. Вскоре Конан заметил два светящихся глаза, которые пристально наблюдали за плывущими. Кто-то явно готовился к атаке. Хотелось бы знать, чем питается эта громадина? Неужели маленькими рыбками, вроде тех, что только что проплыли мимо? В таком случае, сколько же рыбок оно съедает в день?

На дальнейшие раздумья отвлеченного характера времени уже не осталось: чудовище испустило глухой вой, странно отздавшийся в водной толще, и бросилось в атаку. Вода тотчас помутнела, ил, взбитый могучим хвостом чудища, поднялся и завертелся вокруг сражавшихся. Почти в полной темноте Конан наносил мечом ответные удары. Зубы лязгали, как казалось, сразу отовсюду. Смертельная опасность грозила со всех сторон.

Гирадо, плавая вокруг, произносил какие-то невнятные заклинания и сыпал порошки. Постепенно илистую мглу заволокло разноцветными нитями

растворяющихся зелий. То зеленое, то красное, то желтое проплывало мимо, свиваясь в кольца и постепенно расходясь среди мельчайших частиц ила.

Несколько раз Конан чувствовал, как его меч задевает живую плоть, и молился богине-воительнице Бэлит, которая столько раз помогала ему и его пиратам в морских сражениях, чтобы сейчас она уберегла Конана-Амру от неприятности убить по ошибке не монстра, а Гирадо. А это вполне могло произойти. Ослепленный, с замедленными движениями, Конан наносил удары наугад. Гирадо вертелся где-то совсем близко. И если под меч попадет он, то несладко ему придется. Конан разил со всей силы, надеясь покончить с монстром побыстрее — во всяком случае, прежде, чем закончится действие зелья, позволяющего ему дышать под водой.

Третий удар. Четвертый. Что-то острое царапнуло по руке, но боли Конан не почувствовал. Поднялась страшная вонь, и все заволокло бурым. Кровь, понял киммериец. А воняет потому, что рассечен кишечник.

Варвар испустил победный вопль и тотчас пожалел об этом — его рот заполнился отвратительной жидкостью. Отплевываясь и откашливаясь, он поскорее поплыл прочь. Вскоре вода вокруг снова стала прозрачной. Оглянувшись, Конан увидел, как вдали клубится что-то темное, неприятное. То и дело из этой бесформенной массы показывалось нечто длинное. Конан не мог разобрать, что это было, — хвост или лапы, а может быть, усы? Во всяком слу-

чае, там бился в агонии огромный морской монстр. Теперь, по крайней мере, рыбки вздохнут спокойно, подумал Конан и сам улыбнулся этой неуместной шутке.

Гирадо оказался цел и невредим. Он невозмутимо плыл рядом с варваром. На лице молодого стигийца бродила улыбка. Конан вдруг понял, что этот паренек на полном серьезе считает победителем морской твари себя. Что ж, оставим его в этом убеждении, подумал Конан. Какая разница! Когда их пути разойдутся, каждый будет рассказывать свою версию этой истории, и никто не будет внакладе.

Подводный город открылся им вскоре. Это было совсем небольшое поселение, но каждое здание в нем представляло собой истинное произведение искусства. Возведенные из тонких полупрозрачных камней разного цвета, — красных, синих, желтых, фиолетовых, — они обладали причудливой формой, какую можно иногда видеть у коралловых зарослей. Одни здания были похожи на актиний, цилиндрические, с тонкими башенками на крыше. Другие напоминали кораллы — круглые или древовидные. Комнаты-сфера крепились к «веткам» этих подводных «деревьев», точно плоды, и внутри можно было разглядеть миниатюрную мебель, картины, светильники — эти были живыми и медленно плавали по всему помещению.

Обитатели подводного города, крошечные тритоны с человеческими лицами, даже не заметили пришельцев. Те были слишком велики для них, так

что тритоны замечали только руку или прядь волос, но никак не целую фигуру проплывающих мимо Конана и Гирадо.

— Они не нападут? — спросил Конан, стараясь булькать потише. Ему не хотелось убивать этих крошек. Одно дело — свирепый морской змей с пастью, которая была больше размаха рук, совсем другое — малютки-тритоны, которых он мог передушить двумя пальцами.

— Нет, — ответил Гирадо. — Они нас даже не заметят. Если, конечно, мы не начнем крошить их дома. А нам придется это сделать.

Он показал на одно здание, которое было крупнее остальных. По форме оно напоминало многогранник. Внутри его что-то светилось голубым светом.

— Это их хранилище. Не знаю, много ли их живет здесь, но водная часть талисмана хранится именно здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Смотри. Она светится. Разве это непонятно? — Гирадо повернулся к Конану лицом, и киммериец увидел, что его спутник улыбается.

— Что тут смешного? — буркнул варвар.

— Я не смеюсь, — ответил Гирадо. — Я улыбаюсь. Здесь очень красиво. С тех пор, как я узнал о существовании Оссы, я мечтал побывать здесь и увидеть ее собственными глазами.

— Как будем добывать эту стекляшку? — грубо спросил варвар. — Своротим дом?

— Может быть, попробуем его приподнять? — предложил Гирадо. — Мне не хотелось бы разрушать здесь ничего.

— Мне тоже, — проворчал Конан. — Я приподниму дом, а ты бери талисман. Раз, два... Начали!

Они спустились еще ниже, и Конан почувствовал под ногами дно. Снова поднялся ил. Дно было мягким, упираться в него оказалось неудобно. Тем не менее Конан наклонился, обхватил обеими руками сферу и понял, что ранит ладони об острые края, хотя боли опять не почувствовал. Под водой все было иначе, чем на воздухе, и это сбивало с толку.

— Давай! — выдохнул Конан. Огромный воздушный пузырь вздулся у него над головой и лопнулся.

Он приподнял здание. Но талисман поднялся вместе со сферой. Он находился внутри. Здание было цельным и замкнутым.

— Что будем делать? — спросил Конан.

— Заберем его наверх, — сказал Гирадо. — Разобьем на берегу. Ничего не попишешь. Они рисковали, когда брали на хранение этот талисман. Теперь кое-какие из их опасней сбудутся. Такие вот дела.

— Плырем, — сказал Конан. — Предчувствие у меня какое-то нехорошее. Надо бы нам поскорее выбраться отсюда.

Гирадо принял сферу из рук Конана — под водой она казалась совсем легкой. А киммериец обнажил меч и, озираясь по сторонам, поплыл сбоку. Ему постоянно казалось теперь, когда они прикоснулись к сфере с заточенным внутри талисманом, что за ни-

ми наблюдают. Он не мог бы сказать определенно, откуда взялось это чувство. Кто-нибудь более «цивилизованный» отнес бы его на счет варварского инстинкта и пустился бы в рассуждения о том, что северянин в своем развитии недалеко ушел от дикого животного. Что ж, возможно, он был бы прав, этот умник. Хорошо только, что его не было рядом с Конаном в этот миг.

Потому что почти сразу худшие опасения киммерийца оправдались. Сильный всплеск послышался у них за спиной, едва оба спутника покинули подводный город Оссу.

— Плыви! — крикнул Конан стигийцу. — Я разберусь с ними. Не вырони сферу, понял? Не вздумай тут колдовать. Мне кажется, скоро закончится воздух...

С этими словами он повернулся навстречу всплеску.

Несколько морских змей, чуть меньше того, что до сих пор бился в агонии в клубке крови, ила и разлитых магических зелий, настигали похитителей сферы. Конан сделал вдох поглубже, и тут его легкие наполнились водой. Он закашлялся и понял, что задыхается.

Гирадо неловко дернулся, как будто кто-то схватил его за горло. С выпученными глазами, уже теряя сознание, он сдавил пальцами какой-то пузырек, болтавшийся у него на поясе...

И тут произошло нечто неожиданное. Вода с громом расступилась. Образовалась большая сфера,

полная воздуха. На дне этой сферы извивались и стучали хвостами морские змеи — они задыхались, оказавшись в чуждой им воздушной стихии. А Конан и Гирадо с трудом переводили дыхание. За шаткими стенами воздушной сферы было видно, как проплывают мимо водоросли и изумленные рыбки. Внизу, под полом, исчезал подводный город.

Над головой сияло солнце. Оно становилось все ближе. Внутри делалось все жарче и светлее.

— Мы поднимаемся! — хрипло крикнул Гирадо. — Держись, сейчас нас выбросит на поверхность!

Но сфера лопнула прежде, чем они оказались над водой. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения: Конан и Гирадо с хрустальным шаром в руках доплыли без труда до берега и вывалились на песок, глотая воздух. Трупы морских змей, вяло извиваясь, ушли на глубину.

— Что это было? — спросил Конан.

— Видимо, у сферы имелось несколько охранников. Самого большого ты зарубил мечом, но прочие, поняв, что враг проник в Оссу и завладел талисманом, решили подкараулить нас на обратном пути, — пустился в объяснения Гирадо, но Конан прервал его, махнув рукой:

— Я не об этом. Что это была за воздушная сфера? Откуда она взялась?

— Это... — Гирадо помрачнел. — Это было мое заклинание для левитации.

— Левитации? — Конан нахмурился. — Боги, сколько же у тебя заклинаний?

— Много, — скромно отозвался молодой стигиец. — Впрочем, я никогда не пробовал левитировать. Купил эту штуку у странствующего мага в одном маленьком стигийском городке. Хотелось полетать, но вот все как-то не приводилось...

— Ловко ты придумал воспользоваться этой штукой под водой! — не мог не восхититься киммериец. — Откуда ты узнал, что левитация создает дополнительный воздух? Клянусь грудями Бэлит, иногда от твоей глупой плошадной магии бывает толк.

Гирадо потупился и покраснел.

— На самом деле я понятия не имел, что все получится именно так, — признался он. — Я раздавил этот пузырек случайно. Когда уже задыхался под водой. Но все получилось как нельзя более удачно.

И Конан не мог с ним не согласиться.

Некоторое время они просто лежали на берегу и переводили дыхание. Их лошади спокойно паслись, выщипывая остатки травы с лужка. Небо над головой казалось особенно ярким и веселым, а облака, пронизанные светом, выглядели приветливыми, словно подушки.

— Человек не создан для подводной жизни, — изрек Конан. — Человек создан для твердой земли, добродой женщины, звонкой стали и хмельного вина.

— И сътного хлеба, — добавил Гирадо. — У меня в суме лежит краюха... Только встать не могу. Ноги болят.

Они стали осматривать себя и обнаружили немало ран и ушибов, которых не почувствовали под водой. Кое-как перевязав ладонь, чтобы не кровоточила, Конан отправился к седельным сумкам. С фляжкой и краюхой он вернулся к своему спутнику. Они перекусили. И хлеб, и вода показались им особенно вкусными.

— Хорошо жить и дышать, — не уставал радоваться Гирадо.

— Гляжу я на тебя, Гирадо, — сказал киммериец, — и начинаю верить в твои слова.

— Какие? — Гирадо блаженно вытянулся на берегу, подставляя солнцу смуглое лицо.

— Насчет того, что в Стигии живут не одни только зловредные маги. Ты — совсем нормальный человек. Если не считать того, что свихнулся на заклинаниях и зельях.

— Мы сражаемся с монстрами, — строго молвил Гирадо. — Нам не обойтись без заклинаний. Давай попробуем вскрыть сферу.

На воздухе сфера сверкала и переливалась всеми цветами, от желтого до фиолетового. Она выглядела такой красивой, что Конан невольно прикинул ее цену на рынках Аренджуна или Ианты и даже застонал сквозь зубы.

Водный талисман болтался внутри. Там булькала вода и видно было перепуганное лицо маленького тритона, который, видимо, охранял талисман — а может быть, пришел ему помолиться.

Конан поднял хрустальную сферу над головой и

с силой ударила ее о камень. Раздался звон, осколки разлетелись во все стороны. Тритон выпал вместе с талисманом на песок и отчаянно забился там. Конан подхватил его в прыжке и положил на ладонь. Существо смотрело на него страдающими глазами. Расширив рот, оно глоатало воздух. Конан осторожно положил его в воду. Несколько мгновений тритон лежал неподвижно, а потом вдруг забил перепончатыми лапами, испустил странный горловой звук и исчез в глубине.

Хмыкнув, Конан повернулся к талисману. Это был обломок широкого кольца с неровными краями, довольно безобразный, на взгляд киммерийца. У талисмана имелось только одно достоинство, он был совсем маленьким. Гирадо положил его в одну из своих многочисленных сумочек и подвесил к поясу.

— Давай проведем здесь остаток дня и переночуем, — предложил Конан. — Я чувствую себя усталым. Наверное, ты тоже.

Стигиец не стал ему возражать.

Дорога вела под уклон, но от этого не была более легкой. Кони то и дело оступались. В конце концов оба путника спешивались и повели лошадей в поводу, опасаясь, как бы те не повредили себе ноги. Оба молчали. Смуглый стигиец посерел и осунулся. Конан, отличавшийся железным здоровьем, но никогда не любивший болтать по пусту, не нарушал безмолвия.

Окружающие горы мало напоминали ему родную Киммерию, но все же были хороши — высокие, с

острыми пиками. Кое-где вдалеке даже виден был вечный снег. Над головами, пронзительно и зловеще крича, кружил ястреб.

В конце концов Гирадо заговорил:

— Честно сказать, не знаю я, где обитает Мемфис. Я читал о нем в одной книге в Академии, но там не говорилось ничего конкретного.

— Иными словами, мы заблудились? — уточнил варвар.

— Не совсем, — возразил Гирадо. — Дракон где-то поблизости. Только непонятно, здесь или там.

— Я не верю в драконов, — сказал Конан. — Бывают, конечно, разные отвратительные твари, но чтобы дракон, да еще серебряный...

— Написано, что он приветливый и в принципе любит людей, — добавил Гирадо.

— Да. И поэтому хоронится от них в непроходимых горах, так, чтобы никто не мог его отыскать при всем желании.

— Может быть, он предпочитает одиночество. Многие мудрецы любят людей, но предпочитают одиночество, — заявил Гирадо.

Конан не нашел, что возразить.

После долгого дня утомительного пути они остановились было на ночлег под открытым небом, прямо на камнях, — ничего другого негостеприимные горы предоставить путникам не могли. И вдруг Гирадо, поднявшийся на гору чуть выше, чтобы собрать там хворост для костра, воскликнул:

— Смотри, Конан!

— Что там? — Конан выронил охапку сухих веток, которую только что принес к месту стоянки, и выпрямился во весь свой внушительный рост. — Дракона увидел?

— Там кто-то есть, — сказал Гирадо. — Гляди, горит огонь.

Конан пригляделся. Действительно, впереди мелькал огонек. Точнее, огонек стоял на месте — шевелилась под ветром ветка дерева, перегораживающая маленькое желтое пятнышко света.

— Похоже на окно, — сказал Конан. — Пойдем. Наверное, там дом. Живет там какой-нибудь мудрец, из тех, кому нравится сидеть съчиком в одиночестве и размышлять о том, как бы сделать человечество счастливее.

— Стоит ли беспокоить его, в таком случае? — засомневался Гирадо.

— Если его не беспокоить, на нем вырастут бледные грибы, — сказал Конан. — Я одного такого видел. Кстати, в Стигии.

Гирадо сжал губы и промолчал. Иногда шутки варвара казались ему излишне грубыми, хотя сам Конан находил их добродушными и забавными.

Домик оказался ближе, чем они думали. Перед единственным его окном действительно росло дерево с длинными тонкими мягкими колючками вместо листьев. Ветра и непогода как будто нарочно навязали узлов на длинных ветках, которые изгибались под самыми неожиданными углами, создавая причудливый узор. Гирадо предположил, что это де-

рево служит одинокому мудрецу собеседником и предметом для размышлений.

Однако молодой стигиец ошибся. Обитателей уединенного домика в горах оказалось двое, причем оба они мало походили на мудрецов-созерцателей: один — черноволосый, загорелый, вечно всклокоченный, с выпученными глазами; второй — сонный с виду, бледный и рыхлый, однако добросердечный и всегда готовый услужить. Черноволосый назвал свое имя — Бульнес; на сонного он только махнул рукой и сказал, чтобы не обращали на него много внимания.

Путники привязали лошадей и последовали приглашению хозяина разделить с ним небогатый ужин, состоявший из тушеных овощей и очень тощего копченого зайца. Сонный прислуживал за столом, но видно было, что куда охотнее он свалился бы под лавку и там задремал.

За трапезой Гирадо завязал вежливую беседу с гостеприимным хозяином. Конан чувствовал себя усталым. Ему неинтересно было слушать, как Бульнес рассказывает о годах учебы в магических академиях и еще о годах, проведенных в качестве подмастерья при видных магах Стигии. Этого мага — точнее, «недомага» — убивать не следовало; а любой маг — если он не являлся предполагаемой жертвой киммерийца, — был для Конана попросту скучен.

Между тем послушать рассказы Бульнеса стоило, и Гирадо, никогда не упускавший возможности получить чему-либо новому, жадно внимал каждому

слову хозяина. А тот, горестно ероша волосы и то и дело дергая их обеими руками от избытка чувств, повествовал о своей странной жизни, полной неудач.

— Я хотел стать некромантом, — рассказывал Бульнес. — Многие мои приятели по Академии мечтали обрести власть над давно умершими людьми, чтобы те помогли им стать могущественными в нынешнем мире. Заклинания некромантии выглядят очень несложными, но пользоваться ими следует с очень большой осторожностью. Никогда не знаешь, кого вызовешь к жизни. Если это окажется, предположим, великий владыка былых времен или опытный жрец Сета, — все, можешь распрощаться со свободой. Вернувшись из небытия, такой сильный дух запросто завладеет тобой.

Словом, пока все наперебой экспериментировали, издаваясь над душами покойных своих родственников (один, я помню, пытался отомстить тетушке, которая при жизни страшно мучила его поцелуями, нотациями и нравоучительными примерами), я готовился к серьезному делу. Мне нужен был не слуга, не раб из потустороннего мира, но друг, союзник и помощник. Следовало очень тщательно обдумывать кандидатуру на оживление. Чем я и занимался.

— Поведай, Бульнес, — обратился к некроманту Гирадо с видом крайнего почтения, — каковы были твои конечные цели при оживлении мертвеца?

— Самые скромные, — твердо ответил Бульнес. — Ни завоевания царства, ни обретение власти над умами — ничего такого. Это было бы слишком

опасно. Нет, я желал при помощи потустороннего помощника предсказывать будущее, открывать прошлое и объяснять настоящее. Слушай же, насколько мне это удалось.

Многие мои приятели, недоучившиеся маги, сделались тем временем шарлатанами. Они бойко предсказывали то, что произойдет через двести, триста зим, а также вещали о событиях тысячелетней давности. Естественно, никто не мог уличить их в обмане. Легковерные люди давали им деньги. Какая жалкая профанация магического искусства! Я и помыслить не мог, чтобы заняться чем-либо подобным.

Нет, я вознамерился завладеть телом одного из усопших мудрецов древности и вернуть его на землю. Большинство таких усопших в Стигии, как известно, служили в свое время Сету, божеству свирепому и любящему кровь. Не было смысла возвращать их на землю. Поэтому я обратился к усопшим мудрецам Дарфара. Мне пришлось потратить немало средств и времени, чтобы свести знакомство с нужными людьми. Наконец несколько жуликоватых персон взялись выполнить мое опасное поручение.

Я продал дом, который достался мне от родителей, и расстался с большинством моих книг, чтобы оплатить услуги грабителей гробниц. В убогой лачуге, перебиваясь только водой и заплесневелым хлебом, я ждал... Прошло не менее луны, когда оба негодяя вернулись из Дарфара и привезли мне желаемое в длинном грубом мешке. Они не пожелали

даже взглянуть вместе со мной на мумию, такой ужас наводили на них древние гробницы. Не знаю, что они пережили там. Сами они ни словом об этом не обмолвились.

Я же, оставшись в одиночестве, снял мешок с мертвого тела и начал его разглядывать. Я знал, конечно, что некоторые дарфарские владыки, намереваясь воскреснуть в некоем отдаленном будущем для новой жизни, повелевали свои тела после смерти вымачивать в щелоках, потрошить, набивать смесью опилок и благовоний, — все это служило к сохранности их бренных оболочек. Одно такое тело лежало сейчас передо мной.

Мне предстояло еще немало трудов, чтобы заставить мумию разговаривать и сделать ее своим другом. В одной из моих книг я читал о том, что древние жители Дарфара говорили языком, ныне смолкнувшим, да еще при том не так, как мы, — сперва первое слово, потом второе и так далее, до конца всей речи, — а наоборот: с конца, то есть сперва последнее слово, потом предпоследнее — и так до самого начала. Кроме того, они и писали в этом противоположном направлении. Скажу даже больше. Самую жизнь свою они проживали с конца до начала, определяя при самом рождении весь будущий срок этой жизни. Таким образом, они говорили о младенце, что ему, к примеру, семьдесят восемь зим, разумея, что семьдесят восемь зим ему жить осталось; а о старце — что он достиг возраста одного года... Все это до крайней степени умудряло древних

жителей Дарфара и делало их чрезвычайно ценными союзниками для умелого некроманта.

Моя мумия была велика ростом, бела — следовательно, хорошо вымочена в щелоке, — и почти без блеска на коже, что ясно указывало на высокое качество бальзамирования. Я приступил к заклинаниям. У меня были заготовлены различные снадобья, среди которых самыми простыми были мышиная моча, разведенная в уксусе, и кошачье сало, смешанное с амброй и толченой стружкой красного дерева. Я произнес положенные заклинания на семи мертвых языках.

И вот мои труды увенчались блестательным результатом. Скажу тебе правду, я едва не умер, когда увидел, как моя мумия зашевелилась, разлепила губы и медленно открыла глаза. Наконец я собрался с духом и обратился к мертвецу на его родном языке, произнося слова от конца речи к ее началу:

— !Мире нашем в сна вечного из восставшего тебя приветствовать я рад безмерно.

Услышав это, мумия некоторое время рассматривала меня как бы в изумлении. А затем спросила, так хрипло и невнятно, что я едва мог разобрать:

— Что тебе нужно?

От радости я не сразу осознал, что мумия разговаривает со мной на грубом, но вполне обыденном наречии.

Однако это была настоящая мумия, пустое тело, чей мозг, желудок и прочие внутренности помещались отдельно, в алебастровых сосудах, и за ненадоб-

ностю хранились у меня в кладовой вместе с сухарями.

Я поблагодарил мумию за то, что она соблаговолила ожить, и принялся задавать ей различные вопросы — о Дарфаре, о Стигии, о королях, ценах на рынке, о недавнем прошлом и о возможном будущем. На все это мумия давала вполне приемлемые и разумные ответы.

А я умашал ее тело, читал ей заклинания и рассказывал различные истории. Надо сознаться, что больше всего моя мумия полюбила скабрезные анекдоты, так что я, к великому удивлению соседей, зачастил в веселое заведение одной госпожи, где этими историями меня потчевали весь вечер и добрую половину ночи.

Тем временем оживший мертвец вешал и прорицал. Многое из сказанного им сбывалось до мельчайших подробностей. Ко мне начали ходить люди — за советом, за информацией. Я не открывал им лица волшебного моего помощника, сохраняя его за занавесом, но несмотря на эту меру предосторожности, вскоре уже весь город знал, что я завладел мумией и сумел заручиться дружбой давно умершего человека.

Окончилась моя нищета. Я выкупил проданный было родительский дом, начал баловать себя яствами, а для мумии приобретал ценные благовония, которые она охотно обоняла. В конце концов мои бывшие товарищи, привыкшие презирать и жалеть меня как неудачника, преисполнились великой завис-

ти и предприняли попытку ввергнуть меня в прежнее мое плачевное состояние. Особенно один из них выказывал сугубое упорство.

Однажды он проник в мой дом, пока меня не было, и завел с мумией долгую беседу. Поначалу малословная, мумия отвечала назойливому гостю неохотно, но тот сумел ее раззадорить. Он курил для нее благовонные палочки, подносил к носу умершего бокал с вином, льстил, забыв о совести, и в конце концов моя мумия разговорилась и проболталаась.

Никогда при жизни своей не был мудрец-вещун владыкой, ученым или жрецом какого-либо божества. Более того, эта мумия представляла собой настоящую фальшивку. Предприимчивые торговцы, взявшие с меня такие большие деньги, подобрали по дороге в Дарфар труп умершего раба, сварили его в битуме, затем выбелили в щелоке и продали как нечто древнее.

Это разоблачение могло бы окончательно погубить меня, если бы не одно обстоятельство: все прорицания фальшивой мумии были абсолютно истинными. Бывший раб слишком хорошо знал людей, их слабости и побудительные мотивы, чтобы ошибаться, предрекая им то одно, то другое. Кроме того, он обладал завидным здравым смыслом и не утратил этого свойства и после своей смерти.

И все же оставаться в городе после этого разоблачения было для меня немыслимо. Поэтому я забрал с собой мумию, несколько книг, кое-какие

инструменты для наблюдения за звездами и поселился здесь, в тиши и уединении.

— Кстати, меня звали Грес, — подал голос мертвец, заснувший было под лавкой.

Конан презрительно подобрал ноги.

— Мне это все не нравится, — пробормотал он. — Пойду-ка я спать на свежий воздух. Благодарю тебя, Бульнес, за гостеприимство, но ночевать под одной крышей с разговаривающим мертвецом мне почему-то хочется.

С этими словами он забрал одеяло из верблюжьей шерсти, принадлежавшее Гирадо, и выбрался из хижины. Бульнес проводил его глазами.

— Видишь, — обратился он к Гирадо, — как относятся ко мне все обыкновенные люди!

— Конан — не вполне обыкновенный человек, — возразил Гирадо. — Он великий воин и великий простец. Он из тех, кто разйт, не раздумывая, и также не раздумывая приходит на помощь. Но больше всего, как мне кажется, он любит свободу и деньги.

— Что ж, таких людей я тоже встречал, — задумчиво молвил Бульнес.

— Этот парень завоюет королевство, — подала голос мумия бывшего раба.

— Что? — в голос повернулись к Гресу Бульнес и Гирадо.

— То, что я сказал. — Оживший мертвец зевнул и сел на полу, потирая глаза. — От него пахнет королевской властью. Он случайно не рожден королями?

— По-моему, нет, — сказал Гирадо. — В противном случае он бы об этом обмолвился.

— Говорю вам, этот парень еще станет владыкой, — упрямо повторила мумия. — Таково мое предсказание. Я редко ошибаюсь.

— Что ж, я передам ему твое мнение, — обещал Гирадо. И снова заговорил с Бульнесом: — В Стигии, пока ты пребывал в уединении, случилась беда. Точнее, она случится, если мы не остановим могущественную магу по имени Мутэмэнэт. Не встречалась ли тебе эта женщина в ту пору, когда ты изучал искусство некромантии?

— Лично я с ней никогда не виделся, — ответил Бульнес. — Но того, что я о ней слышал, оказалось довольно, чтобы отбить всякую охоту иметь с нею дело.

— Я не стану рассказывать тебе всего, — проговорил Гирадо. — Это долго и опасно. Возможно, у нее везде есть невидимые соглядатай. Когда имеешь дело с магой, никогда не знаешь, чего ожидать.

— Говори основное, — сказал Бульнес. — Я постараюсь помочь тебе.

— Где-то здесь, в горах, обитает второй отшельник — дракон Мемфис.

— Я знаю его, — просто отозвался Бульнес. Мумия со вздохом растянулась на полу. Слышно было, как хрустят ее суставы.

— Чаще всего он бродит по горам, обернувшись дряхленьким старичком, — продолжал Бульнес. — Если ты не обладаешь магическим зрением, тебе ни

за что не угадать в этом немощном старце могучего дракона с серебряным телом и сверкающими клыками. Он умен, очень умен и обладает своеобразным чувством юмора.

— Совсем как Конан, — хмыкнул Гирадо. — Вот уж у кого крайне своеобразное представление о смешном.

Бульнес попытался пригладить непослушные вихры у себя на голове, однако это ему не удалось. Оставив всякую попытку привести в порядок волосы, он принялся теребить мочку уха.

— Если тебе повезет, ты встретишь его завтра. Недавно мы видели его гуляющим возле пещеры Хрустального бога.

— Это еще что? — нахмурился Гирадо.

— Одна пещера, — туманно пояснил Бульнес. — Идите дальше на север, до дерева, разбитого молнией. Вы увидите его издалека. Это огромный ствол, перекрученный и черный от давнего удара. Говорят, что на самом деле это вовсе не дерево, а древний великан, который повздорил с громовержцем и за это был им наказан... Справа от убитого дерева будет вход в эту пещеру...

Голос Бульнеса звучал все тише и тише, и Гирадо почувствовал, как его клонит в сон. Не договорив фразу до середины, некромант задремал, свесив голову на грудь.

Заснул и Гирадо. Тишина повисла над убогой хижиной, где долго еще мерцала одинокая лампада. Но наконец погасла и она.

Когда Конан проснулся, то не обнаружил ни хижины, ни стигийского некроманта, ни ожившей мумии, ни своего спутника. Оба коня, привязанные не подалеку к кустам, спокойно паслись и только время от времени дергали ушами. Небо над головой было ясным, коршун продолжал кружить и покривливать тонким, тревожным голосом, но больше ничего живого поблизости не наблюдалось.

Конан сел, потер виски. Прокашлялся. Ничего. Вчера он совершенно не пил ничего спиртного, поэтому вряд ли ему почудился ночлег в странной хижине. Нет, хижина была. Киммериец считал себя человеком здравомыслящим, и сбить его с толку было не так-то просто.

— Магия, — прошипел он так, словно это слово было ругательством.

Он чувствовал себя отвратительно. Вчера следовало хватать Гирадо в охапку и бежать прочь из этого проклятого дома. Сразу, как только хозяин проговорился о том, что владеет ожившей мумией. С самого начала не понравился Конану этот Бульнес — если только того действительно так зовут. Но ведь Гирадо мнит себя цивилизованным человеком! Как он мог обидеть гостеприимного хозяина, да еще стигийского мудреца?

К тому же тот предлагал интересную беседу о магии, некромантии, предсказаниях и прочей чепухе, от которой только одно лекарство — добрый удар дубиной по голове.

Сердясь на себя, как на лютого врага, Конан взял обеих лошадей и двинулся вперед. Может быть, Гирадо обнаружится вскоре — висящим на дереве, прищипленным к скале или еще в каком-нибудь неудобном и глупом положении, — и тогда его придется спасать.

Впереди показалось высокое дерево, давным-давно расщепленное молнией. Конан посмотрел на него, нахмурясь: что-то в этом дереве показалось ему подозрительным. Впрочем, в то утро любая вещь выглядела в его глазах гнусной и не заслуживающей доверия. Тем не менее в пещеру, вход в которую находился рядом с корнями погибшего дерева, варвар все-таки заглянул.

Маги обожают подобные местечки, как он знал по своему опыту. Может быть, и здесь он отыщет какого-нибудь худосочного чародея, из которого можно будет вытрясти два-три полезных заклинания прежде, чем отрезать ему голову.

В пещере оказалось, противу ожидания, светло. Стены ее были сложены полупрозрачным камнем сероватого оттенка, и солнечные лучи, рассеиваясь, проникали в подземелье. Казалось, здесь постоянно висит серебристая пыль. Тонкий звон сопровождал каждый шаг киммерийца — это отзывались на прикосновения подошв певучие камни. Впереди тихо капала вода.

По мере того, как Конан углублялся в пещеру, звук падения капель становился все звонче, все отчетливее. Наконец перед варваром открылся боль-

шой подземный зал. Конан остановился, изумленный представшим ему зрелищем.

Под тонким, почти совершенно прозрачным каменным куполом, находилось небольшое озерцо, заполненное черной водой. Из этой воды поднимался постамент в виде лотоса, а на постаменте находилась большая, выше человеческого роста, статуя какого-то божества. Этот бог, с огромными удлиненными ушами, полузакрытыми глазами и сложенными на груди руками, тихо дремал, скрестив ноги посреди большого каменного цветка. Из потолка на темя статуе медленно падала вода. Каждая капля стекала по туловищу и омывала его. Божество зеркально отражалось в черной неподвижной воде озера.

А на другом берегу, в точно такой же позе, сидел маленький дряхлый старичок и задумчиво созерцал статую.

При виде Конана старичок поднял голову и замотал длинными седыми усами.

— Человек! — прошамкал старик. — Зачем ты пришел в эту пещеру? Чего ты здесь ищешь? Ничего, кроме вечного покоя, тебе здесь не откроется, а ты не из тех, кому требуется покой.

— Ты прав, почтенный, — отозвался Конан. — Сомной случилась беда, вот я и пошел куда глаза глядят в поисках человека, который мне бы помог.

— Беда? — удивился старикишка и затрясся от смеха. Его усы извивались, как живые. — Какая беда может случиться с таким, как ты? Ты молод, полон сил и шума! С такими никогда ничего не случается!

У тебя нет дома, чтобы он сгорел! У тебя нет жены, чтобы она тебе изменила! У тебя нет детей, которые могли бы умереть! У тебя ничего нет, голодранец, кроме отменного здоровья и глупой башки!

— Ты прав, почтенный, — еще более вежливо ответил Конан бесноватому старцу. — Но у меня был спутник — и вот он-то пропал.

— Не очень похоже, чтобы ты страдал оттого, что пропал какой-то безмозглый дурак, с которым ты пустился в странствия! — заметил старишок и встал.

На нем были очень дорогие и чрезвычайно испорченные одежды. Халат из золотой парчи — порван в клочья, наборный пояс, украшенный бирюзой и рубинами, потерт и покрыт трещинами, обувь, сшитая из хорошо выделанной кожи, висела лохмотьями на тощих ногах. В таком же ужасном состоянии находились грязные всклокоченные волосы старика, его тощая бородка и длинные, очень жидкие и неопрятные усы. Но небольшие темные глаза излучали мощную энергию, а беззубый рот шамкал властно.

— Тебе повезло, дурачина, — говорил старишок, показывая Конану на статую божества, — ты притащился сюда как раз в полнолуние, когда Амида достигает своего наибольшего роста.

— Как это? — не понял Конан.

— Эта статуя сформирована камнем и падающей водой, которая просачивается сюда сквозь трещины в потолке пещеры. Она прибывает и убывает вместе

с луной. В полнолуние это природное изваяние достигает потолка пещеры, а к новолунию от него почти ничего не остается.

— Как это может быть? — поразился Конан.

Старишок затрясся от смеха.

— Этого никто не знает, сынок! Мы ведь имеем дело с божеством! Оно захотело быть таким, оно стало таким, каким захотело, — вот и все, что мы можем знать об этом!

— Слишком сложно для меня, — проворчал варвар. — Могу я узнать твое имя, почтенный, или ты предпочитаешь, чтобы я терпел твои грубости, именуя тебе в ответ почтенным и не более того?

— Ах ты, маленький хитрец! — старишок погрозил ему узловатым пальцем с длинным желтым ногтем. — Ах, плутишка!

Прошло очень много зим с тех пор, как Конана называли «маленьким хитрецом». Разве что какая-нибудь девица, прикорнувшая на его груди... Но уж никак не взрослый мужчина. Тем не менее Конан повторил свой вопрос:

— Меня зовут Конан, назови же теперь свое имя.

— Мемфис, — быстро ответил старишок. — Мое имя — Мемфис. Можешь называть меня также Большой Мемфис или Серебряный Мемфис. Понял, малыш?

Конан ничего не понял.

— Мемфис — это дракон, — сказал он. — Или глупый Гирадо опять все перепутал? Ты ведь старый человек, не так ли? Человек, а не дракон?

— Возможно, — смутно ответил старикиш. — А возможно, и не совсем. Каждое полнолуние я прихожу сюда, чтобы полюбоваться на статую, которая возрастает до потолка пещеры. Дракону не проникнуть в это отверстие, не так ли? Приходится принимать меры. Да, приходится кое-что менять. Иначе я не могу увидеть статую. А мне хочется ее видеть. Понимаешь ли ты, малыш, что значит — хочется?

— Еще бы! — сказал Конан. — Например, мне хочется увидеть моего приятеля Гирадо.

— Неужели тебе дорог какой-то человечек? Судя по имени, он родом из Стигии, а ты не похож на стигийца. Стало быть, вы не родственники, — начал рассуждать старикиш, назвавшийся Мемфисом. — А как тебя зовут, а?

— Меня зовут Конан, и этот стигиец мне вовсе не дорог. И уж тем более мы не родственники, — рассердился Конан. — Но мы вместе пустились в путь, и я хотел бы, чтобы этот путь мы и закончили вдвоем. Не привык я к такому, чтобы устроиться на ночлег вдвоем, проснуться в одиночку да так и уехать ни с чем.

— Погоди-ка, погоди-ка... — Мемфис призадумался, закусив ус. — Где это вы заночевали вдвоем? Не у Бульнеса ли, этого пройдохи-некроманта?

— Да, кажется, такое имя назвал хозяин довольно мерзкой хижины.

— Теперь понятно... — Мемфис хихикнул, поперхнулся собственным усом и принял кашлять, содрогаясь всем телом. — Понятно, совершенно все

понятно... Ты, наверное, ушел ночевать на двор, а твой дружок расположился под крышей.

— Да.

— Каждое полнолуние Бульнес со своей болтливой мумией проваливается под землю.

— Так принято? — уточнил Конан. — Или это какое-то проклятие?

— Откуда мне знать? — Мемфис выплюнул ус и громко фыркнул, почти как лошадь. — Мало ли что придет в голову этому человечьему отродью. Полная луна плохо действует на мумию. Она начинает зевать, говорить разную чушь, а иногда делается злобной и кидается на своего спасителя. А чего он хотел, когда завладел трупом раба и превратил его в прорицателя? Окружил почетом, курит ему благовония — тьфу! Меня тошнит от всей этой глупости.

Старикиш энергично плонул себе под ноги и попал в черные воды озера.

По глади побежали круги, возле каменного лотоса заколебались маленькие волны. По статуе пронесся долгий протяжный вздох, который зародился как будто в самых ее глубинах.

— Ой-ой, — сказал старикиш. — Бежим-ка отсюда, малыш. Я случайно прогневал нашего бога, и он может пробудиться.

— И что тогда? — спросил Конан, не двигаясь с места.

— Если он никого не увидит, то заснет снова. А если заметит нас с тобой, то... мало ли что придет ему в голову спросонок! Этих богов разве разберешь!

И Мемфис мелко засеменил вокруг озера. Конан подхватил старишку на руки — тот оказался невероятно тяжелым — и бросился с ним бежать прочь из пещеры. И вовремя — каменная статуя как раз начала приподнимать веки.

— Уф! — выговорил Мемфис, когда Конан поставил его на ноги. Они снова были возле входа в пещеру, рядом с разбитым деревом. — Быстро же ты умеешь скакать, малыш. Как тебя зовут, говоришь?

— Конан.

— Забавное имя. Ты ведь северянин, а? Черный, как кушит, а глаза голубые. Пф! — Он снова фыркнул, так что усы испуганно разлетелись от его рта. — Где это тебя так сожгло солнцем? — Он поднял палец. — Только на море бывает такой загар! Только на море! Ты был гребцом на галере, а? Сознавайся, мерзавец, ведь ты бывший гребец на галере!

— Может быть, — сказал Конан. — Тебе-то какое дело, почтенный Мемфис, Серебряный и Большой, был я гребцом или не был?

— Да никакой, — сказал старишок. — От тебя воняет королями, а ты тратишь время, размахивая веслами на какой-то галере.

— Какими еще королями? — смущился Конан.

Наслаждаясь тем, что гигант-северянин наконец-то чувствует себя не в своей тарелке, старишок захочтал, широко разевая беззубый рот.

— Ты будешь королем или был им когда-то! — заявил он.

— Эка новость! — напился Конан. — Конечно, когда-нибудь я завоюю себе королевство.

Мемфис закивал головой, размахивая длинными серо-серыми волосами.

— Похвально, малыш, похвально. Ну что, летим?

— Куда? — не понял Конан.

— Ты хочешь тащиться к хижине Бульнеса пешком? — поинтересовался старишок ехидно. — Неужели не надоело бегать туда-сюда, туда-сюда? Летим! — прогремел его голос совершенно по-иному, и вдруг перед Конаном возник огромный змей с полулучевеским лицом на морде. Усы, каждый размером с большую змею, шевелились на камнях. На голове красовались острые загибающиеся рога. Тяжелый хвост расслабленно лежал среди кустов и булыжников. Серебряная чешуя сверкала на бледном солнце, и дракон казался металлическим.

И только темные глаза глядели по-прежнему, ехидно и весело. Это существо так и дышало жаром, жизненными силами, мощью.

— Садись между рогами, — прогремел голос, и усы расползлись в стороны, как бы в приглашающем жесте. — Полетим низко, но очень быстро.

Конан осторожно приблизился к голове дракона.

— Мемфис, — сказал он, и в его голосе невольно прозвучало благоговение. — Как ты красив!

— А... — вздохнул дракон. — Я всегда это знал!

Конан устроился на голове змея. Прикосновение чешуи оказалось прохладным и приятным. Почти мгновенно змей чуть-чуть приподнялся над землей

и заскользил, извиваясь, по воздуху. Мимо проносились, мелькая, кусты, низкие деревца, обломки скал. Прошло совсем немного времени, и дракон плавно опустился на землю.

— Здесь, кажется, стояла хижина этого дурака Бульнеса, — ворчливо прогремел он. — Ну-ка, слезай с моей головы. Будем копать.

Конан спустился на землю и отошел чуть в сторону. Дракон сложил свое длинное тело кольцами и уставился на него.

— Ну? — сказало древнее существо.

— Что? — не понял Конан.

— Будем копать! — сказал дракон.

— Хорошо, — согласился Конан.

— Что ты стоишь? — прогневался дракон. Он взмахнул усами, как бичами, и хлопнул хвостом по земле, отчего опавшие листья, хворост и несколько неудачливых ящериц взлетели в воздух.

— Копай!

— Я? — переспросил Конан.

Дракон склонил голову набок, как удивленная собака.

— А что, я, по-твоему? Это твой приятель! Копай! Я буду помогать тебе песней.

И он действительно завел монотонную песню, от которой неудержимо клонило в сон. Конан опустился на колени и принял ладонями разгребать землю на том месте, где, как он помнил, была злополучная хижина.

Вскоре он увидел лицо, засыпанное землей. Это

был Бульнес. Он спал мертвым сном и чуть похрапывал. На его бледных губах вздувались пузыри.

— Оставь его, — прервал на миг свое пение дракон. — Займись другим. Этот уже привык к погружениям, а вот твой приятель мог и задохнуться.

Конан послушно бросил Бульнеса (надо признать, сделал он это весьма охотно) и принялся копать дальше.

Вскоре он отыскал Гирадо. Стигиец спал мучительным сном, он позеленел, губы его ввалились и стали почти черными, веки изо всех сил жмурились, как будто пытались избавить взор от страшных видений.

Конан вытащил его и уложил на траву.

— Хорошо, — сказал дракон, продолжая тянуть бесконечную мелодию. — Буди его, пока он не привык к этому сну. Пока что ему снятся отвратительные вещи — видишь, как хмурится? — но когда он попривыкнет и втянется, видения станут более спокойными, а потом и приятными... В конце концов он не захочет просыпаться.

— Но почему Бульнес не предупредил его, что останавливаться на ночлег под крышей его дома опасно? — спросил Конан, хлопая Гирадо по щекам и тряся его за плечи.

— Потому что ему дела нет до пришлых остолов-пов, которые забрели к нему под кров, — промурлыкал дракон.

Гирадо со стоном распахнул глаза. Конан увидел ужас, мелькнувший во взгляде стигийца.

— Кто? Что? — выдохнул Гирадо.
— Это я, — сказал киммериец.
— Конан! — Гирадо с глубоким вздохом опустился на траву. — Мне показалось, что я умер, что меня опускают в чан с кипящей смолой и хотят сделать из меня мумию...

— Ну, что я говорил? — раздался громовой голос дракона. — Все это из-за некромантии. Возня с трупами никого еще не доводила до добра.

Гирадо подскочил, как ужаленный, и встретился взглядом с Мемфисом. Серебряный дракон щурился, словно кошка, и откровенно потешался над перепуганным и растерянным человеком.

— Ты... ты... о, великий, почтенный, о могущественный... — залепетал стигиец, хватаясь то за один, то за другой амулет.

— Это я, — важно подтвердил дракон. — Я познакомился с твоим спутником, с этим верзилой, который был вежлив с хилым стариком и бесстрашен с могучим драконом. Хо, хо. Куда это вы, малыши, направляйтесь? Здесь не очень приветливые края, как вы успели убедиться.

— Мы ищем... нам нужно найти... — начал стигиец, но махнул рукой и вдруг заплакал. — Мне трудно говорить, — сквозь слезы вымоляв он. — Столько всего произошло! Живая мумия, некромант, подводный город, а теперь еще ты — такой огромный, такой...

— Прекрасный, — самодовольным тоном подсказал дракон. — Ладно, пускай отвечает северянин.

Как тебя, кстати, зовут, северянин? Кажется, в голове у тебя не совсем пусто.

— Нам нужна часть амулета, — сказал Конан, решив на этот раз не называть своего имени дракону. Будет с него.

— Талисмана, — поправил Гирадо.

Конан махнул рукой.

— Ну, талисмана. Такой кругляшок, разбитый на четыре части. По нашим сведениям, у тебя хранится та часть, что позволяет повелевать духами воздуха.

— Что, очень надо? — спросил дракон еще более насмешливо.

— Без этого не остановить Мутэмэнет, если ее имя тебе что-нибудь говорит.

— Помню такую женщину, — задумчиво протянул Мемфис. — Красивая, но очень злая. Она приносила мне воздушный талисман. Говорила что-то об опасностях, о магии, да я ничего не понял. — Он потянулся, развернув и снова свернув кольца своего огромного серебряного тела. — Я слишком стар, слишком могуч, слишком далек от мира людей... Если бы вы только знали, какими жалкими кажетесь вы с той высоты, на которую я летаю! Вы живете так мало, что я не успеваю замечать, как сменяются поколения. Вы ходите так медленно, что я обгоняю вас, едва начав движение. Вы ничтожны... и все же есть что-то непобедимое в вашем неустанном продвижении вперед. Чего вы достигнете когда-нибудь? Я это увижу, я увижу... я доживу до этого времени...

Дракон зевнул, ослепив двоих спутников блеском своих белоснежных клыков, в которых, казалось, отражались, искаженные, оба лица, Конана и Гирадо.

— Забирайте эту безделку, — сказал дракон, и из-под его перепончатой лапы выпал неровный кусочек металла. Гирадо схватил талисман так быстро, что Конан едва успел проследить за ним глазами. — И уходите... уходите, пока не случилось еще чего-нибудь.

— Погоди, — остановил дракона Конан. — Ты был так добр, так снисходителен... Окажи нам еще одну услугу.

Дракон широко раскрыл темные глаза, в которых так и плясали усмешливые огоньки.

— Я слушаю тебя, малыш.

— Нам нужно попасть в подземный город магмиков.

— Сколько всего вам нужно, малыш! У меня просто голова идет кругом! — громовые раскаты драконьего смеха разнеслись среди скал. — Идите в ту пещеру, где мы встретились. Лошадей тебе придется отпустить... Они, по-моему, убежали, едва я принял истинный облик. Впрочем, я не уверен. Проверь. В любом случае, в подземелье их не бери. Там они не пройдут. Вход — там, мимо статуи Амиды. Дождитесь, пока минет полнолуние. Нехорошее это время для вас, людей, — полнолуние...

Дракон чуть приподнялся над землей. Кончик его хвоста задрожал — древний зверь предвкушал предстоящий стремительный полет.

— Прощайте, малыши, — зазвенел, запел медный голос Мемфиса. — Прощайте!

Серебряная стрела чиркнула воздух, и спустя миг в ослепительно-синих небесах уже извивалось огромное, сияющее тело гигантского древнего змея.

Гирадо изо всех сил старался сохранять невозмутимый вид, но это у него не очень-то получалось. В подземелье он ежился и все время оглядывался по сторонам, как будто ожидал нападения страшного чудовища. Ничего не происходило, и это, как с насмешкой подумал Конан, еще больше пугало маленького стигийца. Смуглые тонкие пальцы постоянно перебирали амулеты, ощупывали то один, то другой мешочек с колдовскими зельями. Губы то и дело принимались шевелиться, бормоча заклинания, но ни одно из них стигиец не договорил до конца.

— А что, — обратился к нему Конан, — душно было тебе спать под землей?

Гирадо посмотрел на своего спутника большими темными глазами, расширенными от ужаса.

— Поначалу я вообще ничего не понял, — признался он. — Просто заснул. Земля забила мне рот и нос, но я не умирал. Тяжело и мучительно спал. Такое иногда случается, когда тебя давит тяжелое одеяло...

— Давит одеяло! — фыркнул Конан. — Чего только не услышишь, общаясь с цивилизованными людьми!

— Легко тебе говорить, верзила, — обиделся стигиец.

При виде могучей, бугрящейся мышцами фигуры варвара трудно себе было представить, что его могло «давить» одеяло. Однако хрупкий стигиец — другое дело. Какая-нибудь баранья шкура или набитый войлоком матрас вполне могли сжать его грудную клетку и вызвать кошмары.

— Ладно, не обижайся, — миролюбиво отозвался Конан. — Лучше продолжай. Интересно.

— Мне снились страшные вещи. Отрубленная голова моего брата, превращенная в рубин...

— А разве твоему брату отрубили голову? — удивился Конан.

— Это же сновидение! — объяснил стигиец.

— А разве оно не пророческое или что-то в этом роде?

— Нет, просто сновидение. Только страшное.

— Нет ничего страшного в отрубленной голове, — заявил Конан авторитетным тоном. — Я самолично отрубал головы и могу тебя заверить, что нет ничего более мирного, молчаливого и безопасного, чем...

— О боги! Я говорю о своем брате! — возопил стигиец.

— Ты ведь его даже ни разу не видел, насколько я понимаю.

— Неважно. Мы с ним одной плоти. Словом, я не буду тебе больше ничего рассказывать... — Чуть помолчав, Гирадо добавил: — И эта красная, полупрозрачная голова имела мое лицо. И она пыталась мне что-то сказать, но ее губы были скованы рубином.

— Как это? — заинтересовался Конан.

— Я хотел сказать: она была рубиновая и потому не могла шевелить губами.

— Красивый сон, — помолчав, оценил Конан. — А потом?

— Потом ты начал меня трясти. Рубиновые грезы рассыпались, я увидел сереный свет и твою физиономию. Но этот дракон! Как ты сумел завоевать его уважение?

— Что-то я не заметил, чтобы старый Мемфис проявлял ко мне уважение! Просто мы с ним поболтали. Точнее, я поболтал с неким сварливым старикашкой, который бродил по этой пещере и случайно плюнул в изображение бога... или в самого бога. А вот и он!

Они вошли в подземный зал с озером, посреди которого на каменном лотосе восседала прозрачная статуя божества. Теперь, когда полнолуние миновало, капли с потолка падали реже, и статуя сделалась меньше. Конан предположил, что к новолунию изображение божества (или же само божество — этого он так до конца и не понял) становится совсем маленьким. Тем не менее глазам путников предстала довольно впечатльная картина: почти совершенно прозрачный бог, застывший в спокойной, отрешенной позе, глядел на них из-под полуопущенных век равнодушно и слепо; на холодных, выпяченных губах застыла полуулыбка, которая в любое мгновение, казалось, может обернуться злобным оскалом или приветливым смешком.

Отраженная в неподвижной черной водной глади, статуя казалась двуглавой.

— Клянусь Бэлит! — шепнул стигиец. — Здесь жутко!

— Пока он не шевелится, все в порядке, — отозвался варвар, пожимая плечами. — По мне так, все статуи богов ничего не стоят, пока они остаются статуями.

В это мгновение прозрачный бог открыл глаза и осторожно шевельнулся рукой. По озеру пробежали круги.

— Ты касался воды? — спросил киммериец у своего спутника.

— Нет... Тебе тоже показалось?

— Кром! Проклятье! Ничего не показалось! Он оживает, и одному только аду известно, почему!

— Люди... — пронеслось эхом по подземной пещере, и это простое слово отзывалось от стен много раз, то глухо, то гулко, пока наконец не начало звучать зловеще, словно представляло собой какое-то древнее могущественное заклинание. — Люди...

— Да, мы люди! — выкрикнул Конан, желая разрушить очарование страха. — А ты — всего лишь ледяная статуя!

— Я бог... — загремело вокруг. — Я бог... Ничтожные, жалкие люди!

— Мы друзья Мемфиса, — бойко проговорил стигиец, размахивая амулетом причудливой формы. На коротком жезле сидело изображение дракона, раскрашенного красными и золотыми полосами. Чуть

ниже дракона имелось синее кольцо, с которого свешивались цепочки, кисточки, причудливо завязанные узелками шелковые шнурки и колокольчики. Все это брякало и разевалось, однако на ожившего ледяного бога не производило ни малейшего впечатления.

— Я Амида, спящий здесь, во тьме, тысячи зим! — сказал он. — Дракон Мемфис превратил меня в крошечного карлу и оледенил мои члены. Много тысяч зим длилось наше противостояние. Мы видели, как пала Атлантида, но и это не остановило нашей вражды. Нам не было дела до страданий людышек, ведь мы были равными противниками и стоили друг друга. Только это нас и занимало. Но вот Мемфис заручился помощью людей, этих ничтожных созданий... Я ненавижу людей! — взревел вдруг Амида, и по его телу побежали струйки оттаявшей воды. — Это дьявольское отродье! Их жизнь коротка, но за эти считанные мгновения, что они проводят на земле, они успевают совершить столько добра и зла! Богам потребовались бы столетия, чтобы сравняться в счете с человеком.

Люди стали союзниками Мемфиса. Он научился принимать их облик. Этот облик был, с их точки зрения, весьма несовершенным и даже смешным, и поэтому они полюбили его.

Вот загадка человека!

Человек может полюбить уродливое и смешное. Человек может полюбить отталкивающего старишку, который забывает половину из того, что ему

только что рассказали. Мемфис понял это и научился этим пользоваться.

А я никогда не снисходил до людей. Меня не интересовали их убогие тайны. Мне не хотелось заключать с ними союз. Я предпочел бы, чтобы их никогда не было!

И однажды я поплатился за свою гордость. Мемфис со своими отвратительными союзниками подстерег меня и набросил на меня сеть из своих чар. Спустя короткое время я, побежденный, поверженный, униженный, был превращен им в крошечную уродливую статуэтку и помещен здесь, в этой пещере, посреди озера. Мемфис приковал меня к каменному лотосу, так что он стал моей тюрьмой. Но день и ночь сверху падают на меня благодетельные капли воды. Чем полнее луна, тем гуще и чаще эти капли, тем быстрее растут я. Ледяной покров в точности повторяет форму статуэтки, только увеличивает ее в размерах.

Но увы, каждую луну ночное светило начинает убывать, и лед тает, а прозрачная статуя делается все меньше...

Конан присмотрелся и увидел, что внутри ледяной глыбы мерцает что-то темное. И это что-то было статуэткой, как и говорил Амида. Статуэткой, полной жизни и ненависти. Но она не могла двинуться с места и только пыталась прожечь своих собеседников яростным взглядом больших, узких глаз.

А лед статуи все плавился. Озеро, окружающее пленного Амиду, вскипало, по черной воде плыли

пузыри, в которых причудливо отражалось пламя свечей. От лотоса, волнуясь, разбегались круги.

— Я могу разрубить его мечом, — сказал Конан своему спутнику. — Но не знаю, стоит ли это делать. Если дух Амиды заточен внутри этой статуэтки, то неразумно будет выпускать его на свободу.

— Ты делаешь большие успехи в деле изучения природы духов, — похвалил его стигиец.

Конан поглядел на Гирадо искоса, но ничего не ответил. Вместо этого он обратился к божеству:

— Дракон Мемфис умен и добр, насколько я успел заметить.

— Как ты можешь судить, кто умен и кто добр! — заревела статуя. Теперь лед трясясь, как же-ле, наполовину расплавленный, и золотой свет внутри глыбы разгорался все ярче. — Ты ничтожный, жалкий...

— Дракон Мемфис поступил правильно! — крикнул Конан. — Ты останешься здесь, в темноте и безвестности, Амида, и не сможешь помешать нам продолжить наш путь!

Со страшным грохотом лед обвалился в озеро. Обезображеные куски статуи закачались на черных волнах. «Скорлупа», одевавшая изящные руки и толстые скрещенные ноги, обломки «маски», покрывавшей лицо, проплывали мимо Конана и Гирадо. Странно было видеть бесстрастный прозрачный лик, оторванный от головы и подпрыгивающий в воде. Как будто там тонул человек, равнодушный к собственной судьбе.

А на лотосе осталась только маленькая золотая статуэтка, раскаленная теперь докрасна. Она тщетно пыталась приподняться, взмахнуть руками. Только шипение слышалось теперь, многократно усиленное эхом, и в этом шипении спутники разобрали:

— Мемфис... проклятый дракон Мемфис...

Не сказав больше ни слова, они припустились бежать и скоро скрылись в темных подземных переходах.

Поначалу ничего нового они не видели. Только низкие ходы, как будто прорытые огромными муряями, обнаженные скальные породы, иногда сырость под ногами. Затем впереди мелькнул свет.

Конан остановился.

— Ты это видишь? — спросил он своего спутника. Гирадо замер рядом с могучим киммерийцем.

— О чём ты? О том огоньке?

— Да. Это не просто светляк... Мне кажется, там есть кто-то живой, — сказал Конан.

— Ну да, — отозвался Гирадо, стараясь выглядеть уверенным, — светляк ведь живой.

— Я хотел сказать, там существа... Ну, какие-то разумные существа! — рассердился Конан. — Ты ведь прекрасно понял, что я имею в виду! Зачем прикидываться?

— Я понял тебя, — кивнул Гирадо, — только мне кажется, что там обыкновенные колонии светляков.

— Что светлякам делать под землей?

— Мы очень мало знаем о живых существах, которые обитают под землей, — нравоучительным то-

ном проговорил Гирадо. — Например, некоторые змеи, лишенные глаз...

— Только избавь меня от разговорах о змеях, ты, уроженец земли Сета! — взревел киммериец. — Ненавижу змей!

— К ним стоит относиться с уважением, — заметил Гирадо. — Я тоже не большой поклонник Сета, но по крайней мере жизнь в Стигии приучила меня внимательно следить за змеями.

— Хвала богам, я не знаток жизни в Стигии! — разбушевался Конан. — И если я говорю, что впереди кто-то живой, то я говорю то, что говорю! То есть, что впереди кто-то живой! Опасный! Враг! Ты понял, что я говорю?

— Я понял, что ты злишься и немного напуган, — сказал Гирадо спокойно, что еще больше вывело Конана из себя. В наступившей тишине было слышно, как киммериец скрипит зубами. От этого звука у Гирадо мурашки побежали по коже. К тому же он уже сообразил, что киммериец прав: свет впереди означал, скорее всего, селение магминов.

Подземные жители, маленького роста, скорченные, с уродливыми лицами, были потомками лемурийцев, и в их сознании до сих пор жил образ их предков, красивых, с прямыми спинами и ясными глазами.

У лемурийцев не было расширенных зрачков, приспособленных к тому, чтобы видеть в темноте. Они не напоминали горбатых карликов. Их руки не были мускулисты и узловаты.

Магмины тесно сроднились со стихиями подземного мира — прежде всего земли и огня. Огонь, который пылал в недрах земли, согревал их сердца, и каждый из них представлял собой как бы крошечный сгусток почвы с одушевленным пламенем в середине.

Они заметили пришельцев раньше, чем Конан углядел пламя их факелов. И скоро над головами путников начал сыпаться песок. Поначалу с потолка пещеры тихо струились песок и мелкие камешки. Но скоро это грозило превратиться в настоящий обвал.

Конан остановился.

— Эй! — крикнул он. — Мы никому не желаем зла!

Он прислушался. Гирадо так развелновался, что сам не заметил, как прижался боком к могучему боку киммерийца. Конан слышал его дыхание и чувствовал, как дрожит маленький стигиец.

Поначалу никакого ответа не последовало. Только в темноте вдруг протопали крошечные ножки. Затем издалека донесся звон кирки. А после совсем рядом зазвучал голос. Говорил некто, с трудом выговаривая человеческие слова:

— Что вам надо?

— Мы пришли в страну магминов, — начал Гирадо, — с миром и нижайшей просьбой.

— Кто вы? — последовал вопрос.

— Два человека сверху.

— Мы знаем страны, которые лежат сверху, — высокомерно произнес голос. Он звучал так, словно

исходил из автомата, хотя на самом деле говорило живое существо. Конан даже различал его дыхание, немного хриплое, как будто в легких у него осела каменная пыль. — Назовите эти страны.

— Стигия, — сказал Гирадо.

— Киммерия, — произнес Конан.

— Знаете ли вы Лемурию? — спросил голос.

— Она исчезла много тысячелетий назад, — отозвался Конан. — Но лемурийцы оставили на земле немало полезного...

— Вы уважаете Лемурию?

— Хоть эта страна и исчезла, она до сих пор заставляет с собой считаться, — быстро ответил Гирадо. — Трудно не уважать такую страну, почтенный.

Посыпалось удовлетворенное шипение. Затем тот же голос заговорил опять:

— Кто ваши друзья?

— Дракон Мемфис, — назвал Конан и внутренне сжался, готовясь отразить атаку, с какой стороны бы она ни последовала. Он понятия не имел, кого поддерживали магмины в долгом противостоянии Мемфиса и Амиды. Вряд ли маленькие подземные человечки оставались в стороне, когда рядом кипела такая схватка: ведь они, считающие себя потомками славной Лемурии, полагали своим долгом вмешиваться в любые значительные конфликты, о каких только им удавалось узнать.

И если только Конан назвал неправильное имя...

Гирадо нащупал несколько амулетов и одну бутылочку с порошком. Он не знал, какой это был по-

рошок, ослепляющий или усыпляющий, но если придется действовать, он метнет зелье, не раздумывая, — а там уж как получится.

Но оказалось, что Конан не ошибся.

— Мемфис — наш друг, — сказал магмин и выступил на свет.

Это был крошечный согбенный старичок с длинной бородой, длинными редкими волосами серого цвета и уродливым лицом мандрагоры. Его руки почти касались земли, а глазки-бусинки, состоявшие, казалось, из одного зрачка, глядели проницательно.

Он смотрел на стоявших перед ним людей со странной смесью зависти и презрения.

— Мемфис никогда не презирал ни одно живое существо, — сказал магмин. — Он не презирал и нас. Он наблюдал за нами на всем протяжении нашей истории. Он видел, какими мы пришли из Лемурии. Он знал и о падении нашей страны, о погружении в волны материка... Он летал над тем местом, где некогда была Атлантида. Он рассказывал нам об этом. Он никогда не пренебрегал нами. А Амида был другим. Он презирал живые существа, если те были слабее его. Он совершил ошибки. Он попал в ловушку. Мы помогли Мемфису одержать верх. Вы видели Мемфиса?

— Да. Он показал нам дорогу сюда, — сказал Гирадо и вежливо поклонился карлику. — У нас очень важное дело, почтенный. Если ты поверишь нам, то поможешь спасти царство от страшных чар.

— Колдовство людей! — карлик плонул себе под ноги. — Как это глупо! Ничтожные создания куют ничтожные заклинания ради ничтожных целей! В этом нет никакого сострадания к живым существам. Это непочтенно, это очень глупо. Это портит карму. Нельзя так поступать.

— Мы не хотим ковать заклинания, — быстро проговорил Гирадо, чтобы не дать Конану вступить в беседу и присоединить свой могучий глас к мнению карлика о заклинаниях. Гирадо достаточно уже наслушался рассуждений киммерийца на тему «хороший колдун — мертвый колдун» и не хотел, чтобы эту арию Конан с карликом исполнили дуэтом. Он справедливо опасался, что подобное исполнение займет не один поворот клепсиидры.

— Не заклинания ваша цель? — повторил магмин.

— Ни в коем случае! — заверил Гирадо.

— Разве не амулеты у тебя на поясе, человек? — в третий раз вопросил карлик.

Смутившись, Гирадо прикрыл пояс ладонью.

— Да, амулеты, но совсем слабенькие... Скорее, сувениры. Напоминания о некоторых... вещах. О встречах и странствиях. О том, что я должен почитать богов и духов. Не более того. Ну и пара сонных змий — если вдруг не смогу заснуть. Иногда у меня бывают тревожные мысли, и я долго ворочаюсь без сна...

— Смешно! — Магмин затрясся от смеха. Смеялся он странно: втянув голову в плечи и чуть со-

гнув в локтях руки, подпрыгивал на месте, испуская глухой звук: «ух, ух, ух!».

— Мне тоже, — встяял Конан. — Мне тоже смешно все это слушать. Вот что я расскажу тебе. Там, наверху, есть одна вздорная бабенка, колдунья, которая хочет соединить все четыре стихии и таким образом завладеть душами всех живых существ, до каких только дотянется. Она попортит им карму, можешь мне поверить! В ней нет никакого... э... сострадания к живым существам. И карма у ней — хуже некуда, а будет — совсем кошмарная, уж ты мне поверь! Я в этом деле знаток, мне сам Мемфис рассказывал.

Карлик зашевелил сморщенным лицом, задвигал длинным извилистым носом, скрипил рот сперва на одну сторону, потом на другую.

— Да? — проговорил он наконец. — Интересно то, что ты тут рассказывал. Какая это колдунья?

— Ее зовут Мутэмэнэт, — опять вступил в разговор Гирадо. — Это могущественная стигийская за-клиниательница. Ей уже много зим, не одна сотня — точно. Она выглядит как юная красавица...

— Красавица? — Брови магмина подeszли вверх. — О ком это ты говоришь? О долговязой бледнорожей уродине с синей краской на лягушачьих веках, которая пролезла к нам в подземелье и отдала на хранение часть талисмана?

— Огненную, — быстро сказал Гирадо.

— Огненную... — повторил магмин задумчиво и с испытующим видом глянул на молодого стигий-

ца. — Да, эта колдунья настоящая уродка. Гладкая кожа, как будто смазанная слизью. Мясные красные губы. Отвратительно короткие руки. Да? Это она?

— Да, да. Она считает себя красавицей, но на самом деле — жаба жабой, — сказал Конан. — Уверен, что ты не ошибся, прозрев ее истинную сущность.

Магмин снова довольно закудахтал и наконец сказал:

— Идемте. Я проведу вас в наше селение и представлю старейшинам. Думаю, мы сможем доверить вам огненную часть талисмана, но только в том случае, если вы подробно расскажете нам свой план действий.

— А для чего вам знать наш план действий? — осведомился Конан, который и сам имел весьма смутные представления о том, в чем этот план может заключаться.

— Мы должны убедиться, что вы не намерены повредить ни одному живому существу, — объяснил карлик. — Если вы забудете о сострадании и нанесете ущерб созданиям мирового разума, то ухудшите тем самым нашу карму, поскольку мы стали вашими сообщниками.

— Странное у вас представление о карме, — брякнул Конан. Гирадо предостерегающе взглянул на своего восхитительно невежественного в религиозных вопросах спутника, и Конан догадливо замолчал. К счастью, магмин был увлечен своими мыслями.

Поселение магмов находилось глубоко под землей. В глубоком мраке то и дело появлялся дрожа-

щий огонек, спрятанный внутри лампы со стенками из полупрозрачного камня — слюды или дымчатого хрустала. Но эти лампы не столько разгоняли вечный сумрак, сколько подчеркивали его. Казалось, ничто не в состоянии залить эти подземные помещения торжествующим солнечным светом.

Но здешние обитатели в этом и не нуждались. Они давно привыкли к темноте и находили ее успокаивающей, способствующей глубоким раздумьям и погружению в самопознание. Их дома напоминали что угодно, только не человеческие жилища. В скалах, образующих стены бесчисленных коридоров и переходов, были вырезаны причудливые узоры. Тонкое каменное кружево переплеталось и, казалось, не ломалось только чудом. Здесь были и розы, и клубок змей, и сломанные ветки, перевязанные лентой, и фантастические существа, которые, возможно, обитают на дне самого глубокого из морей — того моря, что простерлось над землями погибшей Лемурии...

Посреди этой резьбы то и дело мелькали глаза. Огонь факела, который нес варвар, отражался в расширенных зрачках, и тогда вспыхивало желтоватое или красноватое пламя. Множество подземных жителей следили за шествием, предпочитая, однако, оставаться у себя дома и не присоединяться к чужакам.

За этими ажурными «ставнями» или, лучше сказать, «воротами» находились сами жилища. Конан не мог разглядеть, имелась ли там какая-то мебель, но подозревал, что она тоже из камня. Одежда на маг-

минах была кожаная, из выделанных шкурок каких-то существ, которые также обитали под землей. Про себя Конан надеялся, что это не крысы.

— Крысы? — переспросил Гирадо, и тут киммериец понял, что последнюю мысль высказал вслух. Он шепотом выругался: нельзя слишком погружаться в самопознание, иначе это выльется в процесс познания твоих мыслей посторонними — что, в свою очередь, плохо скажется на карме. Потому что если посторонние узнают что-либо лишнее, Конану придется отправить их в мир иной. А это плохо скажется на карме... И вообще, слишком много вещей плохо сказываются на карме!

Конан плонул себе под ноги, решив больше даже в шутку не думать в подобных выражениях. Киммериец не верил ни в какую карму. Человек рождается на земле и живет один раз. И если он достойно прожил и (что еще более важно) достойно умер, то свирепый бог Кром весело примет его в своих гостеприимных холодных чертогах, где идет богатырский пир. Вот и все. Вот и все.

— Какие крысы? — настойчиво повторил Гирадо, дернув Конана за рукав. — Почему ты говоришь о крысах?

— Я не говорю о крысах, — сказал Конан хмуро. — Мне просто интересно, из чьих шкурок они шьют себе одежду.

— Есть такие существа — подземные копатели, — сказал магмин. — Мы никогда не причинялем им вред. Мы не причинялем вреда живым существам...

— Шьете из дохлых? — спросил Конан вежливо.

— О, да! — охотно подтвердил магмин. — Когда мы находим умершего копателя, мы совершаляем над ним погребальный ритуал, надеясь улучшить его и свою карму.

(Конан отчетливо скрипнул зубами).

— А затем мы снимаем с него его кожаную одежду, которая больше ему не нужна, иносим ее нашим дубильщикам. Тело же предаем тлению.

— В смысле?

— Обливаем его горячей водой, чтобы ускорить процессы разложения, а когда оно окончательно сливается с землей, которая его породила... — пустился в объяснения магмин.

Конан страшно сморщился в приступе брезгливости. Его красивое, хотя и грубо-ватое лицо превратилось на миг в отвратительную маску.

Гирадо поспешил перевести разговор на другую тему:

— Как ты думаешь, почтенный, хорошо ли отнесутся ваши старейшины к нашей просьбе?

— То, что вы хотите забрать, не принадлежит нам, — бесстрастно сказал магмин. — То, что вы хотите забрать, может ухудшить нашу карму. Думаю, старейшины отнесутся к вашей просьбе благосклонно.

Так и случилось. Большой зал совета, куда магмин доставил пришельцев, представлял собой еще одну просторную подземную пещеру с небольшим озером посередине. Но здесь не было ни каменного лотоса, ни ледяной статуи. Одна стена пещеры была

полностью изрезана все теми же причудливыми узорами. На сей раз они представляли собой переплетающиеся листья, длинные и узкие. Конан никогда не видел растения с такими листьями, однако подозревал, что подобные росли некогда в Лемурии.

Среди этих каменных листьев восседали магмы. Их было великое множество. Повсюду к узорным решеткам прилипали их сморщенные, коричневые личики, отовсюду свешивались разлохмаченные бороды и длинные, тонкие серые пряди нечесаных волос.

Конан и Гирадо остановились на берегу озера, оглядываясь по сторонам. Они так и не поняли, являются ли все собравшиеся здесь магмы старейшинами или же решение принимают лишь немногие, а большинство — только зрители.

Подземный город не слишком нравился Конану. Здесь было тесно — не развернуться, не взмахнуть мечом. И темно — отовсюду мог напасть невидимый враг. Да и вообще, киммериец любил яркий свет, открытое пространство, свежий воздух. В его жизни нередко выпадали моменты, когда он был лишен всего этого, и Конан всегда неудержимо стремился к свободе, к простору.

А вот Гирадо, кажется, был потрясен представшей ему картиной. Как истинный сын Стигии — то, что Конан не без презрения именовал «цивилизованным человеком», — он чрезвычайно высоко ценил произведения искусства. Резьба по камню, в которой магмы достигли такого совершенства, принадле-

жала, несомненно, к числу тех искусств, что завораживали ценителя.

— Итак, — зазвучал голос, многократно усиленный эхом, — перед нами два чужака. Говорите!

Гирадо не сразу понял, что обращаются к ним. Выждав немного — не желают ли заговорить магмины, — он выступил вперед и начал:

— Мага из Стигии, Мутэмэнет, отдала вам на сохранение огненный талисман. Мы пришли за ним.

— По поручению маги? — спросил гулкий голос.

— Нет. Мы — ее враги.

Гирадо отвечал определенно, без околичностей, поскольку успел немного изучить магминов по разговору с их провожатым. Здесь не требовалось лукавить, прибегая к пышным витиеватым оборотам речи. У магминов были союзники и соперники. Точнее, магмины воображали, что имели таковых. На самом деле почти никто на земной поверхности не имел об этом маленьком вымирающем народце никакого представления.

— Хорошо. Мага не понравилась народу магминов, — произнес голос с удовлетворением. — Ее поручение охранять огненный талисман было принято нашим народом только потому, что мы боялись отказом ухудшить нашу карму. Но если мы отдадим талисман пришельцам, то мы, несомненно, еще больше улучшим нашу карму. Вы можете забрать его.

Посыпался мелодичный звон, как будто ветер осторожно ласкал десяток колокольчиков самых разных размеров, от толстого крепыша до тоненько-

го малыша. Откуда-то сверху медленно начала спускаться цепочка. Вероятно, действовали некие скрытые в толщах скал механизмы, разработанные магминами, — но ни Конан, ни Гирадо наверняка ничего сказать не могли. Цепочка повисла перед резными листьями, на уровне верхнего яруса, и остановилась. На нижнем ее конце находился небольшой предмет, плоский и бесформенный, — обломок талисмана, как справедливо предположил Конан.

Этот предмет тихо мерцал в полумраке.

— Надеюсь, он не горячий, — прошептал Конан на ухо своему спутнику.

— У меня есть каменный футляр, — ответил Гирадо очень тихо. — Я предвидел такую вероятность.

Он приблизился к талисману и протянул к нему руку.

— Будь осторожен! — вскрикнул один из магминов. — Эта вещь раскалена! Мы время от времени опускали ее в холодные воды нашего священного озера...

Остановленный вовремя, Гирадо принялся копаться в своем поясе и наконец вытащил небольшую каменную коробочку. Талисман был помещен туда с великими предосторожностями. Затем его обернули несколькими слоями выделанной замши (Гирадо предпочел не думать о том, кому прежде принадлежала эта «кожаная одежда» и каким образом с нею расстались прежние владельцы).

— Вы должны теперь покинуть наши владения, — торжественно молвил голос. — Идите вперед

и вперед. Скоро дорога поведет вас наверх. Вы окажетесь на поверхности, под этими страшными, отвратительными, обжигающими лучами, которые могут расплавить глаза, если их вовремя не закрыть. Прощайте.

— Прощайте! — закричал вдруг Конан во всю мощь своих легких и с удовольствием услышал, как где-то очень далеко отзывались ему потревоженные колокольчики.

Луксур открыл двум путникам великолепием пестрых витых башен, мощью ослепительно белых стен, скопой зеленью садов, стиснутых оградами... и, конечно, стражей. Стражники у ворот без интереса смотрели на странную пару путешественников, которых роднило, пожалуй, только одно: оба были пыльными, оборванными и уставшими. Во всем остальном эти двое разнились. Один — рослый мускулистый северянин, вооруженный только мечом, рукоять которого выглядывала из-за могучего загорелого плеча. Второй — маленький верткий стигиец, с головы до ног увешанный амулетами, талисманами и разными мешочками, где хранились снаряжения, порошки, коренья и прочее.

Отобрав у путников последние несколько монет, стражники равнодушно пропустили их в город. Конан хмуро поглядел на алчных блюстителей закона, но счел за благо промолчать. Его занимало другое: как попасть во дворец Мутэмэнет и как вынести оттуда сокровища. Нетрудно догадаться, что пленный

брат стигийца беспокоил его мало. Нет, иная дума точила киммерийца. По своему опыту общения с магами и их сокровищницами он хорошо знал: далеко не все, что выглядит драгоценными камнями и золотом в подвалах какого-нибудь чудодея, является таковым на самом деле. Тратишь колоссальные усилия, сражаешься с демонами, побеждаешь, в конце концов, самого мага — и в результате становишься счастливым обладателем кучи сырой глины или... того хуже. У колдунов специфическое и довольно злобное чувство юмора.

Нет, нужно сперва хорошенько приглядеться...

Когда узкие, извилистые улицы Луксура поглотили их, Гирадо тихонько хмыкнул и вытащил откуда-то из своего богатого арсенала мешочеков и потайных кармашков несколько серебряных монет. Конан присвистнул.

— Похоже, ты задался целью перещеголять меня, стигиец.

— Просто я предусмотрителен, — скромно отозвался Гирадо. Он был польщен похвалой киммерийца.

Недолго думая, оба приятеля завернули в ближайшую таверну. Она называлась «Разбитая ваза». В полном соответствии с этим названием все кувшины и вазы, стоявшие в нишах стен и служившие для украшения помещения, были разбиты или со щербиной. Странно, но это выглядело даже красиво. Все целые кувшины, с точки зрения варвара, были на одно «лицо»; а вот разбитые представляли довольно

живописную картинку. А что бесполезны... Что ж, были ведь другие кувшины, совершенно целые, и в них хозяин подавал гостям вино и воду.

Путники остановились у прилавка. Это был широкий массивный прилавок, сделанный из кирпича-сырца. Прямо в него был вмонтирован большой котел, а внизу, в широком очаге, горел огонь. В кotle что-то булькало. Чадный дым полз по улице, однако в самой таверне было прохладно и довольно свежо. Конан уже встречался с подобными тавернами. Это было типично южное изобретение, характерное для тех мест, где дорожили тенью и прохладой. На севере все обстояло наоборот: очаг помещался в глубине помещения, чтобы согревать его, а запахи съестного заполняли весь дом и сладко щекотали ноздри. Что ни страна, то свой обычай, философски подумал Конан.

Хозяин таверны, малопримечательный смуглый тип, предложил гостям по плошке отварного пшена (надо отдать ему должное, он не поскутился и положил с «горкой») и по кувшину кислого, сильно разбавленного вина. Нагруженные плошками и выпивкой, приятели зашли внутрь и заняли место на вытертом ковре, среди разбитых сосудов, перед низким, сильно запачканным столом.

— Местечко не ахти, — признал Гирадо. — Когда я был помладше, здесь было почище.

— С тех пор прошло некоторое время, — сказал Конан, — и столы успели засалиться. Просто тогда они были новыми.

Гирадо фыркнул.

— На все у тебя найдется ответ, Конан.

Конан промолчал. Он прислушивался к разговорам, которые велись в тавернах. А послушать стоило. Здесь только о том и говорили, что Стигию захлестывает нашествие невиданных злобных тварей. Конечно, темному королевству не впервые было встречаться с демонами во плоти. Слишком много магов здесь жили, и среди этих магов всегда находился такой, который мечтал о господстве если не над всем обитаемым миром, то по крайней мере над Стигией и соседними царствами. А подземное божество мрака, Сет, которому поклонялись в этой стране, всегда был на стороне черной магии и усиливал любое заклинание.

Но то, что творилось сейчас, пугало даже привычных ко всему стигийцев. Поля опустошены. Стая странных птиц с узким телом и железными клювами вытаскивают из земли любое зерно, любую травинку, а крестьян, которые пытаются этому помешать, бьют по голове, по лицу, по рукам своими страшными крепкими клювами, пока люди непадают замертью, обливаясь кровью.

Реки кишат змеями. Сколько раз уже случалось, что человек пытается постирать одежду или набрать воды, а на него набрасывается целый клубок извивающихся холодных тварей. Они жалят человека, обвивают его длинными телами и утаскивают на дно, чтобы проглотить.

Нигде нет спасения от разбушевавшихся стихий.

Реки выходят из берегов, то и дело начинаются ураганы или неведомо откуда прилетают смерчи. Потоки взбесившегося воздуха выдергивают из земли ценные деревья или дома, а потом с силой бросают их вниз, с большой высоты. Число жертв все растет, и нет конца бедствию.

Причину называли шепотом: магия. Подозревали то одного, то другого известного мага, однако уверенности ни у кого не было. Да и потом, даже если бы обитатели Стигии узнали доподлинно, кто из великих мастеров Черного Искусства стал причиной нового бедствия, — разве посмели бы обыкновенные люди поднять руку на могущественного чародея? Им оставалось только страдать, тайно роптать — и погибать в катаклизмах...

Конан слушал очень внимательно. Его интересовали подробности. Пока что подтверждалось все, о чем говорил ему Гирадо, — четыре стихии вышли из-под контроля богов. Они вырвались на волю благодаря заклинаниям маги Мутэмэнет и ее беспутных сыновей. Гирадо прав: долго так продолжаться не может. Мага предпримет свои меры. Вероятнее всего, она попытается остановить стихии, а затем возьмется за создание новых сыновей. Для чего ей понадобится новый супруг, потому что старый... кстати, может быть, она решит воспользоваться и прежним. Если только она сохранила его тело.

Здесь Конан вступил на зыбкую почву предположений и потому прекратил всякие раздумья на эту тему.

Доев кашу, он обратился к своему спутнику:

— Что теперь?

— Я бы поспал... — признался Гирадо.

— Нет уж! Аично я не намерен оставаться в этом осином гнезде дольше, чем это необходимо! Пойдем к логову колдуны, осмотримся, а потом...

— Я хочу спать! — почти капризным тоном произнес Гирадо, и Конан вдруг вспомнил о том, что его приятель — младший сын от последнего брака. Конечно, едва оказавшись в родном городе, он снова почувствовал себя баловнем, которому все уступают просто потому, что он «маленький».

— Слушай, Гирадо, я ведь не твой папочка, — зашипел Конан. — Говорю тебе, спать будешь потом, когда свернем шею этой ядовитой гадюке, Мут...

— Тс-с! — испуганно вскрикнул Гирадо. — Не называй ее имени! Зови лучше «гадюкой», если тебе нравится такое прозвище. Или гадиной. Как угодно, только не по имени, иначе она может нас услышать.

— Ой, ой, ой. Я испуган, — фыркнул Конан. — Ладно, будь по-твоему. Сперва покажи мне ее особняк, а потом, так и быть, ступай отдыхать. А я хочу осмотреться.

В таверне нашлась свободная каморка прямо под крышей.

Она стоила дешево, потому что ночью там было холодно, а днем — невыносимо жарко, но приятели согласились на эти условия. Выбирать им было некогда, да и денег, припрятанных Гирадо, хватит не надолго.

Оставив там свои вещи, Гирадо спустился вниз, в общий зал, где Конан изумленно рассматривал разбитый им кувшин.

— Только что был целый... — пробормотал киммериец. — Случайно упал на пол. Не знаю сам, как это получилось...

— Наверное, он был с трещиной, — утешил Гирадо. — Поставь его в нишу, хозяин ничего не заметит.

Так Конан и поступил. Хозяин таверны действительно ничего не заметил.

Шагая по луксурским улицам, Гирадо оживленно вертел головой, и было заметно, что он рад вернуться домой.

Конан не понимал, как можно считать этот вонючий городишко «домом». Здесь на улицах полно ослов и верблюдов, люди одеты по большей части в лохмотья, о мостовых, как правило, нет и речи — хотя центральная часть города все-таки вымощена деревянными брусками.

Зато дворцы великолепны и зловещая красота храма Сета завораживает. Впрочем, для Конана это не имело значения. Его витыми башенками и острыми шпилями не проймешь. Он побывал уже во многих славных городах Хайбореи, например, в Аренджуне, и навидался разных чудес.

Нет, киммериец по своей натуре — практик. Ему покажи горсть настоящих золотых монет или веселую красавицу — вот это производит впечатление. А все эти ухищрения, за которыми прячется зло, ко-

варное и таинственное... Это не для Конана из Киммерии!

Дворец Мутэмэнет находился чуть в стороне от святилища, однако в опасной близости к нему. Это было большое здание, щедро украшенное башенками и причудливыми окнами. Конан презрительно присвистнул, прикинув, как просто опытному скалолазу взобраться по этому фасаду, однако Гирадо поспешил остыть его пыл:

— Рано радуешься. То, что выглядит снаружи как окна, на самом деле — глухая стена. Окна находятся совсем в другом месте, и ты их не найдешь, разве что случайно. Мага закодировала свой дом. Внешне он один, а на самом деле — абсолютно другой. И расположение комнат не такое, как представляется при первом взгляде. Более того, комнаты иногда меняются местами. Не знаю, как она это делает.

— Наверное, переставляет мебель, — предположил Конан.

— Нет, — Гирадо не поддержал шутку, — тут все гораздо серьезнее...

Они несколько раз обошли особняк кругом. Затем Конан отпустил своего приятеля отдохнуть. Усталый Гирадо мог и в самом деле наломать дров. Пусть лучше выспится и хорошо соображает. Терпеть его зевания над ухом Конан не желал.

А Конан остался. Закутавшись в плащ, он усился прямо на мостовую и задумался. По Стигии гуляют демоны, повелевающие стихиями. Это плохо, потому

что демоны обычно не останавливаются в границах одного королевства и пытаются распространить свои безобразия на сопредельные страны. Мутэмэнэт лелеет новые замыслы относительно новых сыновей, которые помогут ей захватить власть. Еще одна головная боль. Гирадо хочет освободить душу своего брата, которого никогда не видел. Очень похвально и благородно. А чего добивается Конан?

Ответ очевиден, сказал варвар сам себе. У чертвки наверняка имеется сокровищница. Добраться до золота и самоцветов, а потом уехать куда-нибудь в Аренджун и там пожить широко и весело.

Но как проникнуть в особняк, если он — мало того, что заколдован и наверняка хорошо охраняется, — да еще и не то, чем кажется?

Поразмыслив, Конан изобрел довольно дерзкий план.

— Нет! — закричал Гирадо, едва киммериец поделился с ним своей задумкой. — Нет, нет и нет! Ты сошел с ума! Ты еще не знаешь, на что она способна!

— А ты, похоже, не знаешь, на что способен я! — заявил северянин. — Иначе не стал бы так переживать. Я хочу познакомиться с этой бабой. Кто лучше меня подходит на роль отца ее будущих ублюдков? Посмотри на меня, Гирадо! Взгляни на это роскошное тело ты, жалкий стигийский заморыш!

Гирадо медленно краснел, а Конан тем временем скинул плащ и вертелся перед своим собеседником, точно красующаяся модница.

— Оцени крепость этих мышц, статность этого торса, привлекательность этого честного лица!

Тут он скрочил такую ужасную рожу, что Гирадо не выдержал и расхохотался.

— Кто наговорил тебе этих красивых слов о тебе самом, киммериец? Вряд ли ты додумался до этого сам!

— Мне говорили об этом разные женщины, — важно ответил Конан. — Женщины, которые понимают толк в мужской красоте. Говорю тебе, ведьма не устоит передо мной. Она захочет заполучить Конана-киммерийца и нарожать от него красивых, крепких и умных сыновей. Я, конечно, мог бы дать ей их, но...

— Но? — переспросил Гирадо.

— Но ненавижу ведьм! — быстро ответил Конан. — Поэтому она будет ужасно разочарована, можешь мне поверить! Как ты считаешь, сумею я свернуть ей шею?

— Она заколдована с головы до ног, — сказал Гирадо. — Заклятиями можно одеться не хуже, чем броней.

— У нее должно быть уязвимое место, — проговорил Конан. — Это закон. Ни один маг не может практиковать свое черное искусство, если у него нет уязвимого места. Иначе он превратился бы в бога, а боги такого не потерпят.

— Откуда ты все это знаешь? — поразился Гирадо. — Ты ведь не обучался магии.

— А, — небрежно отмахнулся Конан, — я разве тебе не говорил? Многие колдуны перед смертью

становятся дьявольской разговорчивыми. Рассказывают разную ерунду. А вот видишь — пригодилась и ерунда...

— Кто знает, — проговорил Гирадо задумчиво, — может, у тебя и получится...

И Конан отправился «ловить» Мутэмэнет. Плащ он оставил приятелю. Полубоженный, он небрежно прогуливался по улице перед домом маги. В руке — кувшин с вином, за поясом — стаканчик для игры в кости. Гуляка, который обдумывает, как бы получше провести время.

Мага наблюдала за ним из скрытого окна. Этот великолепный образчик мужской породы — как и предсказывал Конан — не оставил ее равнодушной. Обычно она мало интересовалась мужчинами. Разве что они требовались ей для магических опытов. И вот теперь как раз настало такое время — и боги послали ей этого пьяного северянина. Стоит залучить его в дом и посмотреть, на что он способен. Мага не сомневалась, что в случае необходимости она легко сумеет избавиться от нежелательного партнера. В конце концов, он всего лишь глупый мужчина, варвар, у которого в голове винный туман и смутные образы восточных красавиц.

Закутавшись в темно-синее покрывало, расписанное звездами и астрологическими знаками, мага выскользнула из своего особняка. Конан заметил ее почти сразу и радостно вздрогнул: попалась! Он намеренно широко зевнул и замурлыкал трактирную песню про пташку и кота. Женщина приближалась

к нему соблазнительной походкой, плавно покачивая бедрами. В который раз уже Конан поражался тому, как умеют соблазнять здешние красотки: ни лица, ни фигуры не видно под просторным покрывалом, однако движения говорят порой красноречивой взглядов и жестов.

Оказавшись рядом с варварам, красавица чуть сдвинула покрывало с лица и одарила Конана долгим взглядом прекрасных глаз.

— Здравствуй, — прошептали невидимые губы. — Кто ты, удивительный мужчина, взволновавший мое сердце?

— Ух ты! — вымолвил варвар и рыгнул. — Ну да! Вот это номер!

И выпучил глаза, чтобы казаться еще глупее. Она снисходительно улыбнулась — он понял это по тому, как сощурились глаза.

— Как твое имя, красавец-мужчина? — повторила она свой вопрос.

— Ну, это... меня звать Конан, — сказал Конан. — А ты?

— Зови меня Мут, — произнесла женщина волшебным голосом, прозвеневшим, как горный ручей.

— Ух ты! — сказал варвар. — Мут. Ну ты и красотка! А все остальное, что у тебя под покрывалом, ты мне покажешь?

Женщина засмеялась.

— Какой ты быстрый!

— А чего ждать? — иоразился варвар. — Давай уж сразу. Ежели я тебе глянулся, так и ты, того...

раздевайся и показывай, чего там у тебя. Глазки-то как горят! Глазки красивые.

— Все остальное — тоже, — сказала Мут. — А теперь сделай мне одолжение: помолчи. С виду ты хороши, а вот говоришь отвратительно.

И Конан вдруг понял, что действительно не может произнести ни звука. На мгновение страшная злоба захлестнула его. Вот так дела! Едва он познакомился с проклятой ведьмой, как она сразу же его заколдовала. Но потом он подумал о другом. Как только он дознается, где у нее уязвимое место и убьет ее, заклятие будет снято. Так что и переживать особо не из-за чего.

Он глупо улыбнулся и позволил ей увести себя за собой.

Дворец действительно оказался совершенно не таким, каким выглядел снаружи. С улицы был виден приятный, немного легкомысленный особнячок, вычурный, выкрашенный в веселые цвета — розовый, голубой и желтый. Но стоило зайти за ограду, как все разительно менялось. Башенки превращались в остроконечные металлические штыри, нависавшие по всему фасаду и делавшие невозможным попадание на крышу. Крыша щетинилась колючками и острыми шипами — пройти по ней было также немыслимо. Окна, расположенные совершенно не там, где представлялось поначалу, были мутными, закрытыми каким-то странным стеклом, отражавшим все что угодно, кроме реального мира. Конан видел, как в темных стеклах мелькали демоничес-

кие лица, искаженные оскалом рожи, перепончатые крылья, когтистые лапы... иногда разверзлась пропасть, которая проглатывала эти образы, но тотчас извергала наружу другие, еще более жуткие. Варвар не мог понять, была ли то иллюзия, или же эти окна глядели в какой-то другой, демонический мир. Возможно, последнее ближе к истине, если учесть, какого рода магию практикует хозяйка особняка.

Невысокая дверь, обитая железом, отворилась бесшумно, едва только мага показала на нее пальцем. За дверью никого не оказалось, однако этому Конан как раз не удивился. Он не раз уже видел подобные штучки в обиталищах других волшебников.

Однако «простак» Конан, которым прикидывался варвар, просто обязан был удивиться этому нехитрому трюку. Поэтому он немо промычал что-то, что должно было выразить изумление. Мага метнула на своего добровольного пленника взгляд, в котором Конан прочитал недоверие и вместе с тем удовольствие. Про себя варвар хмыкнул: какой бы изощренной и древней ни была эта волшебница, ей не чуждо самое обыкновенное женское кокетство и желание нравиться. Она, небось, уж решила, будто насмерть поразила примитивное воображение незадачливого обожателя!

Внутри дворец был поистине огромным. Снаружи он казался довольно маленьким, но чары искали пространство, замкнутое между этими стенами. Безконечно тянулись анфилады роскошно убранных

комнат, сменяясь извилистыми коридорами, переходами с лесенками, ведущими то вверх, то вниз, и прозрачными крытыми мостами, откуда можно было видеть внутренние дворики со статуями, деревцами и фонтанами. Однако ничто не остается безназываемым, даже в мире магии. Искривленное пространство «мстило» за себя: многие вещи казались здесь искаженными, как будто смазанными или растянутыми. Стулья и столы с нарушенными пропорциями, позолоченные львиные головы и тела леопардов и пантер из эбенового дерева, инкрустированного слоновой костью, — в такой форме была создана здесь почти вся мебель, — казались изуродованными. Их как будто долго вытягивали на дыбе, прежде чем поставить здесь, в покоях маги, для ее услаждения. Морды животных из алаебастра, резной кости, драгоценных пород деревьев навеки застыли в страдальческих оскалах. Лапы их в смертельной муке скребли мраморные полы и драгоценные пушистые ковры.

Хрустальные шары, служившие здесь для отражения и рассеивания света, горевшего внутри, — Конан так и не понял, каким образом устроены эти лампы, — выглядели приплюснутыми, хотя нащупь они оказались идеально круглой формы. Варвар неустанно вертел головой, делая вид, что восхищается открывшейся ему роскошью, — в каждом покое был свой особенный стиль, не повторяющийся больше нигде. На самом деле он изучал характер маги. И чем больше он смотрел на вещи, которыми

окружала себя Мутэмэнет, тем лучше понимал эту женщину.

Мутэмэнет любила, чтобы все вокруг служило ее удовольствию. Ради этого она не останавливалась ни перед чем. Она была готова перекроить весь мир по собственной мерке, лишь бы ей, колдунье, было здесь удобно. Комфорт — вот ее божество. И ради этого она много столетий изучала черные искусства, предала свою душу Сету, научилась управлять пространством и временем, завоевала себе бессмертное, прекрасное тело... Ради комфорта!

Конан едва сдержался, чтобы не плонуть на изумительные узорные полы. Комната, в которой они сейчас находились, представляла собой модель вселенной. Потолок ее был расписан звездами и знаками зодиака — совершенно такими же, что и на плащике хозяйки особняка. Темно-синее небо с золотыми звездами и серебряными планетами и потоками космических энергий как будто накрывало присутствующих куполом.

Все четыре стены — окна здесь не было — расписаны пальмами, кустами, различными растениями из далеких стран, от самых северных, где могут выжить только коренастые низкорослые кустарники, причудливо изогнутые в бесконечной борьбе против злых ледяных ветров, до самых южных, с мясистыми листьями и сочными водянистыми плодами, с ароматической смолой, от которой люди дуреют и впадают в странное полузыбь, полное волшебных и ужасающих грез.

А под ногами искусная инкрустация из различных пород дерева изображала саму землю и прежде всего населявших ее гадов — самых разных змей, скорпионов, пауков, ядовитых тарантулов. Конан поражался тому, насколько тщательно изобразили неведомые мастера этих отвратительных ядовитых созданий. Казалось, будто ступаешь по кишащим внизу смертельно опасным тварям.

Вот такой должна быть вселенная, которой жаждет управлять Мутэмэнет, понял внезапно Конан. И еще эта вселенная будет искаженной — как искажен мир, втиснутый в стены ее особняка. Этой же цели служат отвратительные демоны, вырвавшиеся на волю из неведомых пространств и миров вследствие оплошности, допущенной сыновьями маги. Мутэмэнет, поразмыслив, решила оставить их действовать на свободе. Ей необходимо внести хаос в упорядоченный мир людей.

У одной из стен находился хрустальный гроб. Конану не потребовалось заглядывать туда, чтобы знать, кто там похоронен: незадачливые сыновья Мут. Племянники Гирадо, подумал он со внезапным злорадством. Да, вот это родственнички!

А Мут улыбалась ему таинственно и призывно. Конана едва не стошило от этой улыбки. «Вот ведь чертовка, — подумал он, — считает себя неотразимой.

Тьфу! Обыкновенная ядовитая гадина... Интересно, умеет ли она читать чужие мысли? Дай-ка попробую... Дура! Нет, не реагирует. Надо подумать

что-нибудь такое, на что среагирует любая женщина, даже самая умная. Баба — она и есть баба, что ей всего дороже, будь она хоть царица, хоть богиня, хоть шлюха из придорожной харчевни? На свою драгоценную рожицу. У Мут — отвратная рожа. Вся раскрашенная. А вот если краску-то поскрести — что под ней? Небось, дряблая кожа. И глаза припухшие. И бородавки... И прыщи... И старческие пятна... Нет, не реагирует. Ага, мысли читать не умеет. Очень хорошо».

Чрезвычайно довольный собой и результатами проведенного исследования, Конан послушно пошел за Мутэмэнет дальше, углубляясь в недра ее заколдованного дворца.

Тем временем Гирадо уже проснулся и занимался своим делом. Он не стал в свое время посвящать Конана в то, насколько глубоко он проник в тайны магии, когда изучал некоторые ее дисциплины. Незачем варвару, который совершенно искренне считает, что «хороший маг — мертвый маг», знать некоторые вещи.

Например, то, что Гирадо умеет гораздо больше, чем может представить себе воин. Большинство его порошков, снадобий и чар — тьфу, ерунда, чтобы морочить голову легковерным крестьянам и путникам. Кое-что может отпугнуть разбойников, если те окажутся достаточно суеверными (а жизненный опыт научил Гирадо тому, что наиболее свирепые и жестокие грабители обычно больше всех подверже-

ны самым грубым и примитивным суевериям и зачастую боятся обыкновенных призраков).

Но имелись в его арсенале и настоящие чары. И среди них — чары прозрачности стен.

Подобравшись поближе к особняку Мут, Гирадо осторожно насыпал вдоль улицы тонкой струйкой песок. Песок был самый обычный — дело в том, какие слова при этом произносились. Каждое слово давалось молодому стигийцу с невероятным трудом. Оно словно оказывалось больше его рта, и выталкивать его наружу приходилось с усилием. К концу чтения заклятия губы Гирадо треснули, из угла рта текла струйка крови. Он посерел, покрылся каплями пота, но не мог даже поднять руки, чтобы вытереть его, и соленые струйки попадали ему в глаза.

Зато теперь он мог видеть. Пространство расступилось перед открывшимся внутренним взором Гирадо. Находясь на улице, он не мог попасть в само искаженное пространство дома Мутэмэнэт, поэтому внутренний вид помещений открылся ему стиснутым, как бы сплюснутым, и все фигуры и предметы, находящиеся внутри, были искажены почти до неузнаваемости. Гирадо нашел Конана и хозяйку дома — тонких, как спицы, и сильно вытянутых вверх, словно в искажающем зеркале.

Мут что-то говорила варвару, а он кивал безмолвно, точно болванчик. «Или Конан действительно умеет ловко притворяться, — подумал Гирадо, — или она его заколдовала, и тогда дело плохо». Он лихорадочно обшаривал взглядом покой за покоем в

поисках крупного рубина. Однако обнаружить камень среди такого множества вещей, да еще сильно измененных магией, оказалось делом очень непростым.

«Прекрасная и грозная Бэлит! — взмолился про себя стигиец. — Помоги мне! Пусть Мутэмэнэт сделает что-нибудь такое, что откроет мне ее тайну!»

Но Бэлит, если и слышала эту горячую мольбу, не спешила прийти на помощь Гирадо, так что в конце концов молодому стигийцу пришлось полагаться только на свою смекалку и магические умения.

Тем временем Мут усадила Конана на мягкое ложе и принялась угождать разными напитками и фруктами. Он послушно ел и пил, а сам все оглядывался по сторонам, размышляя, как бы ему ловчее одолеть колдуны. Пока что ничто не подсказывало ему ответа. Кругом висели драпировки, такие тонкие, что поначалу они показались Конану просто паутиной. Многие имели прорехи, и Конан так и не понял, что это было — настоящие дыры, следы времени, или же какая-то особенная мода, установленная чародейской для самой себя. Судя по всему, Мутэмэнэт любила тлен и разложение. Ей нравилась пыль, скопившаяся на тонких тканях, повсюду свисавших с потолка в комнате, которую она избрала для наслаждений. Широкое ложе было застлано шкурами диких животных. Мутэмэнэт сохранила морды убитых зверей, и все они скалились в пред-

смертной агонии. Клыки их блестели в свете масляных ламп, сделанных в виде скорпионов, терзающих собственную плоть высоко задранными ядовитыми хвостами.

Конан лениво растянулся на шкурах. Он и сам казался диким зверем, пойманном в ловушку и все же смертельно опасным. Мутэмэнет улеглась рядом с ним, поигрывая длинной черной прядью спутанных волос варвара. Внутренне Конан ухмылялся. Кем она себя воображает, эта заколдованная старуха? Неотразимой чаровницей? Ни на мгновение Конан не поддался чарам ее красоты... Ну, разве что на одно мгновение — когда она взглянула на него поверх покрываала там, на улице. А потом — все. Киммерийца так запросто не проведешь. Он ведь знает, кто она такая.

Мут потянулась, выгибая тело. Конан не мог не отметить, какой красивой формы была ее полная белая грудь. Покрывало в виде звездного неба, скомканное, валялось в ногах женщины. Мут как будто попирает небосвод, подумалось Конану. В этом вся ее сущность.

Завладеть и растоптать. Завладеть...

Он протянул загорелую крепкую руку и погладил прохладное тело Мутэмэнэт. На ощупь оно было шелковистым и податливым. Бедра так и лнули к мужской ладони. Мут откинула назад голову, открывая белое нежное горло, и затрепетала. Давно уже Конан не видел рядом с собой в постели женщину, которая так трепетала бы в его объятиях.

Зарычав, точно дикий зверь, он стиснул Мут и прижал ее к себе.

— Что ты делаешь? — безмолвно кричал Гирадо, беснуясь по другую сторону прозрачной стены. — Конан! Опомнись! Конан! Приди в себя! Ты поддался ее чарам! О, боги! О, Бэлит! Образумьте этого варвара! Пошлите хотя бы немногого здравого ума в его тупую голову! Конан! Ты погубишь себя и всех нас!

Конан, естественно, его не слышал. Он ласкал Мут и наслаждался запахом ее волос. Это был сладковатый запах, немного похожий на наркотический, и точно так же он дурманил, погружая в волшебные сны.

В рубиновой темнице бесстрастно наблюдала за любовниками душа пленного Уррутия. В нем пробуждались смутные воспоминания. Воспоминания о том, как некогда он сам — в те далекие времена, когда еще обладал плотью, крепким мужским телом, пахнущим потом и лошадьми, — ласкал эту красивую женщину. Как она извивалась в его объятиях, как... танцевала — другого слова он не мог подобрать, — когда они занимались любовью. Она была восхитительна. Она была лучше всех других. Ни одна женщина не могла сравниться с Мут на ложе утех. Наверное, стоило отдать свое тело на растерзание крокодилам, а душу — на вечное пленение в рубиновой темнице. Цена немалая, но купленное этой ценой стоило затрат.

Любовь Мутэмэнэт.

Любовь? Разве мага знает, что такое любовь? Нет, страсть, плотская, низменная, но такая пылкая, такая... волшебная. Да, волшебная.

Душа Уррутии шелохнулась внутри рубина, и вокруг нее опять заколыхалась красноватая тьма, пронизанная золотыми искорками.

Интересно, какая судьба ждет нового возлюбленного Мут, неистового варвара?

«Интересно», — подумал Уррутии. Но на самом деле ему было совершенно неинтересно. Он дремал внутри своей вечной тюрьмы.

Он старался забыть о боли — и он забыл о ней. И теперь, когда боль грозила вот-вот пробудиться и вновь начать терзать свою жертву, он пытался подавить ее.

Сделанное — сделано. Прошлого не вернуть. Цена заплачена. Дело стоило того. Дремать. Спать. Небытие. Рубиновая мгла...

Пронзительный вопль Мутэмэнет разнесся по покоям. Вопль торжества, боли, ликования, счастья. Вслед за тем раздалось победоносное рычание варвара. Они разомкнули объятия и, тяжело дыша, раскинулись на звериных шкурах, лоснящихся от пота. Мут хватала воздух ртом.

— Негодяй, — нежным голосом произнесла она, — ты едва меня не раздавил!

Ответом ей было невнятное урчание, похожее на ге звуки, которые издает насытившийся леопард.

— Я же заколдовала тебя, глупенький! — тихонько засмеялась Мут. — Ах я, дурочка! И забыла об

этом. Ты не можешь мне ничего сказать. Ну, бедняжка, бедняжка. Ничего, я тебя приласкаю...

Конан фыркнул, как конь, и замотал длинными черными волосами.

— Ах ты мой хороший! — продолжала сюсюкать Мут. — Ну ладно, ладно...

Она задумчиво водила ладонью по его крепкому телу, но глядела теперь в другую сторону. Казалось, удалец-варвар совершенно покинул ее мысли, блуждавшие теперь совсем далеко. На самом деле Мут размышляла о том, как ей поступить с пленником. Для того, чтобы родить новых сыновей, ей понадобится держать Конана у себя почти четыре зимы. Сумеет ли она укротить его настолько, чтобы он не поднял бунт и не попытался сбежать за такой долгий срок? Мут сомневалась. Заколдовать его, превратить в полоумного идиота? Но захочется ли ей, маге, отдавать свое тело безмозглому куску мяса?

Проблемы, одни проблемы...

Она вздохнула.

— Одни проблемы с вами, мужчинами, — проговорила она вслух.

Конан радостно замычал, соглашаясь с ее словами.

Мут снова потянулась и перевернулась на живот. Взяла со столика несколько виноградин, вложила в рот себе и Конану. Одна из ламп-скорпионов вдруг ярко вспыхнула, выбросила в воздух дымное облачко и погасла. Мут настороженно подняла голову.

— Это еще что такое? — произнесла она. — Почему?..

Но тут послышался громкий хлопок, и в воздухе, разрывая пространство, появилась человеческая фигура. Она вся была покрыта красными каплями. Конан присмотрелся, и когда колыхания муты рассеялись и воздух вновь стал прозрачным, разглядел своего спутника — Гирадо. Одежда молодого стигийца была порвана в мелкие клочки и держалась на теле каким-то чудом. Множество крошечных, но глубоких ранок покрывало его кожу. Из этих ранок непрерывно текла кровь. Лицо, залитое кровью и распухшее, превратилось в страшную маску.

Гирадо скалился, и его красные зубы неприятно сверкали в свете оставшихся масляных ламп. Одной рукой он размахивал перед собой, другой непрерывносыпал какие-то разноцветные порошки. Пол под ним то и дело взрывался пестрыми огоньками, и тогда Гирадо подскакивал в воздухе.

Пылая яростью, Мут поднялась на ложе и простерла руки навстречу незваному гостю. Губы ее исказились, она изогнулась всем телом, готовясь произнести заклятие, но тут Конан схватил ее поперек живота и опрокинул обратно на ложе. Весело мыча, он раздвинул ее ноги и навалился сверху..

— Отпусти меня! Животное! — зашипела Мут. Конан чувствовал, как она бьется об его поистине железный живот, но вырваться не может. Как муха, накрытая ладонью на столе, подумал варвар и хмыкнул.

— Я больше не хочу тебя! — визжала Мут. Злые слезы брызгали из ее глаз, смывая синюю и золотую

краску. По щекам поползли некрасивые потеки. Мага плакала от бессилия и ярости. Она пыталась произносить заклинания, но Конан закрывал ее рот поцелуем.

А когда она начала двигать пальцами, чтобы вызвать себе на помощь невидимых слуг, Конан схватил ее за руки и с силой прижал к подушкам. Мут зарычала не хуже киммерийца, однако было поздно: варвар навалился сверху всей тяжестью и снова овладел ею.

И теперь, подчиненная воле мужчины, мага ничего не могла поделать. Она даже дышала с трудом — об этом Конан позабылся тоже.

— Быстрее! — крикнул варвар своему сообщнику, и тут с удивлением и радостью понял, что дар речи к нему вернулся. Видимо, мага ослабела. — Я не смогу делать это слишком долго!

— Понял! — откликнулся Гирадо.

Он попытался опуститься на пол, но заклинание левитации оказалось слишком сильным, поэтому молодой стигиец продолжал плавать по воздуху, время от времени выбрасывая вспышки пламени. Наконец он завопил:

— Нашел!

И схватил большой красный рубин. Душа Урруттия посмотрела на него изнутри.

— Брат! — надрывался Гирадо, в то время как Конан начал уже рычать и вскрикивать, лежа на распятой маге. — Брат, ты меня слышишь? Я освобожу тебя!

— У меня... нет... тела, — донеслось из кристалла. Голос звучал глухо, но отчетливо. — Я... только... душа.

В панике Гирадо начал оглядываться по сторонам, и неожиданная мысль осенила его.

— У тебя нет тела? — закричал он. — Оч-чень хорошо! А кое у кого совсем нет души! Я изгоню эту душу! Я заточу ее в кристалл! А тебя освобожу, брат!

— Быстрее! — надрывался Конан. — Я больше не могу!

И он закричал так, как кричат в чаще дикие звери по весне.

Гирадо схватил рубин и изо всех сил ударил его об пол. Одновременно с этим он вывернул несколько мешочеков, висевших у него на поясе, и их содержимое просыпалось на пол. Гирадо принадлежал к той школе магов, которая называется «интуитивной». Эти маги, как считалось, знали свое ремесло настолько хорошо, что могли действовать интуитивно. Рука сама нашупывала нужные снаряжения, на ум сами собой приходили нужные заклинания. На самом деле истинных мастеров «интуитивной» магии почти не существовало.

Большинство «интуитивистов» были попросту неудочками, а свое невежество они прятали за научными терминами.

И Гирадо, конечно же, принадлежал к их числу. Поэтому он и сыпал то, что подвернулось ему под руку, а после зажмурился и стал ждать результатов.

И результаты превзошли все его ожидания!

Раздался страшный взрыв. С грохотом разлетелись в стороны камни. Обвалился — как почудилось магу-неудачнику — не потолок, а само небо. Пространство, доселе стиснутое и укрощенное, освободилось и расширилось во все стороны.

Поднялся страшный ветер. Он подхватил людей и предметы. В последний момент Гирадо успел ухватиться за какое-то дерево, а Конан и Мут, вцепившись друг в друга, полетели прочь и сильно ударились о железную ограду. Мут вдруг обмякла, как будто жизнь покинула ее. Конан с отвращением оттолкнул ее от себя. Мягко, как тряпка, мага повалилась на траву.

А вокруг бушевала настоящая буря. Небо над головами потемнело. Жители Луксура в панике бежали по улицам. Ветром срывало черепицу и бросало ее на мостовую. Один человек был уже ранен — он проскакал мимо Конана, держась за рану на голове и явно никого не замечая. Из улиц и переулков доносились треск, стук, жалобные крики, мольбы о помощи.

Над храмом Сета гуще заклубился дым, как будто жрецы, перепуганные невиданным явлением, решили удвоить рвение и начали приносить жертвы раньше установленного времени. «Вряд ли Сет будет настолько любезен и поможет своим приверженцам», — подумал Конан. Сет никогда не славился любовью к людям. Он рассматривал их, скорее, как пищу.

Облака, густые и черные, низко неслись над городом, задевая башни и шпили.

В общем грохоте и крике слышался протяжный тонкий вой, как будто рыдал кто-то запертый в другом мире.

— Талисманы! — над ухом Конана задыхался знакомый голос Гирадо. — Давай!

— Они у тебя, — напомнил варвар, сам удивляясь собственному спокойствию. — Что ты наворотил, Гирадо?

— А? — переспросил стигиец, нащупывая на поясе мешочки с талисманами. — Сам не знаю... Как-то само собой вышло... интуитивно...

— Хотел бы я знать, что там у тебя вышло, — проворчал Конан. — Давай, работай дальше. Будь что будет. В крайнем случае просто унесем отсюда ноги. А эта Мут — знаешь, она очень хороша... Даже если она ведьма и старуха.

— Ты — жуткий тип, — сказал Гирадо, лихорадочно вытряхивая на землю обломки талисмана. — Так, вода, воздух... огонь... А где же земля?

— Ты же сам говорил, что земная часть талисмана хранится в Луксуре. И что она, вероятно, в особняке Мут. Мол, она самая сильная и все такое... Забыл?

— Может быть, это рубин? — предположил Гирадо.

— А может быть, это сам особняк? — в тон ему ответил Конан. — Простофиля! Что мы теперь будем делать? И что с магой? Она умерла?

— Нет, просто ее душа покинула тело, — сказал

Гирадо, приложив на несколько мгновений ухо к груди Мутэмэнет.

— А разве это не одно и то же? — фыркнул Конан.

— Для магов — нет, — ответил Гирадо твердо. И насторожился: — А что, тебя тревожит ее участь?

— Она могущественна и сильна. Еще бы меня не тревожило, на что она еще способна! — ответил Конан. — По-моему, мы сильно ее разозлили.

Тут тело Мут зашевелилось на земле. Губы с трудом разлепились, глаза распахнулись, и мгновение в них читался панический ужас. Деревья гнулись на ураганном ветру, тучи проносились теперь так низко, что грозили зацепить лежащего на земле за нос.

— Боги! — хрюкло произнесла Мут. — Где рубин?

— Здесь, — ответил Гирадо и подтолкнул ногой камень.

— А я где?

— Ты в саду, мага.

— Мага? Мага? — Мут засмеялась еще более хрюкло и безумно.

Конан и Гирадо переглянулись. Потом безумная мысль посетила Гирадо, и он вкрадчиво спросил:

— Как тебя зовут?

— Уррутия... Она сказала, что мое имя — Уррутия... Что она скормила мое тело крокодилам...

— Вероятно, так она и поступила, — кивнул Гирадо.

Уррутия провел руками по бокам, затем вдруг замер и в ужасе схватил себя за грудь.

— Что это? — вскрикнул он и зарыдал.

— Это — тело Мут, — сказал Гирадо. — Добро пожаловать обратно, в мир людей, дорогой брат. То есть, сестра.

— Я теперь женщина? — изумлялся Уррутиа. — Что ты со мной сделал, брат?

— Освободил тебя из рубиновой темницы. Я сделал это, как умел, уж прости меня. Ты теперь — очень красивая женщина. Будущее покажет — может быть, ты еще и бессмертная женщина.

— А как же мои мечты... — забормотал Уррутиа невнятно. — Выпивка, лошади, бабы... Все это потеряно, потеряно безвозвратно!

И он отчаянно, в голос зарыдал.

Конан смотрел на эту сцену, широко открыв глаза от изумления. Затем он сделал над собой усилие и взял себя в руки. Прежде всего — не думать о том, что произошло, когда он сжимал Мутэмэнет в объятиях. Слишком уж противно. Брат, сестра... Ерунда какая-то!

Потом. Куда подевалась душа Мут? И где этот проклятый талисман земли?

Катализм приближался. В темном воздухе видны были уже кожистые крылья и оскаленные пасти. Конан узнал этих демонов — их он видел в окнах особняка Мут. Теперь они летали над Луксуром, свободные, жаждущие крови, яростные.

Конан схватил рубин и тотчас встретился взглядом с ненавидящими глазами Мут. Душа маги оказалась там, в темнице, и не узнать ее взгляда Конан

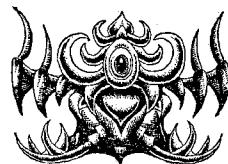
не мог. Уррутиа, унаследовав тело маги, не унаследовал ее жизненной силы.

— Земной талисман — это ты сама, Мут! — сказал Конан. — Теперь я знаю твое уязвимое место.

Он схватил рассыпанные по земле обломки талисмана и бросил их на рубин. Раздалось странное шипение. Рубин как будто расплавился от прикосновения частей талисмана, а затем поглотил их. Мгновение еще Конан слышал пронзительный, отчаянный, полный неизбывной злобы крик женщины, заточенной в рубине, а затем все стихло.

Конан взял камень в руки и наклонился над ним. В темно-красной мгле он увидел, как демоны обступили магу и терзают ее когтистыми лапами, а она обороняется от них заклинаниями. Что ж, Мутэмэнет обрела свою собственную вселенную. И что за беда, если эта вселенная, полная злых, темных сил, вселенная, где Мут является единственной и полновластной госпожой, так мала, что помещается внутри одного рубина!

Содержание

Брайан Дуглас

Заклинание Аркамона. Повесть	5
Беспокойные мертвецы. Повесть	61
Змея и мумия. Повесть	117
Стигийские маги. Повесть	185

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

КОНАН И ЗАКЛИНАНИЕ АРКАМОНА

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*
Компьютерная верстка: *Сергей Чесноков*
Корректор *Светлана Орлова*

Подписано в печать 26.01.09. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5 000 экз. Заказ № 0016.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Владимир Контровский
«БАТАЛЬОН БОГОВ»

*Страж звездных дорог
Горький привкус власти
Колесо сансары
Утробный рык дракона
Вкрадчивый шепот демона
Крик из будущего
Истреби в себе змею
Забытое грядущее*

СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Сергей Шхиян
«БРИГАДИР ДЕРЖАВЫ»

*Прыжок в прошлое
Волчья сыть
Кодекс чести
Царская пленница
Черный магистр
Время бесов
Противостояние
Ангелы террора
Турецкий ятаган
Гиблое место
Крах династии
Самозванец
Заговор
Юродивый
Нити судьбы
Боги не дремлют
Кукловод
Грешница
Покушение
Бригадир державы*

СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

серию мистических романов
«ТРЕТЬЯ СТРАЖА»

Время ожидания

Незваные гости

Прокурор дьявола

Жатва

Темные зеркала

Твари нижнего мира

Ветер, кровь и серебро

**ВСТУПИ В «ТРЕТЬЮ СТРАЖУ»!
НАЧНИ БОРОТЬСЯ С НЕЧИСТЬЮ!**

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ!**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Николай Андреев

«ЗВЕЗДНЫЙ ВЗВОД»

Лучшие среди мертвых

Аг для живых

Сектор мутантов

Стальная кожа

Глоток свободы

Конец империи

Воины Света

Наемники

Хищники будущего

Слепой охотник

Ковчег надежды

Атака тьмы

Переворот

Вторжение

Метрополия

Разведка боем

Последняя схватка

Мир героев

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ!**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Денис Чекалов

«ВЕДУНЬЯ»

Клятва отступника

Ледяные осколки вечности

Печать демона

Призраки кургана

Бронзовая башня безумия

Яд багряной химеры

Книга мертвых имен

Дольмен

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

САЈА О КОНАЊЕ

КОНАН и тени ветра	73	КОНАН и принц Зигарди	74	КОНАН и склонжина пустыни	75	КОНАН и духи гор	76	КОНАН и склонжина таранти	77	КОНАН и нефритовый кубок	78	КОНАН и убийцы рудовиц	79	КОНАН и стомицей морей	80	КОНАН и путь героев	81
КОНАН и волшебка леса	82	КОНАН и настала невеста	83	КОНАН и антион заря	84	КОНАН и падама возмездия	85	КОНАН и трои везды	86	КОНАН и честь империи	87	КОНАН и месть бела	88	КОНАН и камень желания	89	КОНАН и волыня бания	90
КОНАН и каскетка варвара	91	КОНАН и скончав матя	92	КОНАН и золотая нантера	93	КОНАН и антиона лемурия	94	КОНАН и ярость тигров	95	КОНАН и тайна песков	96	КОНАН и рай гламисана	97	КОНАН и покой обреченных	98	КОНАН и чары колдуны	99
КОНАН герой камбоджи	100	КОНАН и черное солнышко	101	КОНАН и залогион рока	102	КОНАН и падама сия	103	КОНАН и рицата луты	104	КОНАН и альбы стризей	105	КОНАН и темный скотник	106	КОНАН и камки асуры	107	КОНАН и суд богини	108
КОНАН и цит вендии	109	КОНАН и панки ахерона	110	КОНАН и изолирован остров	111	КОНАН и лемони стризей	112	КОНАН и паранзи юга	113	КОНАН и узники камия	114	КОНАН и красное братьство	115	КОНАН и газ наука	116	КОНАН и цепь сборотия	117
КОНАН и фонты жизни	118	КОНАН и река затянутая	119	КОНАН и долина дикарей	120	КОНАН и земля шорраков	121	КОНАН и огни смерти	122	КОНАН и салюй жизн	123	КОНАН и недарения нелагуна	124	КОНАН и морок чаша	125	КОНАН и круг времен	126
КОНАН и дочь друидов	127	КОНАН и Чукас харид	128	КОНАН и хамстон шема	129	КОНАН и склонжина сириниан	130	КОНАН и воры из пророчеств	131	КОНАН против зогар-саа	132	КОНАН и новокор страна	133	КОНАН и потомки атлантов	134	КОНАН и зловещая добыча	135
КОНАН и жрица деркото	136	КОНАН и склонжина дервиш	137	КОНАН и склонжина мудрец	138	КОНАН и склонжина монстров	139	КОНАН и склонжина акламана	140								

ISBN 978-5-17-049029-5

9 785 170 490295

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС